

у 80 15)

ДЯМОК
ауДЕС

ЛЕВ УСТИНОВ

ПЛУТАЙ

ИЗ ПРИЛИЧНОЙ
СЕМЬИ

ЗАМОК ЧУДЕС

Фантастические и сказочные
повести для детей

Лев Устинов

ПОЛУДАЙ
из приличной семьи

*Детектив
для мальчишек и девчонок*

Художник В. Коркин

Москва АРМАДА
1997

Из этой потрясающе веселой, озорной книжки вы узнаете о том, чего не было, нет и не может быть, но так хотелось бы, чтобы было.

Два закадычных друга — попугай Джерри и полицейский Джек — отчаянно пытаются спасти Землю от нашествия тех самых землян, которые хуже любых инопланетян, но все еще, к сожалению, живут на нашей планете. В благородной борьбе против гадкого директора химического комбината, спасении гибнущего урожая одинокой фермерши, поисках на дне пруда амулета знаменитой актрисы и прочих неисчислимых подвигах Джерри и Джеку помогает отважная армия бездомных собак, мудрых бобров, веселых воробьев и влюбленных в Джерри красавиц казарок.

О, это было зрелище! У водителей автомобилей волосы вставали дыбом при виде сотни разномастных псов, с отчаянным воплем несущихся вдоль шоссе, плюхающихся в обмелевшую речку и отряхивающихся от воды сияющим радугой дождем! И кто скажет, что они не могут бороться за право жить на этой земле, под своим солнцем, со своими друзьями?!

Рисунок на переплете

И. Трефилова

Для младшего и среднего школьного возраста

Глава первая ПОПУГАЙ ИЗ ПРИЛИЧНОЙ СЕМЬИ

Джерри услышал металлический щелчок, повернул голову назад и увидел двух парней, один из которых, Тот, что Повыше, перезарядил пистолет, и они снова уставились в бинокли.

— Видишь полицейскую машину на том перекрестке? — спросил он Того, что Пониже.

— Я пока еще не ослеп,— пробурчал Тот, что Пониже.

— В ней сидит полисмен по имени Рони. Он уже трижды совал свой нос куда не положено. Хотя наш шеф дал ему понять, что это плохо кончится... За последний месяц по его вине мы потеряли шестерых ребят. Он нарисовал для них небо в клеточку.

— Это его работа,— проворчал Тот, что Пониже.

— А наша работа — лишить его этой работы,— твердо сказал Тот, что Повыше.

— Но за убийство полицейского...

— Ты прав. Но наш шеф говорит, что электрический стул — еще не самое страшное на этом свете.

— Что мы должны сделать? — испуганно спросил Тот, что Пониже.

— Когда кончается его смена, он всегда проезжает здесь... Ты упадешь и будешь кричать от боли. Я остановлю его машину и попрошу подвезти до больницы. А в машине я сяду сзади и накину ему удавку. Он даже пикнуть не успеет.

— Не нравится мне это дело.

— И мне не нравится. Но оно нравится шефу.

Джерри это дело тоже не понравилось, и он полетел на другой конец улицы, где стояла машина полицейского по имени Рони.

— Привет, Рони! — сказал ему Джерри.

— Привет, попугай! — сказал Рони. — Откуда ты знаешь мое имя?

— Я услышал его от пары серьезных ребят. Они большие выдумщики.

— Где же эти ребята?

— На том конце улицы.

— Что же они придумали?

— Один из них хочет притвориться больным и сесть к тебе в машину.

— А другой?

— И другой тоже. У них есть пистолет. И еще они говорили про какую-то удавку.

— Спасибо, дружок. Как тебя зовут?

— Джерри, если позволите.

— Эти ребята большие шутники. Но и я тоже иногда люблю пошутить... Только почему я должен тебе верить? Такие парни могут научить говорить попугая.

— Разве я говорю на их блатном языке? — обиделся Джерри.

— Пожалуй что нет, — виновато признался Рони. — Но это еще ничего не значит.

— Я попугай из хорошей семьи,— несколько высокомерно произнес Джерри.— Мой первый друг и отец — знаменитый проповедник профессор Майкл Брунди.

— Совсем мальчишкой я слушал его проповеди,— грустно кивнул головой Рони.— Он выходил на сцену с попугаем на плече, и сразу у всех становилось веселее на душе. А когда он появлялся один, мы, мальчишки, спрашивали его после проповеди: «А где же ваш попугай?» И он отвечал нам, загадочно улыбаясь: «Если этот бродяга через два дня не появится дома, мне придется заявить в полицию».

— Великого Левингстона тоже все считали бродягой до тех пор, пока он не стал великим путешественником... Велик тот, кто решился пойти по дороге, но дважды велик тот, кто дошел до конца. Идите за мной, сказал людям Иисус, ибо я уже прошел этот путь. Я нес по нему знание и обрел на нем веру.

— Вот теперь я тебе окончательно поверил,— засмеялся Рони.

Он поднес к губам радиотелефон и нажал зеленую кнопку:

— Джек...

— Я тебя слушаю, Рони,— откликнулся голос в радиотелефоне.

— Тут, в конце улицы, двое парней хотят поиграть со мной в пиф-паф... На всякий случай подстрахуй меня...

— Хорошо, Рони.

— Только не спугни их раньше времени.

— Рони, если хочешь, я полечу впереди тебя. Как только я их увижу, я сделаю кувырок: перевернусь на лету через голову.

— Лучше не стоит. Обычно эти ребята неплохо стреляют.

И Джерри решил, что полетит сзади. Пусть сзади, но все-таки полетит. Он понимал, что может влипнуть в плохую историю, но не влипнуть он уже не мог.

Джерри знал, что не всегда опасно там, где интересно, но зато всегда интересно там, где опасно.

Через несколько минут машина Рони плавно тронулась с места.

Джерри увидел, как на другом конце улицы те двое вышли на пешеходную дорожку. Тот, что Пониже, упал и начал кричать.

Рони подъехал к ним и высунулся из окна:

— Что случилось, господа?

Тот, что Повыше, сказал:

— Боюсь, что мой друг сломал себе ногу.

Тот, что Пониже, стонал все громче и громче. Вокруг собралась толпа.

— У него есть страховка?

— Есть.

— Где его больница?

— Это тут, рядом, у самого выезда из города. Вы не подбросите нас?

— Хорошо. Залезайте на заднее сиденье.

Несколько человек помогли затащить в машину Того, что Пониже. Тот, что Повыше, сел рядом с ним за спиной у Рони. Машина тронулась. Тот, что Повыше, осторожно достал из кармана кусок проволоки. В этот момент Рони нажал на пульте кнопку, и из спинки переднего сиденья вылетело толстое стекло и плотно прижалось к потолку автомобиля. Те двое заподозрили неладное.

— Эй, приятель! — крикнул Тот, что Повыше. — Похоже, что моему другу полегчало. Мы, пожалуй, сойдем вон у того перекрестка.

Но Рони уже включил сирену с мигалками и прибавил скорость. Тот, что Повыше, выхватил пистолет.

— Не валяй дурака, — раздался в динамике голос Рони. — Стекло пуленепробиваемое.

Но Тот, что Повыше, все-таки выстрелил. Пуля, сделав отметку на стекле, срикошетила, и Тот, что Пониже, взвыл от настоящей боли: на левом плече рубашка окрасилась в красный цвет.

— Прыгай из машины!

Они начали дергать дверцы машины, но дверцы тоже не открывались. Тот, что Повыше, стал исступленно бить рукояткой пистолета по стеклам. Он кричал, бесился, но, когда увидел, что сзади, тоже с мигалкой и сиреной, к ним пристроилась еще одна машина, сразу затих и обмяк.

— Сколько мы получим? — спросил Тот, что Пониже.

— Лет по десять можем отхватить... Какая-то сволочь нас заложила.

— Какая-то сволочь спасла нам жизнь,— пробормотал Тот, что Пониже.— Десять лет — это все-таки дольше, чем пять минут на электрическом стуле.

Машины на полной скорости влетели во двор, где их уже ждали крепкие ребята с автоматами в руках, и под звон наручников все исчезли за большой железной дверью.

В эту ночь с вечера до утра Джерри все время снился один и тот же сон: как будто он летит над городом, а на шее у него висит радиотелефон. Точно такой же, как у Рони. И что он разговаривает по нему с кем хочет. С Рони, с Джеком, с Зеленым Мышонком Микки и вообще со всеми, у кого есть телефон.

А когда он проснулся, ему даже есть не захотелось. Он понял, что из всех желаний на свете у него осталось только одно: поговорить с кем-нибудь по радиотелефону.

Джерри быстро нашел витрину радиомагазина. Переговорное устройство называлось воки-токи. Были даже совсем маленькие и не очень дорогие. И Джерри понял, что теперь у него есть цель жизни. Во всяком случае, на ближайшие три дня.

Когда мечтаешь о чем-нибудь — это хорошо. Когда очень сильно мечтаешь о чем-нибудь — это еще лучше. Но когда ты мечтаешь о чем-нибудь так сильно, что больше ни о чем другом уже не мечтаешь,— значит, быть беде.

Замерев перед витриной, Джерри понял, что без воки-токи ему не жить, что без этих прелестных звуков жизнь теряет свою прелесть. Мысли в его бедной голове прыгали во все стороны: «Конечно, можно взять деньги из шкафчика проповедника, чтобы потом вернуть, обязательно вернуть. Ибо сказано: не укради!.. Но в магазине мне никто ничего не продаст. Попросить кого-нибудь купить? Вряд ли кто согласится. Интересно, где сейчас этот Рони? Хоть послушать, как они переговариваются с Джеком — и то удовольствие...»

Когда он подлетел к машине Рони, то увидел, как полицейский вышел из нее и нырнул в уютную прохладу ближайшего кафе. Джерри опустил на дверцу с опущенным стеклом и прямо у себя под носом увидел лежащий на сиденье переговорник. Сердце его застучало, как пулемет, в глазах помутилось, и он даже сам не понял, каким образом очутился на крыше соседнего дома, а ремешок переговорника прочно держался на его мощной шее. Стоит только нажать кнопку — и можно будет услышать голос... голоса... весь мир!

Спрятавшись за трубу, Джерри наблюдал за тем, как Рони вышел из кафе, сел в машину, но тут же выскочил из нее как ошпаренный, торопливо огляделся по сторонам, никого не заметил, так как улица в этот час была совершенно пустынна, рванулся в кафе, пулей из него, прыгнул в машину и умчался.

Минут через двадцать в радиотелефоне раздался писк. Джерри нажал зеленую кнопку — молчание. Он сразу же догадался нажать красную. В переговорнике раздался голос Джека:

— Эй, парень, это плохие шутки — с полицейским имуществом...

Внизу появилась машина Рони. Он снова забежал в кафе. Голос Джека продолжал:

— Уголовный кодекс гласит, что посторонние лица...

Джерри счастливым голосом ответил ему:

— Ха-ха! Передай привет вашему кодексу и скажи ему, что у меня нет лица.

— Как это нет?

— А так. Лица бывают только у людей.

— А ты кто? — изумился Джек.

— Я — попугай... Попугай Джерри.

— Чем ты можешь это доказать?

— Если ты не против, через пятнадцать минут я появлюсь в вашем участке. Хотя правильнее будет сказать не «в участке», а «над участком». Мне надо по пути кое с кем переговорить.

И через пятнадцать минут Джерри завис над двором, где стояли полицейские машины и мотоциклы.

— А ты храбрый малый, — с некоторым восхищением сказал Джек. — Я ведь могу тебя запросто подстрелить.

— Ты не сделаешь этого.

— Почему?

— Прежде чем прилететь сюда, я послушал, что о тебе говорят жители твоего участка. Они говорят, что ты хороший человек.

— Ты подлиза, Джерри. И подхалим.

— Не будем спорить, Джек. Давно известно, что глупый хамит, а умный говорит комплименты.

— Джерри, не заговаривай мне зубы. Если ты не вернешь радиотелефон, мне придется применить силу.

— Каким образом, Джек? — В голосе Джерри прозвучала легкая насмешка.

— Мне придется тебя разок стукнуть дубинкой.

— По какому месту? — продолжал иронизировать Джерри.

— По твоей дурацкой башке. Тем более что, кроме башки и крыльев, у тебя ничего нет.

— А ты представляешь себе, что начнется в обществе защиты животных? — Насмешка стала уже совершенно явной. — Я уж не говорю о секции друзей попугаев. Поднимется такой крик, что его услышат даже глухие. А твой шеф — тем более. У него ведь хороший слух. Говорят, он даже играет на скрипке. А газеты?.. Какие

заголовки!.. «Полиция бьет попугаев, а преступники летают на свободе».

— Ты негодай, Джерри. Умный негодай, а это еще хуже. У меня просто слов нет..

— А если нет слов, то лучше помолчать. Лично я сказал все — и я умолкаю.

— Джерри, я знаю, ты живешь в приличной семье. И если проповедник узнает, что ты украл...

— А вот этого не надо! — возмутился Джерри.— За все было заплачено. Верно, Воробышек?

Сидящий на телевизионной антенне Воробышек то-ропливо зачирикал.

— А это еще кто? — удивился Джек.

— Это мой свидетель. Так... на всякий случай.

— И что же говорит твой свидетель? — спросил Джек, не скрывая иронии.

— Он говорит, что нельзя считать украденным то, за что заплачено дороже любой его стоимости.

— А ты что говоришь?

— А я говорю, что он прав... Я заплатил за этот кусок пластмассы в сто тысяч раз больше, чем он стоит в самом дорогом магазине... А может, даже в миллион раз.

— У тебя был миллион, Джерри?

— Для тех бандитов его жизнь не стоила ничего, а для его детей — больше, чем миллион... А ничего плюс миллион — это все-таки чуточку больше миллиона.

— Ну, если так рассуждать...— возмутился Джек.

В этот момент из дверей участка вышел Рони.

— Я все слышал, Джек. Попугай прав. Я предлагаю ему хорошую сделку. Он вернет мне переговорник, который числится за мной, а я куплю и подарю ему новый. Полегче весом и даже получше качеством. С радиусом действия в сто пятьдесят километров.

Воробышек на антенне что-то взволнованно зачирикал.

— Все в порядке,— сказал Рони,— пусть он не волнуется. Сначала я куплю тебе новый, а потом ты отдашь

мне старый. Только не забудь нажать зеленую кнопку, а то сядут батарейки.

Воробышек снова зачирикал.

— Что он говорит?

— Он говорит, что все о'кей! Мы согласны.

И, уже улетаая, Джерри крикнул:

— Я хочу познакомиться с твоими детьми, Рони. У таких людей, как ты, бывают хорошие дети.

Джерри прилетел домой, поставил воки-токи на самом видном месте и только было собрался полюбоваться им от всей души, как в окно постучал своим клювиком Воробей.

— Что случилось, дружок?

— На Последней улице Большой Кот остановил Зеленого Мышонка Микки и хочет у него отнять кусочек сыру,— выпалил Воробей.

— Летим! — Джерри, не раздумывая ни минуты, накинул на шею переговорник и вылетел в форточку.

А на Последней улице действительно Большой Кот преградил путь маленькому Зеленому Мышонку.

— Привет, Микки! — закривлялся Кот.— Уж и не знаю, чем мне сегодня полакомиться. Съесть твой сыр или тебя вместе с твоим сыром?

— Ты не имеешь права...

— Знаю, знаю... Зеленые мыши занесены в Красную книгу... Закон есть закон. Но сыр-то в Красную книгу пока еще не занесен... Хотя оттого, что я тебя съем, Красная книга не очень-то похудеет.

— Мышам вредно, когда их съедают коты,— пролепетал Микки.

— А котам вредно худеть.

И вдруг Микки услышал у себя над головой громкий шелест крыльев и голос попугая:

— Хелло, Кот!

Кот мрачно промолчал.

— Микки, у тебя какие-то неприятности?

Микки тоже промолчал. Когда совсем близко такой огромный Кот, то Мышонку лучше помалкивать.

Джерри еще раз повторил:

— Привет, Кот!.. Ты почему не отвечаешь? Разве тебя не научили вежливости?

— Ну, привет,— проворчал Кот.— А ты кто такой, чтобы задавать здесь вопросы?

— Я — Джерри.

— Ну и что?

— Я подарил этот сыр Микки, а ты хочешь отнять у него мой подарок.

— Я у него ничего не отнимаю,— усмехнулся Кот.— Я просто прошу его подарить мне этот кусочек сыру.

— А разве ты не знаешь, что дареное не дарят? — почти искренне удивился Джерри.

— Первый раз слышу. Это что, какой-нибудь индийский обычай?

— Ну, не совсем так. Это сложное, запутанное дело. Оно восходит корнями еще к библейским временам.

— Библия меня не интересует,— отрезал Кот.— Я как раз сейчас собираюсь принять мусульманство.

Джерри нажал красную кнопку, и воки-токи откликнулся звуками полицейских сирен, шумом большого города и переключкой дежурных.

— Вызываю четырнадцатого! — сказал в микрофон Джерри.

— Сержант Джек слушает,— откликнулся голос в переговорнике.

— Привет, Джек.

— Привет, Джерри.

— Джек, надеюсь, ты помнишь, что зеленые мышата занесены у нас в Красную книгу?

Джек этого не помнил, но догадался, что Джерри такой вопрос зря задавать не будет.

— Конечно, Джерри... Что-нибудь случилось?

— Ничего особенного. Просто тут один Кот хочет вырвать страницу из этой книги.

— Красная книга — государственный документ. А уничтожение государственных документов карается законом. Тебе помочь, Джерри?

— Попробую справиться сам.

— Хорошо. Если что — нажми кнопку. Я буду здесь через минуту.

Джерри нажал зеленую кнопку, и переговорник отключился.

— Ну что, Кот? Мы сами договоримся или мне все-таки нажать эту кнопку?.. Кстати, друзья одного моего знакомого полицейского очень горюют по поводу пропажи своей канарейки. Я хотел бы с тобой поговорить немного об этом деле.

— Извини, но мне некогда тут разговаривать. Я никогда не имел дел с полицией и, надеюсь, не буду.

Кот повернулся, задрал хвост трубой и удалился с видом победителя.

— Микки, неужели ты отдал бы ему этот кусочек сыру?

— А что делать, Джерри? Он так меня просил об этом, и к тому же он такой большой и сильный...

— Голиаф тоже был сильнее Давида, но Давид его все-таки победил... Но ты молодец, Микки. Я поздравляю тебя с победой.

— Ты уверен, что это я его победил? — удивился Микки.

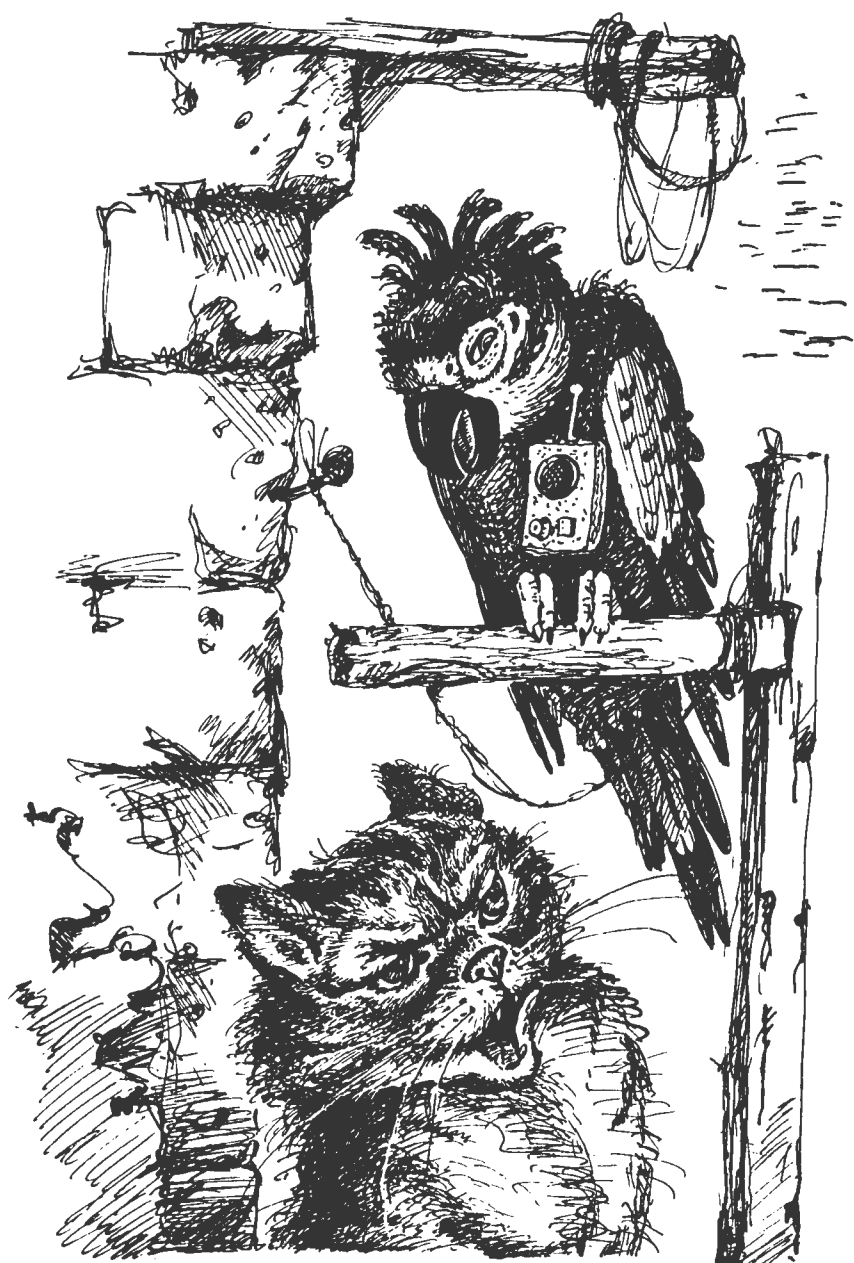
— Конечно.

— Даже если это так, я прошу тебя — никому не рассказывай, а то все подумают, что я врун и хвастунишка. Все знают, какие у Кота страшные когтищи.

— А,— пренебрежительно махнул крылом Джерри,— когти, клыки, камни, дубинки — это все для дураков с плохим характером. Они злятся, потому что их никто не любит, а не любят их потому, что они все время злятся. Давно уже было сказано, что глупый ищет палку, а умный находит друга. И поверь мне: лучше иметь двух друзей, чем один плохой характер... Кстати, а знаешь ли ты, почему Давид победил Голиафа?

— Нет,— честно признался Мышонок.

— Потому что у маленького Давида был большой ум, а у большого Голиафа — маленький.

По виду Джерри можно было догадаться, что он очень доволен своей сегодняшней проповедью.

— Ах, Джерри, как я рад, что у меня такой смелый и такой умный друг! Я даже не знаю, как тебя благодарить.

— Ах, Микки, не стоит расстраиваться. И то и другое я купил совершенно бесплатно.

Джерри с чувством исполненного долга неторопливо полетел домой в предчувствии чего-нибудь вкусенького, как вдруг в районе Длинной улицы он увидел нечто такое, что заставило его снова нажать кнопку переговорного устройства.

Джек откликнулся почти сразу:

— Четырнадцатый слушает.

— Это я, Джерри.

— Что случилось? Что-нибудь опять с Мышонком?

Нужна моя помощь?

— Джек, на Длинной улице похитили девчонку.

— Почему ты думаешь, что ее похитили?

— Два типа в масках схватили ее и кинули в машину.

— В масках?

— Да.

— Может быть, там снимают кино?

— На улице нет никаких киношников.

— Какой марки машина?

— «Тойота». Последняя модель.

— Куда они едут?

— В сторону Последней улицы.

— Я бы тебе посоветовал не спускать с них глаз.

— Что мне в тебе нравится, Джек, так это то, что ты никогда не опаздываешь со своими советами.

— Извини, Джерри. Не выключаю воки-токи.

Джерри услышал голос Рони. Видно, Джек его вызывал.

— Я тебя слушаю, Джек.

— Рони, на Длинной улице двое в масках похитили девчонку. Они увозят ее в синей «тойоте» последнего выпуска. Ты сможешь пойти наперехват?

- Откуда у тебя эти сведения?
- Джерри все видел своими глазами.
- Тогда я даже с места не сдвинулся!
- Почему?

— Мне не нравятся попугаи из приличной семьи, которые воруют чужие воки-токи. И мне не нравится твоя дружба с этим попугаем.

— Мне тоже. Но зато мне нравится его дружба со мной.

— Если он мне попадется...

— Ты прав, но хорошо бы, чтобы сначала нам попались эти два типа в масках.

Рони секунду помолчал и заговорил другим тоном:

— Если они минуют Последнюю улицу, они выскочат на шоссе. «Тойоту» этой модели догнать будет не так-то просто. Да и стемнеет скоро.

— Будем вызывать вертолет.

— Скажи своему... этому... как его... — пробурчал Рони, — пусть запомнит номер машины.

— Перед выездом из города они могут сменить машину.

— Тоже верно. Если мы не перехватим их до темноты...

Почему-то голоса Джека и Рони становились все тише и тише. Джерри еле расслышал, что Джек окликнул его. Он прокричал изо всех сил:

— Я слушаю тебя, Джек.

— Джерри, тебя почти не слышно.

— И тебя тоже.

— Боюсь, что у тебя садятся батарейки.

— Кто садится? — прокричал Джерри. — Я не могу садиться. Я должен все время следить за ними.

— Где они сейчас? — еле слышно прохрипел голос Джека.

— Выходят на шоссе. Девятое направление.

— Если они выйдут за кольцевую...

И воки-токи заглох. Джерри понял, что, если он чего-то не сделает сам, за него уже никто ничего не

сделает. Он подлетел поближе и увидел, что девчонка валяется на заднем сиденье со связанными руками и тряпкой во рту. Тот, что сидел рядом с девчонкой, все еще был в маске и держал в каждой руке по пистолету. Джерри благоразумно отлетел подальше от машины, но продолжал лететь параллельным курсом.

«В конце концов,— подумал он,— почему я должен рисковать жизнью из-за какой-то девчонки?.. Я сказал Джеку, Джек сказал Рони — вот пусть полиция и рискует. Им за это деньги платят. И медали дают. А мне никто за это даже треснутого ореха не бросит».

Но Джерри все-таки продолжал лететь за машиной и непонятно почему вдруг вспомнил, как однажды дочь проповедника влетела в квартиру с криками:

«Папа! Джерри! Я сегодня спасла жизнь одному мальчишке. Я одна из всех поставила правильный диагноз, и ему успели сделать операцию... Еще бы два часа — и тогда... Даже страшно подумать, что тогда было бы...»

Отец обнял ее и сказал:

«Господь Бог дает всем людям жизнь, чтобы жить, и только избранным он дает ее, чтобы спасти другие жизни. Нет ничего дороже жизни, и все-таки чья-то жизнь, спасенная тобой, чуточку дороже всех остальных».

И, как обычно в таких случаях, когда ему хотелось похвалить свою дочь за что-то особенное, он говорил с мягкой улыбкой, чуть прищутив глаза:

«Сразу видно, что ты у нас девочка из приличной семьи...»

Никогда нельзя было понять, говорит он всерьез или шутит, но Джерри всегда ревниво и чуть обиженно добавлял:

«Я тоже из приличной семьи».

Все весело смеялись и дружно садились за стол. В такие дни еда всем казалась особенно вкусной, а Джерри еще дополнительно получал кусочек сахара..

Джерри злился на мысли, которые лезли ему в голову.. Он понимал, что все эти воспоминания только

расслабляют его, но ничего поделать не мог. Увы, но это не мы приходим к своим воспоминаниям, а воспоминания сами приходят к нам.. Возле сердца возникла щемящая боль и разлилась по всему телу. Ощущение чего-то неизбежного смешалось с чувством отчаянной опасности. Крылья становились как будто ватными. И с каждым взмахом с перьев слетали тяжелые, как камни, слова: «Я устал... Устал... Устал...»

Впереди показался мост кольцевой дороги. Джерри вспомнил еле слышные слова Джека: «Если они выйдут за кольцевую...» За кольцевой в разные стороны расходились шесть дорог. «Пропала девчонка», — подумал Джерри.

И в этот момент.. Собственно говоря, никакого решения он не принимал. Он потом сам не мог объяснить, как это все произошло.

Джерри вдруг рванулся, обогнал машину и бросился на переднее стекло, раскинув крылья.

Завизжали тормоза. Тот, что сидел в маске рядом с девчонкой, выхватил пистолет и выстрелил прямо в стекло.

Последнее, что увидел Джерри,— это как машина с бандитами медленно сползла в кювет, а мигалки полицейских машин приближались все ближе и ближе...

А еще он увидел себя над великой рекой Амазонкой, берега которой в лучах заходящего солнца, куда ни посмотришь, уходили далеко-далеко, за самый горизонт. Он еще успел подумать: «Если эта река шире океана, то как же выглядит океан, который в тысячу раз шире реки?»

В этот момент последний луч заходящего солнца вздрогнул, скользнул по реке и погас. Джерри уже не слышал, как Джек сказал Рони:

— Отвези его быстро в госпиталь, а с этими бандюгами я и сам справлюсь...

Глава вторая ГОСПИТАЛЬ

Когда Джерри очнулся, он в целях предосторожности слегка приоткрыл один глаз, но тут же зажмурился от ужаса: прямо над его головой была занесена страшная, лохматая рука. И рука эта сжимала страшный, невероятно острый и тонкий нож.

«Бандиты,— подумал Джерри.— Все. Конец».

Ему очень хотелось пожалеть себя, но он пожалел только об одном: что так и не успел попрощаться с уважаемым Майклом и обожаемой Анной. «В следующий раз,— подумал он,— если мне, конечно, удастся воскреснуть, я буду каждое утро с ними прощаться. «Здравствуйте» и «до свидания»,— буду говорить я им. Так, на всякий случай. Ибо неисповедимы пути Господни».

Джерри приготовился к смерти, но в этот момент почувствовал нежное прикосновение к своему ноющему от боли крылу и услышал уверенный голос:

— Спокойно, дружок, спокойно... Придется чуть-чуть потерпеть. Совсем немного.

«Бандиты так не говорят»,— подумал Джерри и смело приоткрыл второй глаз.

И сразу рука оказалась не такой уж лохматой и страшной, а нож — не таким уж большим и острым.

Голос сказал:

— Все о'кей! Можете его зашивать и отнесите в третью палату.

Джерри попробовал взмахнуть крыльями, но не смог. Он повернул голову задом наперед и увидел, что правое крыло крепко связано широким бинтом.

«Так,— догадался Джерри,— если я в больнице, значит, я пока живой. А живой отличается от мертвого тем, что у мертвого все позади, а у живого все еще впереди».

— Приехали, Джерри! — сказал санитар, который катил тележку с забинтованным попугаем.— А вот и твоя палата... Ты у нас теперь знаменитость. Только не очень задавайся... Я тут и не таких катал. Вот недавно был скотч-терьер, который получил золотую медаль на всемирной выставке скотч-терьеров. А до этого наш хирург вытащил стекло из ноги ангорской кошки. Она снималась вместе с самим Максом Шувальтером в фильме «Бей всех подряд». Я понимаю, это, конечно, не то, что, рискуя жизнью, броситься на двух отпетых бандитов. Но все-таки, Джерри... Если ты когда-нибудь согласишься посмотреть на ночное небо, ты поймешь: чем ближе к нам звезда, тем ярче она сияет.

«Эта фраза достойна великого проповедника Майкла»,— подумал Джерри и представил себе, как Майкл, тряхнув седой шевелюрой, будет рассказывать прихожанам о своем попугае.

«Да, да,— скажет он,— мы всегда уважали его и своим уважением научили его уважать других. Мы приняли его в свою семью, и он принял в свою семью таких же, как мы. Он принял в свою семью нас с вами. Я, ваш проповедник, стараюсь спасти ваши души, а моя дочь, врач, старается спасти ваше тело. В нашей семье Джерри понял, что спастись самому можно, только спасая других... Да-да... Он пошел на этот подвиг, потому что не считал его подвигом. Он просто жил так, как научили его жить те, кто живет рядом с ним. «И тот,

кто пойдет со мной,— сказал Учитель,— станет рядом со мной».

Санитар взял Джерри в руки и осторожно усадил на жердочку, прикрепленную к стене.

— Постарайся поменьше дергаться,— сказал санитар и укатил свою тележку.

Джерри огляделся по сторонам.

— Ба!.. Да тут целый зоопарк!.. Тогда разрешите представиться: попугай Джерри.

— По-моему, мы уже знакомы,— ехидно заметил Большой Кот с забинтованной лапой.

— Как же, как же, припоминаю. Ты тот самый Кот, который никогда не имел дела с полицией.

— Вот сожрать бы тебя сейчас, пока у тебя крылья связаны,— злобно промяукал Кот. И хищно облизнулся.— Только пока еще слишком светло, а ночью, Джерри... Ночью у нас с тобой может быть интересный разговор... Кстати, не можешь ли ты мне сказать, почему это попугаи ночью всегда спят?

— Потому что они, в отличие от котов, в темноте плохо видят,— с подчеркнутым равнодушием ответил ему Джерри.

— Неужели? — с притворным удивлением ахнул Кот.— А вот коты, в отличие от попугаев, ночью видят очень хорошо.

— Пес, а Пес! — окликнул Джерри лежащую рядом собаку с забинтованным горлом.

— Чего тебе? — с трудом прошипел Пес змеиным голосом.

— Вот это голосочек! — рассмеялся Джерри.— Неужели ты стащил из холодильника мороженный торт и слопал его?.. Сразу весь, без остатка?

— А ты откуда знаешь? — удивился Пес.

— В детстве со мной произошел аналогичный случай... Но ты не расстраивайся. Что может быть страшнее Пса со змеиным голосом! Да о таком стороже только мечтать можно!

— Ты думаешь? — обрадовался Пес.

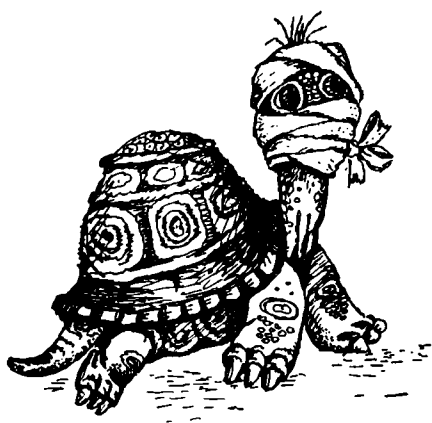

— Уверен. У меня к тебе просьба.

— Ну?

— По-моему, там, в углу, валяется ножка от старого стула. Принеси мне ее... Спасибо... Вот так... Поближе к клюву...

Джерри взял клювом ножку, пристроил поудобней, чтоб она не потеряла равновесия, поднатужился, и нож-

ка с грохотом и скрипом разлетелась на две половины! Все обитатели палаты почтительно загудели.

— Не забудь, Кот! Ты обещал прийти ко мне ночью. Я буду ждать тебя.

Кот сделал вид, что он давно уже спит, и даже всхрапнул для убедительности.

А Пес восторженно прошипел:

— Ну Джерри, ну ты даешь!.. Ты запросто мог бы работать волкодавом. Хочешь — порекомендую?

— Спасибо, но я уже нашел себе работу.

— Какую?

— Я с детства работаю попугаем. И, поверь мне, это недурная работа.

— Не знаю,— ворчливо прошипел Пес.— Не знаю. Никогда не пробовал.

Из угла, возле двери, выползла Черепаха. Голова ее была забинтована так, что видны были только одни глаза.

— Вы герой, Джерри! Вы были ранены в сражении! Я обожаю героев!.. И я почту за счастье познакомиться с вами... Не обращайте внимания на мой вид. Это временно. На меня свалился чайник с кипятком. Чайник разбился о панцирь, а голову я не успела спрятать.

— Примите мое сочувствие,— раскланялся Джерри.

— Пустяки. Все пройдет... Должна поставить вас в известность, что я единственная в мире Черепаха, которая может сама переворачиваться со спины на живот.

— Все это сплошное вранье, потому что этого быть не может,— проворчал Кот.

— Извините, но это могу делать не только я, но и мои дети. И все мы создадим новое поколение, которое не будет погибать, лежа на спине.

— Как сказала бы моя молодая хозяйка, у каждого нового поколения свои новые болезни.

— Почему ты называешь ее хозяйкой? — прошипел Пес.— Разве ты не вольный попугай, Джерри?

— Вольный. Конечно, вольный... Однажды моя хозяйка сказала мне: «Ты свободен, Джерри. С этого дня ты свободен. Ты можешь лететь куда угодно, а если захочешь вернуться, мы примем тебя как самого дорогого гостя». — «Вы лишаете меня дома, мадам?» — спросил я ее. «С чего ты взял, Джерри?» — удивилась она. «Хозяин дома к себе в гости не ходит», — сказал я ей таким обиженным тоном, что даже сам чуть было не прослезился. «Хорошо, Джерри,— рассмеялась она.— Можешь прилететь как хозяин...» С тех пор я являюсь хозяином своей хозяйки, а она — хозяйкой своего хозяина.

— Ну ты даешь, Джерри!.. Хозяин хозяйки!.. Скажи еще, что ты ее иногда наказываешь.

— И это бывает. Когда я обижаюсь на нее, я умолкаю... Я не отвечаю на ее вопросы. А знаешь ли ты, мой друг Пес, что происходит в мире, когда молчит говорящий попугай?

— Что? — изумился Пес.

Но Джерри не успел рассказать, что же тогда происходит в мире, потому что в палату вошла сама «хозяйка хозяина» с пакетиком миндаля в сахаре и устремилась к своему «хозяину».

— Мы гордимся тобой, Джерри. Мы никогда не искали славы, но она прилетела к нам в гости на твоих крыльях.

— Мне надоело здесь, Анна. Скажи им, чтобы они меня выпустили.

— По нашим понятиям, Джерри, одному врачу неэтично вмешиваться в распоряжения другого врача. Ветеринары — особые люди. У них свои законы.

— Законы? — вскричал Джерри. — Здесь нет законов! Они поместили нас сюда без санкции прокурора.

— При чем тут прокурор? — поморщилась Анна.

— А ты посмотри на окна.

— Ну и что? Там обычные сетки.

— Нет, это не сетки. Это решетки в мелкую клеточку. Эта больница — тюрьма народов. Мы требуем свободы!

— Свободы, свободы! — поддержал его хрипатый Пес.

— А мне здесь нравится, — назло им мяукнул Кот.

— Джерри, эти врачи спасли тебе жизнь. Тебе и всем, кто здесь находится. Спасли как раз для того, чтобы снова вернуть вам свободу. А знаешь ли ты, что такое свобода?

— Что же это такое? — насмешливо ответил Джерри вопросом на вопрос.

— Свобода — это право души жить, не завися от своего тела. Недаром мы говорим: в здоровом теле — здоровый дух. Мене сана ин корпоро сана.

— Если мне здесь надоест, я им такое устрою, что они сами меня выгонят! — запальчиво крикнул Джерри.

Анна наклонилась к нему и шепнула:

— По-моему, ты забыл, что ты попугай из приличной семьи.

— Извини меня, Анна, — спохватился Джерри. — Ты права, Анна. Я больше не буду, Анна.

Анна нежно погладила его пальчиком по головке, положила ему в клюв кусочек хрустящего миндаля, и они, как всегда, расстались самыми лучшими друзьями.

— Это про нее ты говорил? — спросил Пес.

— Да.

— Когда же ты стал хозяином этой красивой женщины?

— Тогда же, когда она стала хозяйкой красивого попугая.

— Извините, господин Кот, что я вас об этом спрашиваю, но неужели вам тоже ошпарили кипятком лапу?

— Ничего мне не ошпарили,— сердито фыркнул Кот.

— Тогда вы, наверное, упали с какого-нибудь этажа? — В голосе Черепахи смешались ужас, скорбь и сочувствие.

— Ниоткуда я не падал. Мне отдала лапу роскошная машина с четырнадцатью фарами и шестью дверцами.

— Надеюсь, хозяин этой машины тут же принес вам свои извинения?

— Нет. Этот негодяй и не подумал даже попросить прощения. Он привез меня и заплатил за мое лечение. Богатые всегда извиняются деньгами... Когда я получил второй приз на кошачьей выставке...

— Ах, второй приз — это ужасно! Это так обидно. Но, к сожалению, слава всегда ползет по земле со скоростью второго приза,— пробормотала Черепаха.— Главное — это уметь переворачиваться со спины на живот...

— Я всегда знал, что все черепахи дуры,— лениво зевнул Кот.

В это время за дверью послышался голос санитара:

— Не все сразу, господа, не все сразу!

И в палату ввалилась толпа журналистов с микрофонами и фотоаппаратами. Камеры защелкали, засверкали вспышками, и рядом с микрофоном взлетел первый вопрос. Затем второй, третий... Джерри отвечал им с той же скоростью, с какой сыпались вопросы.

— Ваша профессия?

— Говорящий попугай.

— Что вы делаете в свободное время?

— Молчу.

— Ваше хобби?

— Искать приключения.

— Ваша мечта?

— Всегда любить жизнь.
— У вас есть друзья?
— Да.
— Где вы их находите?
— Там же, где они находят меня.
— А враги?
— Конечно.
— Что вы делаете, когда обнаруживаете серьезных врагов?

— Начинаю подыскивать себе веселых друзей.
— Вы домашний попугай?
— Нет, я — попугай, у которого есть свой дом.
За дверью слышался голос санитара:
— Ваше время истекло, господа!
— О'кей, Джерри! Мы в восторге от твоего остроумия.

— А... пустяки... Все это я купил себе совершенно бесплатно.

Джерри заковылял к отведенной ему жердочке, когда еще один корреспондент окликнул его:

— Хелло, Джерри!

Это был маленький мальчик, корреспондент «Детской газеты» из соседней с больницей школы. Два обыкновенных фотоаппарата висели на его груди, как два огромных ящика.

— Джерри, я давно мечтал иметь такого попугая. Давай будем вместе. Ты мне очень нравишься.

— И ты мне нравишься, малыш. Но ответь, пожалуйста, на один вопрос. Если бы я прожил с тобой несколько лет, а потом вдруг взял бы и ушел к другому. Ты бы, наверное, на меня очень рассердился?

— Нет. Наверное, нет. Но я бы, наверное, очень сильно плакал.

— Тогда почему же ты хочешь заставить плакать тех, кто живет сегодня со мной?

— Ты прав, Джерри... Извини. Мне очень стыдно...

Он щелкнул фотоаппаратом и пошел, смущенно опустив голову. Но в дверях на секунду задержался и сказал:

— Знаешь, раньше я мечтал стать космонавтом... Но после того как я узнал про тебя, я передумал... Очень жаль, что я не могу стать попугаем... И поэтому я решил стать полицейским.

— И правильно, малыш. Говорят, что и в космосе сейчас много мусора, но на Земле его пока еще все-таки намного больше. Счастливо тебе, малыш.

— Чирик, Джерри!.. Чирик, чирик!

Джерри оглянулся и увидел, что к сетке окна прилепился лапками Воробей. Его верный друг и свидетель.

— Я сочинил для тебя песню, Джерри. В твою честь. Можно, я тебе ее спою?

— Можно. Только не очень громко. А то разбудишь Кота.

— Хорошо, Джерри. Хорошо, что он спит. Я люблю спящих котов. А еще больше дохлых.

Кот, конечно, рассвирепел от этих слов. Но, оценив, что между ним и Воробьем железная сетка, сделал вид, что ничего не слышал. Что говорит о его уме. Об уме Кота. Ибо умен тот, кто не увидел того, что не достойно его взгляда. Дважды умен тот, кто не услышал того, чего не хотел услышать. И трижды умен тот, кто все это увидел и услышал, но сумел промолчать.

— Я слушаю тебя, мой друг,— благосклонно кивнул головой Джерри.

И Воробей откликнулся ему своим никогда не унывающим чириканьем:

Чтоб поздравить тебя, я поднялся сегодня так рано.

Пожеланье свое в этот день я тебе пропою.

Я желаю тебе получить настоящую рану

И остаться живым в настоящем смертельном бою...

Но Воробей так и не успел до конца пропеть все свои пожелания, потому что в палату ввалился санитар с мисками манной каши.

— Господа птицы и прочие разные звери! Ваш ужин!.. Однажды здесь лечился медведь с пиратского корабля. В таких случаях он обычно орал: «Приятного аппетита вам в глотку, так и растак ваши души!» Этот медведь был отвратительное животное. Но в одном он был все-таки прав... Приятного аппетита, господа!

И санитар величественно удалился.

— Нет ничего вреднее манной каши,— с отвращением пробурчал Джерри.— У меня от нее начинается расслабление мозгов.

— А мне она очень полезна,— вожаденно мяукнул Кот.

— И мне,— прошипел Пес.

— В детстве, когда я был котенком, мне иногда давали манную кашу. Запах ее, как сейчас помню, заглушал все запахи всех цветов мира. Но детство, увы, кончилось... Счастье мое ушло и унесло с собой нежный вкус душистой манной каши с тонким привкусом чуть подгоревшего молока. Запах ее мог сравниться только с запахом валерьянки!..— продолжал Кот.

— Какой прекрасный спич! — восторженно прошептала Черепаха.— Вы настоящий поэт...

— Не говори глупостей, дура,— оборвал ее Кот.— Поэты пишут стихи, для того чтобы сидеть без денег и голодать. А я готов все стихи на свете обменять на парочку жирных мышей.

— Боже, как я ошиблась,— вздохнула Черепаха.— Неужели я опять ошиблась?.. Он так красиво говорил...

— Дьявол искушает нас не хулой, а восторгом,— сказал ей Джерри.— Перевернись на живот, Черепаха, и ты поймешь, что Земля эта создана всего лишь для того, чтобы по ней могли ползать такие, как ты. И прыгать, и летать, и нырять...

Но Джерри не успел перечислить всего, что можно делать на этой Земле, потому что в палату вошла рыжая девочка с зелеными бантиками в рыжих косичках, достала из футляра скрипку и положила ее на плечо. Огромный синяк под ее левым глазом склонился к струнам, смычок испуганно дрогнул, коснувшись таинственных струн, и палату заполнила неземной красоты музыка. Наступила удивительная тишина. Все молчали. Потому что за всех говорила музыка. Она говорила не о том; о чем говорят. Она говорила о том, что думают...

Когда юная скрипачка опустила смычок, сипатый Пес вылизал начисто свою миску, поставил ее перед девочкой и прохрипел:

— Но учти. Если ты играешь за деньги, нам нечего тебе подать.

— Я играю для него,— сказала девочка.

— Для кого это «для него»? — ревниво выгнул спину Кот.

— Для него... Для попугая Джерри.

— А почему это только для него? — возмутился Кот.—
Что он такого сделал?

— Он спас мне жизнь.

— Ну, эту уродину, от которой за версту пахнет спаниелем, ты мог бы не спасать.

— Что он говорит? — спросила девочка.

— Он говорит, что ты очень красивая и что у тебя прекрасный спаниель.

— Спасибо,— грациозно качнула девочка своими рыжими косичками.— В следующий раз я принесу ему кусочек самой дорогой и самой вкусной рыбы.

— Что она там бормочет? — скривил рожу Кот.

— Она говорит, что в следующий раз принесет тебе на обед пару жареных гвоздей. Острых и без шляпок.

— Я всегда знал, что мерзкие собаки заводят себе таких же мерзких хозяев.

Кот высокомерно поднял хвост трубой и удалился в свой угол.

— Что он сказал?

— Он сказал, что никогда не надо разговаривать с незнакомыми дураками. Дурак всякую новую глупость считает очередной истиной, в то время как мудрец всякую новую истину считает всего лишь очередной глупостью.

— Какой умный Кот! — удивилась девочка.

— Подойди ко мне поближе,— попросил ее Джерри.

Зеленые бантики в рыжих косичках склонились над самой головой Джерри.

— А славно мы с тобой прокатились на этом автомобиле! — сказал Джерри.— Будет что вспомнить.

— И о чем рассказать,— добавила девочка.

— Знаешь,— сказал Джерри,— когда я выйду отсюда, я выступлю в конгрессе штата с предложением наряду с орденом «За храбрость» учредить орден Почетного синяка.

Многие спрашивают: как стать друзьями? Очень просто. Надо вместе рассмеяться — только и всего.

Что они и сделали.

А через три дня в коридоре раздался голос санитаря:

— Джерри, к главному врачу!

Джерри полетел, притормаживая на каждом взмахе, так как знал, что за хорошее поведение туда не вызывают.

Главный врач спросил его:

— Джерри, что у тебя лучше получается? Говорить самому или слушать то, что говорят другие?

— Конечно, говорить, сэр. Как и у всех людей.

— Твой ответ убеждает меня в том, что ты меня поймешь...

— Что случилось, сэр? Я в чем-нибудь провинился?

— Пока еще нет. Но поверь мне: после этого ранения тебе нужно было бы пожить немного на природе.

— Я городской попугай, сэр.

— Чтобы жить в городе, надо иметь крепкое здоровье.

А здоровье в городе не продается.

— Это ссылка, сэр?

— Нет, это всего лишь ссылка на данные экологов.

— Могу ли я воспринимать это не как приказ врача, а как совет друга? — спросил Джерри.

— Безусловно. Тебя ждут великие дела, Джерри. Не исключено, что когда-нибудь мы назовем этот госпиталь твоим именем. И может быть, именно тебе удастся раскрыть так и не раскрытую до сих пор тайну всех тайн: кто кого делает? Великие люди — великие дела или великие дела — великих людей?..

— Я, конечно, польщен, сэр, но считаю, что называть госпиталь моим именем — это не совсем скромно. Лучше назовите его просто: «Госпиталь великого попугая».

— Хорошо. Я подумаю, Джерри. Вот тебе пропуск. Вставишь эту карточку в дверь на выходе госпиталя.

— Извините, сэр, но, если это возможно, я предпочел бы вылететь в окно.

Главный врач строго улыбнулся:

— Хорошо. И хотя это категорически запрещено, но своим подвигом ты заслужил это право, Джерри.

Створки распахнулись, и Джерри вылетел в мир городского шума, дыма, смрада, грохота и неистовой музыки. Навстречу, быть может, еще никому не ведомым приключениям.

Глава третья НОВЫЕ ДРУЗЬЯ

Госпиталь остался за хвостом — и все неприятности тоже. И если бы не рецепт...

В самый последний момент главный врач успел сунуть ему в лапу клочок бумаги. Да так ловко, что Джерри даже не успел увернуться. Что делать — пришлось прочесть. А там черным по белому было написано:

РЕЦЕПТ

Диагноз: «Чрезмернус Активинус».

Лекарство: «Три дня ни во что не вмешиваться».

И печать. А печать — дело серьезное. С печатью не очень-то поспоришь.

Вы когда-нибудь пробовали три дня ни во что не вмешиваться?.. Попробуйте, попробуйте... К концу третьего дня вы взорветесь, как паровой котел или как атомная бомба с дурным характером!

А Джерри терпел. Третий день летал он вдоль реки, среди неслыханной красоты, которая уже порядком стала ему надоедать.

Летающая навстречу Ворона спросила его:

— Куда ты летишь, попугай?

— Не знаю, — ответил Джерри.

— А в какую сторону?

— В сторону той стороны, куда я лечу.

— А зачем?

— Затем, чтобы узнать там, зачем я туда лечу.

— И у тебя нет никаких дел? — удивилась Ворона.

— Никаких. Кроме одного.

— Какое же это дело?

— Три дня ничего не делать. Сегодня как раз третий день.

— Значит, сегодня у тебя последний день свободы?

— Да.

— И завтра ты снова будешь таким же, как все мы?.. Будь здоров, попугай... Могу тебе на прощанье дать один хороший совет. Совершенно бесплатно.

— Если бесплатно, то давай,— засмеялся Джерри.

— На твоём месте я бы одевалась чуть скромнее. Такие, как ты, слишком заметны для тех, кто умеет стрелять.

— Ты права, Ворона,— сказал ей Джерри.

— Ну, тогда и ты прав, попугай.

— Первый раз в жизни встречаю такую миролюбивую Ворону,— удивился Джерри. Удивился и полетел дальше... Он старался не смотреть вниз, чтобы не замечать, что там происходит. Но все-таки увидел, как внизу, возле куста, отчаянно дрались два енота. «Осень? Ну и ну! Интересно, из-за чего это можно драться осенью, когда вокруг так много еды?»

— Эй, ты! — крикнул Джерри.— Нет, не ты, а тот, у которого на носу два пятна... Ага, вот ты. Как ты думаешь, я свободен?

— Это зависит от того, как ты понимаешь свободу.

— А как ее понимаешь ты?

— Ну... свобода — это когда бежишь неизвестно куда и неизвестно зачем...

— Не верь ему, попугай! — крикнул другой Енот. — Не повторяй за ним эти глупости! Если бы он знал, что такое свобода, он бы не стал со мной драться из-за того, что ясно даже ежу.

— Тогда скажи ты, что такое свобода.

— Свобода — это когда ты идешь куда хочешь и знаешь, зачем идешь... Свобода — это право вмешиваться во все и ни во что не вмешиваться.

— А из-за чего вы деретесь? — спросил Джерри.

— Этот болван, у которого даже нет двух точек на носу, утверждает, что наша Земля вертится... А если она вертится, то почему же у меня тогда не кружится голова?

— Ну, это святой бой! И я каждому из вас желаю удачи!

Джерри понял, что этих пушистых «философов» все равно не удастся разнять, отлетел в сторону, присел на ветку и решил немного вздремнуть, чтобы увидеть какой-нибудь интересный сон... А надо вам сказать, что все попугайские сны до сих пор смотрятся вверх ногами, потому что все предки всех попугаев родились на той

стороне земного шара... Но вместо того чтобы уснуть, он продолжал думать о свободе...

«Свобода... Странное слово, за которое люди отдавали свою жизнь и отнимали чужую...»

Он вспомнил, как Майкл говорил однажды на своей проповеди:

«Помни тех, кто простил тебя, и забудь тех, кого простил ты».

Джерри тогда с ним не очень-то согласился:

«Ну, тут уж Майкл не прав... Так можно и дважды и трижды простить одну и ту же обиду. А самыми большими негодяями вырастают как раз те, кого все время прощают...»

Тут почему-то Майкл перевернулся и продолжал читать проповедь уже вниз головой... А это означало, что Джерри все-таки заснул.

Проснулся он от стука и плача. Стучал рядом Дятел, а плакали внизу бобры. Один большой и много-много маленьких. Дятел печально, как в бубен, ударял клювом по высохшему дереву: «Тук-тук... Тук-тук-тук...» Как звуки тамтама на чьих-то похоронах.

— Почему они плачут? — спросил Джерри Дятла.

— Тебе этого не понять, попугай, ты никогда не жил в воде.

— А ты кто, Дятел? Птица или рыба?

— Я птица, но я все видел своими глазами. А ты кто такой?

— Я — Джерри, попугай из приличной семьи.

— А... понятно... Ты живешь в городе... Вам, городским, этого не понять... А я все видел своими глазами.

— Что толку от твоих глаз, если язык твой не может рассказать о том, что видели твои глаза?

— Почему это не может? — обиделся Дятел. — Очень даже может. Только стоит ли рассказывать тому, кто все равно ничего не поймет?

И тут же начал свой печальный рассказ:

— Видишь того Большого Бобра? Там, под деревом?.. Это Учитель. Очень умный учитель... И жена его была

учительницей... Знаешь ли ты, попугай, что означает слово «была»?

— Что же оно означает, Дятел? — почтительно спросил Джерри.

— Оно означает, что ее уже нет. На нашем языке это звучит так: «Тук... Тук-тук-тук...»

— Почему же ее нет?

— У них тут школа. Посреди реки. Они как раз учили бобрят нырять на самую глубину. Весело так учили. У них все уроки веселые.

— Она утонула?

— Сразу видно, что ты городской, — с превосходством в голосе напомнил ему Дятел. — Как может утонуть тот, кто живет в воде?

— Ее убили?

— Если подумать, то можно сказать, что убили... Пена... желтая пена... Ты когда-нибудь видел это плывущее чудовище?

— Нет, — честно признался Джерри.

— Большим рыбам удастся удрать от нее, а маленьких она превращает в болотную муть. Видел ли ты когда-нибудь, горожанин, болотную муть?

Джерри надоело высокомерие этой деревенщины, и он произнес таким небрежным тоном:

— У меня дома есть телевизор, и я могу по нему увидеть все, что захочу. Даже болотную муть. Даже Дятла в самой густой гуще самого дремучего леса.

Дятел не решился спросить, что такое телевизор, потому что тогда оказалось бы, что он чего-то не знает.

— Ладно. Слушай дальше... С верхнего течения птицы, рыбы и бобры передали, что по реке движется эта желтая смерть. Большой Бобер свистнул и захлопал хвостом по воде. Это у них сигнал, чтобы все быстро выходили из воды, и все помчались к берегу... Конечно, если бы бобры умели летать... Один Маленький Бобренок, у которого была ранена передняя левая лапка, никак не мог выбраться на крутой берег. Учительница увидела это, подплыла к нему сзади и стала его под-

талкивать снизу вверх. А пена-то уже совсем рядом. И запах от нее шел такой противный, что даже здесь, наверху, мне нечем было дышать. Я только успел подумать: «Все! Пропали бобры!» — как в тот момент Большая Бобриха успела последним усилием вытолкнуть Маленького Бобренка на берег, а сама... — Дятел вздохнул. — Лучше уж я расскажу тебе какую-нибудь другую историю...

— Давай лучше помолчим, Дятел. Давай помолчим в память об этой прекрасной учительнице, для которой честь и долг были дороже ее собственной жизни... Это горе кричит и плачет, а печаль молчалива.

— Хорошо. Если ты хочешь помолчать, давай помолчим.

И в этой печальной тишине закачался тихий голос Большого Бобра.

— Оставьте меня одного, — горестно произнес Учитель.

Но никто из бобрят даже не шевельнулся. Все сделали вид, что ничего не услышали.

— Это я во всем виноват. Если бы не моя раненая лапка...— сказал маленький Бобренок.

— Разве ты директор завода? Разве ты выбросил в реку эту желтую пену? Уйди, Бобренок. И вы все уйдите. Я не хочу вас видеть.

И тихо добавил:

— И не хочу, чтобы вы видели меня.

Все понуро побрели от этого места к своим норам и норкам. И только одна очень симпатичная Бобрешка с черным пятнышком возле левого уха осталась сидеть на месте.

— А ты почему осталась? — сердито спросил Учитель.

— Не знаю,— виновато ответила она, опустив голову.

— А что ты тогда знаешь? — невесело усмехнулся Учитель.

— Ничего.

— Тогда зачем же ты здесь сидишь?

— Не знаю.

— Как тебя зовут?

— Ива.

— Ива — это дерево, а не бобер.

— Меня назвали так в честь этого дерева.

— Все равно тебе придется уйти.

— Не знаю,— покачала головой Ива.— Если вы не прогоните меня...

— Это я должен был помочь Бобренку. Это я должен был последним уйти из воды. Здесь, на этом месте,— закричал Учитель,— я останусь до конца дней моих каяться в том, что я совершил!

— И я тоже. Мы все виноваты.

— В чем? — удивился Учитель.

— В том, что мы не заметили самого главного.

— Чего? — еще больше удивился Учитель.

— Каждому из нас с рождения было сказано: «Берегись! Вокруг тебя жизнь». А мы слишком долго играли там, на середине реки. Мы так весело играли, что не заметили тот самый момент, когда кончается игра и начинается жизнь.

— Ты такая умная?

— Не знаю.

Он помолчал и сказал:

— Я никогда ее не забуду.

Она помолчала и сказала:

— Мы будем вместе вспоминать ее.

Бобер с благодарной нежностью кивнул ей своею большою головой.

— Ладно, сиди. Только я боюсь, что горе мое придавит и меня и тебя.

— Ничего не поделаешь,— вздохнула Ива.

— Ничего,— повторил Учитель.— Ничего...

Джерри понимал, что надо как-то помочь бедняге. Ну если не помочь, то хотя бы дать ему какой-нибудь хороший совет. Но... Но запрет врача все еще действовал. А впрочем, Джерри был бы не Джерри, если бы он чего-нибудь не придумал. «Хорошо, пусть... я не имею права вмешиваться. Но Майкл... Интересно, что бы сказал в этом случае знаменитый проповедник Майкл? Ведь у Майкла нет никакого рецепта, и он может говорить что хочет и кому хочет... И пусть Майкл скажет этому несчастному Бобру все, что он думает».

И тогда откуда-то сверху, над головой Бобра, раздался голос:

— Покинь место горя своего.

Бобер не понял, что это ему сказал кто-то,— ему показалось, что он сказал это сам себе, и он сам же себе и ответил:

— А кто знает, куда идти? И кто укажет мне дорогу, по которой можно уйти от горя, если наше горе никогда не живет снаружи, а всегда живет внутри нас?

— Даже величайший мудрец не скажет тебе, по какой дороге идти, но даже ученик мудреца скажет тебе, как по ней идти.

— Ну и как? — усмехнулся Учитель. Он понял, что с ним говорит кто-то, кто сидит на дереве.

— Медленно. Чтобы все видеть и слышать,— продолжал Джерри голосом Майкла.

— Но внутри нас есть только две дороги: от души к сердцу и от сердца к душе. И никому на свете еще не удалось при жизни пройти хотя бы одну из этих дорог.

— Но стоящий на месте не пройдет и половины дороги.

— Но и бегущий не пробежит больше половины, ибо никому не ведомо, где лежит половина его пути.

— Да,— согласился голос наверху,— тот, кто только глядит на дорогу, никогда не сможет ее увидеть.

— Тогда зачем идти по дороге, у которой нет конца?

— Чтобы сравнить свое горе с чужим.

— А потом?

— А потом придет день, когда ты поставишь чужое горе выше своего и не ты попросишь о помощи, а сам захочешь помочь. И станет тебе доступна величайшая на земле сила, которая сильнее ветра и безветрия, сильнее жизни и смерти, сильнее ветра и тьмы,— это сила преодоления.

— Кто ты, мудрец, там, на ветке? Ты проповедник? Ты дух бобров? Или Бог людей?

— Увы! Я всего лишь птица, жалкая песчинка, отбившаяся от своей стаи,— сказал ему Джерри уже своим голосом.

— Где же ты научился так говорить и думать?

— Я долгие годы работал попугаем у знаменитого проповедника. И знаешь, что самое смешное? Он не всегда говорил то, во что верил, но всегда верил в то, что говорил.

— Хотел бы я иметь такого учителя и такого ученика.

— Знаменитый проповедник, мой друг Майкл, всегда говорит, что самый лучший учитель тот, кто всегда учится у своих учеников, а самый лучший ученик — это тот, кто никогда не пытается учить своего учителя.

— Подождем до утра,— сказал Большой Бобер.— Похоже, что ночью будет дождь, а по мокрой траве мне будет легче тащить свое брюхо.

И это означало, что решение принято.

— Я знаю, тут неподалеку протекает еще одна река,— поддержал его Джерри.— И если нам повезет...

— Недалеко летать, да далеко ползти... Как тебя зовут, попугай?

— Разрешите представиться, сэр. Я — Джерри, попугай из приличной семьи.

— Хорошо, Джерри. Если нам повезет, мы навсегда запомним твое имя.

За пять минут до рассвета Дятел легонечко клюнул своим длинным носом попугая: «Пора!»

И они пошли. Они удалялись все дальше и дальше, и все тише и тише до них доносился прощальный стук Дятла. На его языке этот стук означал, наверное, следующее: «Когда уходят друзья, твой мир становится меньше. А когда мир становится меньше, надо еще больше ценить тех, кто остался с тобой».

Они уже миновали лес и вышли на большой луг, за которым протекала река, как вдруг из кустов выскочила огромная рыжая лиса и бросилась на бобров.

«Проклятый рецепт! На целых три дня!» — подумал Джерри, но тут же вспомнил, что сегодня уже четвертый день. А четвертый день не считается! Он ринулся с высоты на лису, сбил ее с ног, и лиса с жалобным тывканьем убежала обратно в кусты.

— Спасибо, Джерри! — крикнул Большой Бобер.— За нами долг.

— Я не считаю чужих долгов! — засмеялся Джерри.— Идите прямо к реке, а я прикрою вас сверху.

— А что там за домик?

— Это ферма. Возьмите чуть правее. Похоже, что в этой реке пока еще нет бобров... Счастливо вам, ребята!

— И тебе, Джерри! И тебе!

Джерри проводил их до реки, услышал, как они плюхнулись в воду, и полетел к городу, который раскинулся впереди. Задымленный, шумный, опасный. Но все-таки свой. Свой город.

Глава четвертая ОДИНОКАЯ ФЕРМА

С утра вроде бы никаких интересных дел не предвиделось, и Джерри подумал, что надо бы навестить бобров.

Джерри знал, что интересные дела редко приходят к тому, кто сидит на месте. Поэтому он просунул крылья в ремни, закинул, как рюкзак, за спину воки-токи и переместился на подоконник, который всегда был для него как взлетной, так и посадочной полосой.

Внизу клубилось марево города, где сквозь сизый запах бензина с трудом пробивались нежные запахи овощей и фруктов соседнего уличного рынка. Джерри вдруг остро захотелось глубоко вдохнуть ничем не затуманенный аромат апельсина — и он взял старт!

Путь предстоит неблизкий: пять километров над городом, два километра до реки, а там еще километра три вниз по течению до укромного местечка, густо поросшего прибрежными кустами. В общем, с воки-токи на спине — это часа два полета с рассматриванием всего незнакомого, что может встретиться на пути.

Но так как в этот раз он ничего особенного не заметил, то долетел за час с небольшим. И бобры услышали сверху веселый голос своего друга:

— Хелло, ребята! У вас все в порядке?

— У нас-то в порядке, да у соседей беда.

— Что-нибудь серьезное?

— Умер Хозяин фермы.

— Это бывает.

— И Хозяйка осталась одна.

— И это бывает.

— Он был славный старик. Он знал, что мы живем в этой реке, и по вечерам приходил поговорить с нами о жизни.

— Вы научились понимать язык людей?

— Нет. Но нам нравился его голос.

— А иногда он приносил нам листья кукурузы,— добавила Ива.— Ты не поверишь, Джерри, но это, наверное, что-то вроде ваших конфет.

— А в чем проблема? — спросил Джерри.

— Проблема в том, что Хозяйка почти не встает с постели. Ей надо продать ферму и уехать, но она не хочет. Ты мог бы ее уговорить.

— Уговорить можно того, кто хочет, но не решается. А того, кто решил не хотеть...

— Земля просыпается, Джерри,— сказал Учитель.— Пора сажать зерна, но это некому сделать.

— А где взять зерна?

— Зерна в амбаре. У того, кто умер, была машина для посадки зерен, но там такие большие рычаги, что даже ты не сдвинешь их с места.

— Теперь мы уже никогда не попробуем сладких листьев,— вздохнула Ива.

В это время послышался шум подъезжающего к дому автомобиля.

— Кто это?

— Это их доктор.

— Я, пожалуй, послушаю, о чем они будут говорить.

Когда Джерри пристроился к форточке, он услышал продолжение тихого, но непримиримого спора. Врач уговаривал Хозяйку срочно продать ферму.

— Ведь зерно само не растет, и вам все придется продать за долги. Но еще раньше, когда вы увидите увядшую землю, ваше сердце не выдержит.

— Я знаю. Но здесь останется могила Фреда и моя рядом с ним. Я не хочу знать, что будет после меня с моим домом, но при мне пусть все будет так, как было при Фреде.

— Но здесь вы можете умереть в любой момент... даже без покаяния.

— Мне не в чем каяться,— гордо ответила женщина.— Я всю жизнь работала и любила свою трудную работу. Каждый год мы выращивали столько зерна, что сами не могли бы его съесть и за двадцать лет. Мы отдавали его людям. И когда мы видели по телевизору, как в далекой снежной стране дети едят пропитанные солнцем кукурузные хлопья, мы радовались, что, может быть, там есть и наши зерна...

Она устала и замолчала. А когда отдышалась, тихо добавила:

— А жалею я только о двух вещах: что мы, как в хорошей сказке, не умерли в один и тот же час и что я не увижу, как следующей весной из земли проклюнутся новые всходы.

— У вас есть дети? — осторожно спросил доктор.

— Господь Бог не дал нам детей, но мы всю жизнь старались, чтобы у других детей на столе по утрам был кусочек свежего хлеба.

Если бы Джерри умел плакать, он поклялся бы на собственных слезах, что ни за что не оставит в беде эту прекрасную даму.

Пролетая над бобрами, Джерри прокричал:

— Учитель, у меня есть план! Но для этого мне нужно переговорить с Микки.

— Кто это — Микки? — спросила Ива.

— Это Зеленый Мышонок. Если я с ним договорюсь...

Когда знаешь адрес, нетрудно найти человека, а Мышонка тем более.

— Микки, есть дело. Настоящее. И не то что эти ваши там бесконечные мультфильмы. Ты помнишь, как я тебя однажды выручил?

— Конечно, Джерри, я не забуду этого никогда в жизни. Меня так редко кто-нибудь выручает.

— А теперь мне нужна твоя помощь.

— Джерри, неужели я могу кому-нибудь помочь? — обрадовался Микки. — Что я должен сделать?

— Надо посеять кукурузу.

— Но я не умею сеять.

— Я тоже не умею.

Но у меня есть идея.

— А где сеять?

— На ферме.

— Это далеко?

— Не очень.

— А как добраться до этой фермы?

— Я перенесу тебя в своих лапах. Поверь мне, нет ничего надежнее лап попу-
гая Джерри.

— Это опасный полет,— робко пошевелил усами Мышонок.

— Да. Но зато после полета я присвою тебе и твоим друзьям звание космонавтов, и вы будете иметь право на пожизненную пенсию: каждый день по кусочку сыру.

— Джерри, я не сомневаюсь, ты дашь нам это право. Но кто нам даст кусочек сыру?

Когда Джерри задавали вопрос, на который у него не было ответа, он слегка пожимал крыльями, как бы делая вид, что стоит ли отвечать на такой пустяковый вопрос. И всегда торопился ответить на вопрос вопросом:

— Кстати, я давно хотел тебя спросить: а почему тебя называли Микки?

— В честь Микки-Мауса. Мои родители хотели, чтобы я стал таким же знаменитым.

— У тебя есть шанс, Микки. Настоящую славу приносят только добрые дела.

Джерри вспомнил своего проповедника: «Несите в мир добро, и воздастся вам сторицей».

— Что может сделать Маленький Мышонок в мире огромных котов и кошек?

— А почему маленький кораблик пробивается сквозь разгневанный океан?

— Почему, Джерри?

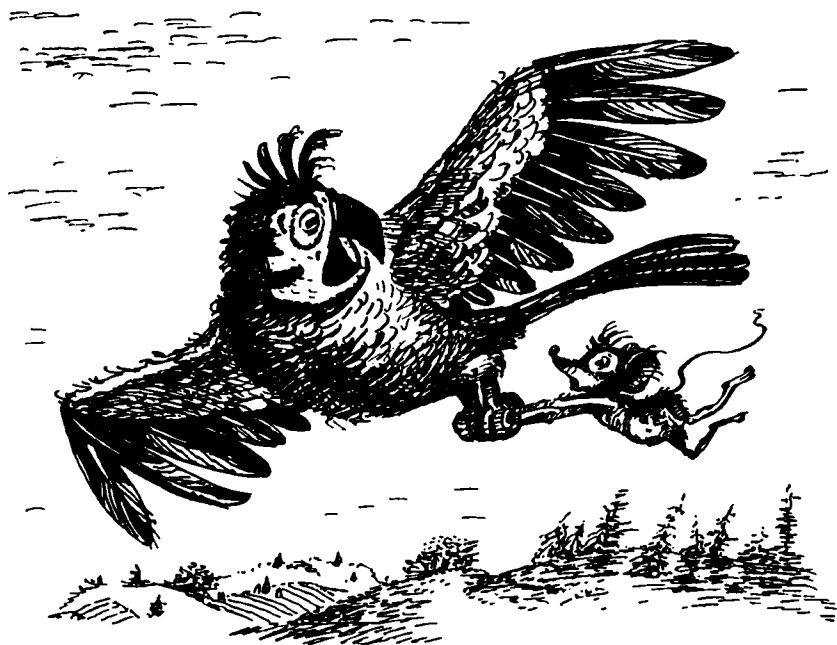
— Я и сам думаю: почему? Это необъяснимо, но в этом есть смысл. Давай договоримся: проблема доставки — это моя проблема. Но вдвоем мы не справимся. Нужны еще три-четыре мышонка, которые умеют терпеть голод и честность которых вне подозрений. Надо будет во рту переносить зерна от амбара до поля.

— Без права проглотить?

— Да.

— Джерри, ты хочешь назначить нам такую пытку?

— Иначе ничего не выйдет.

— Тогда нет. Три-четыре мышонка не получится. Но двух я постараюсь найти. Завтра вечером...

— Нет, завтра утром... Извини, Микки, но земля уже просыпается.

Утром Джерри провел совещание с мышатами:

— Мне нужны добровольцы. Если Микки кого-то из вас заставил — я его не возьму.

— Микки сказал нам только одно слово: «Нужно». И мы даже не спросили его, что нужно. Мы сразу согласились.

— Почему?

— Ну, как тебе сказать,— пропищал Самый Маленький Мышонок.— Потому что Микки — это Микки.

— Хорошо. Первым полетит Микки. А вы ждите меня на чердаке.

Джерри пристроил Мышонка поудобней в своих лапах, и они полетели. Когда город остался позади, Джерри спросил:

— Ну что, Микки, нравится тебе?

— Странно... Я всегда думал, что Земля состоит из чердаков и подвалов, а оказывается, на ней еще есть леса и реки.

— Города — это зверинцы для вольных людей. Каждый живет в своей клетке. У кого чуть больше, у кого чуть меньше. Иногда их выпускают на волю, привязывают ремнями к сиденью и дают покататься на автомобиле.

— А ты, Джерри?

— И я, Микки, и я. Только у моей клетки всегда открыта дверца. Перестань дергаться, Микки! — строго сказал ему Джерри. — Это опасно.

— Там... внизу... Кошка, — испуганно пробормотал Микки.

— Чего ты боишься? Разве кошки научились летать?

— А если я упаду?

— Если ты грохнешься, твоей Кошке нечего будет есть. Разве что попить немножко. Потому что там от тебя останется только мокрое место.

К вечеру Джерри перетащил к амбару всех трех мышат. А так как они не принадлежали к семейству летучих мышей, то страху они натерпелись — просто жуть. Самый Маленький Мышонок даже сказал после полета:

— Пусть меня лучше съест кошка, но обратно я пойду пешком.

— За дело, ребята! До обратной дороги еще далеко... Значит, так... Я клювом, а вы лапками сначала вырою ямки. Потом перенесем в эти ямки зерна. Потом зерна засыплем землей и будем ждать осени.

— Мы будем здесь до осени? — уныло спросил Самый Маленький Мышонок.

— Нет, мы вернемся, когда закончим сев. Вперед, герои!

И они так дружно взялись за работу, что над полем повисло огромное облако пыли. А как только тень от вяза на берегу реки стала вдвое длинней самого вяза,

Джерри дал команду кончать работу, и они собрались на берегу реки.

— Быстро все в воду! — скомандовал Джерри. — Чистим перышки, хвосты и уши. И все спать! Завтра будет трудный день.

— Но мы сегодня даже не обедали, — напомнил ему Микки.

— Как это не обедали? — возмутился Джерри. — На первое у нас был полет, а на второе — толстый слой пыли.

— А на сладкое? — пискнул Самый Маленький Мышонок.

— А на сладкое — сладкий сон до утра!

Из воды высунулись бобры.

— Знакомьтесь, это мои друзья: Ива и Учитель.

Все раскланялись.

— Так ты и есть знаменитый Микки-Маус? — полюбопытствовала Ива.

— Я не Микки-Маус. Я всего лишь Маус, которого называли Микки. В честь Микки-Мауса.

— А почему ты зеленый?

— Потому что я родился в Недотепином королевстве. Раз в двести лет, на двадцать девятый день февраля, у нас один мышонок рождается зеленым.

— Бедный Микки, — вздохнула Ива, — серые мыши тебя наверняка дразнят.

Микки вздохнул:

— Поэтому я поселился в доме с зеленой крышей. Когда я вылезаю погреться на солнышке, меня никто не видит.

Сон всегда сильнее голода. Даже сытых бездельников он валит с ног, а тех, кто наработался и устал, — тем более.

Следующий день прошел в обыкновенной работе, а на третий день случилось чрезвычайное происшествие.

Самый Маленький Мышонок вдруг крикнул: «Ой!» — и побежал обратно к амбару.

— Стой! — крикнул ему Джерри. — Сначала посади зерно в землю!

— Мне нечего сажать.

— Как так?

— Мне... мне... прямо в нос попала пылинка... Я чихнул, и оно проскочило... само... Я и не думал его глотать.

— Может быть, ты скажешь, что оно оказалось горьким?

— Нет. Оно оказалось вкусным. Но я в этом не виноват.

Мышонок стоял с таким понурым видом, что его простил бы даже самый строгий судья. Но Джерри был неумолим:

— Может, ты скажешь, что в этом виновато само зерно?

— Конечно,— грустно вздохнул малыш.— Не надо быть таким вкусным, и тебя никто не будет глотать.

— Джерри,— вмешался Зеленый Мышонок,— поверь мне, я вижу по его глазам, что он не врет. Он не хотел этого.

— Если бы ты знал, Джерри,— первый раз заговорил Средний Мышонок,— если бы ты знал, какая это мука — таскать такие вкусные зерна от амбара до поля.

— А если бы ты знал,— рассердился Джерри,— какое это удовольствие — копать клювом землю! Особенно после дождя. Да и в жару не лучше. Вы слышали, как я по ночам чихаю от этой пыли?

— Мы слышали и очень тебе сочувствуем. Мы тоже чихаем по ночам от пыли, только ты нас не слышишь. Мы стараемся чихать как можно тише, чтобы не потревожить твой сон... И к тому же, Джерри, хотя мы всего лишь мыши, мы тоже должны что-то есть. На голодный желудок хорошо спать, а работать...

— Вы добровольцы!

— Да, и мы гордимся тем, что ты доверил нам такое важное дело!

— Ладно, ладно... Я знаю, что ты хороший оратор... Но, пожалуй, ты прав. Я разрешаю вам съесть по три зерна.

— Ура! — закричали мышата и побежали к амбару.

Вот это был пир так пир! Конечно, мышата и раньше ели кукурузу, и не по три зерна... Но одно дело украсть, а другое — заработать. Заработанное в десять раз вкуснее украденного.

За три дня поле было засеяно — дело сделано. Джерри перенес мышат в город и на прощание сказал им короткую речь:

— Вы классные ребята! И запомните: если что — меня зовут Джерри... Конечно, мы с вами начихались и наплевались. Но Господь Бог придумал очень мудро, что сделал землю невкусной и несъедобной. А то бы все люди и звери сожрали свою землю до последней пылинки, и им не на чем было жить.

Джерри расхохотался и улетел.

Ну, весна прошла, как всякая весна, полная любви и песен, а лето вдруг накатило такой жарой, что даже Джерри, который, в общем-то, любил жару, целую неделю прятался в лесу на северной окраине города. Ну, это все знают: чем севернее, тем прохладней.

В один из таких жарких дней Джерри залетел домой подкормиться и услышал из угла комнаты тоненький писк. Он сразу узнал этот голос.

— Хелло, Микки, вылезай. В комнате никого нет. Что случилось?

Микки затараторил:

— Один мышонок сказал другому, другой — третьему, третий — четвертому, а пятый мне: бобры передали, что на ферме беда.

— Что случилось?

— Засуха. Все гибнет.

— Хорошо. Передай обратно по цепочке, что я летаю.

— Джерри, если надо будет...

— Я позову.

Через час Джерри был уже у реки и сразу заметил, как она обмелела. Бобры лежали на дне, а спины их торчали наружу.

— Еще пару дней — и земля начнет трескаться, — сказал Учитель. — Уже сейчас некоторые стебли падают как подкошенные. Если не пойдет дождь...

— Я поклялся, что не оставляю эту даму в беде!

Он набрал воды в клюв, полетел к полю и выплюнул воду на один из стеблей. Он слетал так двадцать два раза, пока не рухнул, обессиленный, на выжженную траву.

— Ничего не выйдет, Джерри. Мы выходили из воды, отряхивались, делая из брызг маленький дождь, но нам удалось спасти только маленький кусочек поля. Нас всего двое: я и Ива. Это капля в море. А солнце сильнее воды, Джерри.

— Вас всего двое. Не считая меня. Но у вас все-таки есть я. А у меня, кажется, есть мысль. Дайте мне немного отдышаться, а там посмотрим, кто сильнее: солнце или вода.

И уже через пару часов Джерри оказался на городской свалке, где бродили в поисках пищи сотни бездомных собак. Джерри взлетел чуть повыше, так, чтобы его видели все, и громко крикнул:

— Я приветствую вас, благородные собаки!

Старый Облезлый Пес усмехнулся:

— Это ты нам, Джерри?

И все расхохотались.

— Да, вам. Именно к вам обращаюсь я, благородные собаки всех помоек Земли! У вас есть шанс оправдать ваше высокое звание.

— Как? Мы же не умеем танцевать на балах!

— Не умеем расшаркиваться.

— Мы даже не знаем, как держать вилку и нож.

— А я благородная,— хихикнула Бывшая Такса,— я понимаю по-французски. Одно время у меня был хозяин — француз.

— Куда же он делся, твой француз?

— Он поменял меня на пару тюремных собак.

Все опять грохнули от хохота, а когда собаки вдоволь назубоскалились, Облезлый Пес спросил:

— А почему ты не позовешь домашних собак?

— Ха-ха! — ответил Джерри. — Кто выпустит этих неженков из дома? Они живут в своих клетках и даже не понимают, что значит «добыть себе еду». У них не бывает голода, но у них и не бывает настоящих удач.

— Ты прав, Джерри, и мы, вольные псы помоек, готовы помочь. Что для этого надо сделать?

— Надо искупаться в воде, — крикнул им Джерри.

— В такую жару? Мы бы с удовольствием, Джерри, но нас не пускают в городские бассейны.

И снова все расхохотались.

— Час хорошего бега — и мы добежим до прохладной реки возле одинокой фермы.

— А ружья хозяев фермы? А зубы бобров и щук?

— Я со всеми договорился.

— Мы тебя знаем, Джерри, и знаем, что ты не трепач. Но для верности лучше тебе поклясться.

— Клянусь!..

— Чем, чем он клянется? — тягнула Потерявшаяся Болонка.

— Ничем, — сказал Облезлый. — Для Джерри достаточно одного этого слова.

Через несколько минут стоя в сто двадцать собак с лаем, воем и визгом неслась вдоль шоссе, и все живое старалось поскорее убраться с их дороги.

Джерри указывал им самый короткий путь, покрикивая сверху:

— Вперед, благородные рыцари, вперед!

Бобры, увидев эту стаю, торопливо спрятались в свою подводную норку, а собаки замерли на берегу реки.

— Учитель! — окликнул Джерри Учителя. — Я хочу, чтобы благородные бобры поприветствовали благородных собак.

— Друзья Джерри — наши друзья! — с некоторой опаской произнес Учитель.

— Наша задача окунуться в воду, намочнуть и отряхнуть среди стеблей кукурузного поля. Мы устроим этим стеблям такой дождь, какой на них даже с неба не падал!

Ну, собакам это занятие так понравилось, что Джерри с трудом их остановил и отправил обратно в город.

Бобры стояли по колено в воде посреди совсем обмельчавшей реки и с удивлением смотрели на Джерри.

— Ты сделал то, что мог бы сделать только Бог.

— Или его прилежный ученик...

Джерри хотел еще что-то добавить, но не успел, так как заснул, сидя на ветке старого вяза.

А осенью, нет, даже не осенью, а в конце лета Хозяйка одинокой фермы вышла на крыльцо и замерла от удивления:

— Фред так привык всю жизнь трудиться, что даже в могиле, наверно, продолжает работать. Жаль только, что этот урожай некому будет убрать.

И опять в углу пропищал Зеленый Мышонок:

— На ферме снова беда.

— Что случилось?

— Вырос невиданный урожай. Вокруг у всех засуха, а на ферме урожай. И его некому убирать.

— Спасибо, Микки. Я все понял.

— Желаю удачи,— с тревогой сказал Мышонок.

— Удача начинается с дела,— весело откликнулся попугай,— дело начинается с плана, план начинается с мысли, а мыслей у меня в голове столько, что их и искать не надо.

Джерри быстро перелетел на чердак, где у него в укромном уголке хранился воки-токи, и настроился на волну своего друга, полицейского сержанта Джека:

— Хелло, Джек! Что новенького у вас в полиции?

— Размотали одно старое дело, Джерри.

— Джек, ты как-то хвастался, что родился на ферме.

— Я не хвастался, Джерри. Так оно и есть.

Джерри рассказал ему про одинокую ферму.

— Где она находится?

— Трудно объяснить. Давай встретимся на восточной окраине города, и я покажу тебе дорогу.

Когда они выехали из города... нет, вылетели... нет, все-таки, наверное, выехали... В общем, когда они выбрались на шоссе, Джерри летел впереди, а Джек ехал сзади в полицейской машине.

— Джек, если можно, включи мигалки! — крикнул Джерри.

— Зачем?

— Так будет веселей и торжественней.

— Не могу, Джерри.

— Почему?

— Это частная поездка. Я даже за бензин заплатил сам.

— Не совсем так, Джек. Будет большим преступлением, если на этой ферме погибнет рекордный урожай. Мы едем для того, чтобы предотвратить это чудовищное преступление.

Джек рассмеялся и включил все мигалки...

Урожай был спасен, и все городские газеты написали про чудо на одинокой ферме. Некоторые даже уверяли, что это промысел Божий, по поводу чего Джерри с возмущением сказал Иве и Учителю:

— Господь Бог создал попугаев, бобров, мышей, собак и полицейских. А чудо в том, что все мы сумели собраться вместе и сделать доброе дело.

Джерри увидел, как машина доктора отъехала от дома Хозяйки фермы, немного подумал и решительно перелетел на подоконник наполовину опустевшей спальни.

— Мадам, извините меня, но я хотел бы с вами поздороваться.

— Кто здесь?

— Это я, попугай Джерри. Я знаменит тем, что никогда не вру и всегда держу свое слово. Вы понимаете, что это не так-то просто, но я стараюсь. Я хочу вам кое-что рассказать про этот урожай.

И он рассказал ей, как все было. И про мышей, и про бобров, и про собак, и про Джека, который приехал на полицейской машине.

— Люди верят, что это чудо. Но всякое чудо кем-то делается. Даже Господь Бог делал свои чудеса... сотворял чудо. Творить — это значит работать... Сейчас ферму можно дорого продать. Кроме куска земли, где лежит Фред и где останется место для вас. Доктор прав: в хорошем пансионате вы найдете себе друзей. Даже одинокий человек имеет право не быть одиноким. Господь Бог был великим математиком, и давным-давно он придумал удивительный закон деления: если счастье разделить на двоих — оно становится вдвое больше, а если на двоих разделить два горя — оба они становятся меньше в целых четыре раза.

— Мистер...

— Джерри, к вашим услугам.

— Мистер Джерри, из вас мог бы выйти хороший проповедник, я думаю. Может быть, вы и правы.

— Я ее уговорил! — еще издалека крикнул бобрам Джерри. — А почему у вас такие серьезные рожи?.. Кстати, я давно хотел вас спросить: а бобры умеют смеяться?

— Конечно, — ответил Учитель, — все умеют смеяться, только мы смеемся не глазами, а хвостом. — И тут же похлопал хвостом по воде.

— Мы даже очень любим смеяться, — сказала Ива и захлопала хвостом по земле, так как в это время она сидела на берегу и грелась на солнышке.

И Джерри тоже засмеялся. Только, конечно, не хвостом, а голосом. Ну, вы знаете... Так, как смеются люди.

Глава пятая КОНЦЕРТ БРАМСА

Бобер и Ива были на самой середине широкой реки, когда мимо них стремительно промчалась маленькая рыбка. Потом еще одна. Потом десятки, сотни, тысячи рыб.

— Что случилось?

Ива забыла, что рыбий язык, если он есть, никто, кроме рыб, не понимает.

— Они спасаются. Их гонит страх. Им надо добраться до устья ближайшей речки и рвануться вверх по течению.

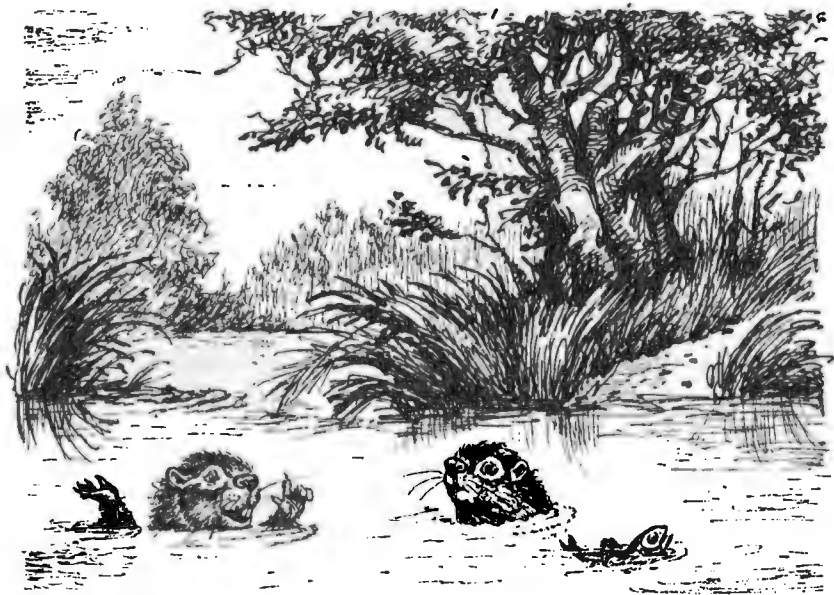
Бобры высунулись из воды и услышали, как вдоль берегов неслись бобриные свисты. Все ближе и ближе! Эти свисты означали только одно: «Пена». Большой Бобер уже знал, что означает эта желтая пена: потеря близких, смерть, слезы.

— Скорее к берегу! — крикнул он Иве.

— Поплыли за рыбами. Рыбы укажут нам путь!

— Мы не успеем. Скорее к берегу! Скорей!

Вода уже несла какую-то муть, и бобрам казалось, что они плывут в горячей воде, которая раскалялась с каждой секундой и словно жгла тело огненными присосками.

- Скорей, скорей, Ива!
- Вся моя кожа горит огнем!
- Скорей!

Сам он мог бы в три мгновенных прыжка достичь берега, но страх второй потери заставлял могучего бобра притормаживать и подталкивать Иву. Он вспомнил горе другой реки, и в голове его застонала рвущая душу мысль. Даже не мысль, а мольба: «Нет, нет! Не должно одно и то же несчастье дважды обрушиваться на одни и те же плечи!»

До края воды оставалось несколько секунд, а до шипящей, как тысячи змей, пены еще меньше...

Вот он, берег. Вот он!

Они успели выскочить из воды в самый последний момент. Еще секунда — и их накрыла бы эта желтая смерть.

Учитель почувствовал такой зуд в теле, что ему захотелось разорвать его когтями на части. Он увидел, что Ива дрожит от страха, и понял, что с нею происходит то же самое.

— Скорей к лопухам! Валяться в лопухах! — крикнул он.

Через несколько минут зуд спал, но на листьях лопухов остались целые клочки шерсти.

— А скоро зима,— грустно сказала Ива, и страх перед будущими холодами вздыбил жалкие остатки ее знаменитого бобриного меха.

— Не бойся,— постарался утешить ее Учитель.— Я буду согревать тебя своим дыханием, и мы прогоним зиму.

— Зиму нельзя прогнать. Ты сам нас учил. Для этого надо остановить вращение Земли. А Землю остановить нельзя.

— Нельзя,— грустно подтвердил Учитель.

— Нельзя, нельзя,— сердито проворчала Ива.— Интересно, чего в мире больше: «можно» или «нельзя»?

Учитель понял, что она хочет поговорить о чем-нибудь другом, и постарался пошутить:

— Поскольку одним всегда нельзя то, что можно другим, надо всех сложить и всех поделить пополам.

Но шутка не удалась. Ива даже не улыбнулась.

— И все-таки «нельзя», наверное, больше. Потому что тех, кому можно все, гораздо меньше тех, кому нельзя ничего...

Учитель с удивлением посмотрел на Иву: беда делает всех взрослее и умнее.

— Мы замерзнем? — тихо прошептала Ива.

— Не знаю. Но, похоже, мы попали в плохую историю.

В этот момент над головами у них появился Джерри.

— По-моему, тут у вас какая-то суматоха! — весело крикнул он, но когда увидел, как выглядят шубы бобров, его большое сердце сжалось в маленький комочек.

— Что случилось? — испугался Джерри.

— Желтая пена.

— Проклятье! Когда-нибудь они отравят всех, в том числе и самих себя. Хорошо, что я оказался здесь во-

время. У меня есть на примете брошенный дом с бассейном. Переночуете там, а утром что-нибудь придумаем...

На завтрак Анна приготовила всем овсяную кашу, себе — кофе, Майклу — чай, а Джерри — пару бананов. Анна собиралась после больницы зайти к подруге, а вечером в театр, поэтому предупредила, что придет поздно. У Майкла программа была такой же, как всегда: гольф-клуб, забежать домой переодеться, собраться с мыслями и вечером — очередная проповедь.

— О чем ты будешь сегодня рассказывать? — спросила его Анна.

— Возлюби ближнего своего...

— А дальнего? — не без умысла спросил Джерри.

— Ты возлюби ближнего своего, он воспримет твою любовь и тоже возлюбит своего ближнего, тот — своего, и снова, и снова — и только так любовь твоя дойдет до дальнего. Быть может, до самого дальнего.

— А как я узнаю, что она дошла до него?

— Когда возлюбит тебя ближний твой — это и будет тебе ответом. Значит, любовь твоя прошла по кругу жизни и вернулась к тебе, обогащенная дальней любовью... Ты подал мне хорошую мысль, Джерри, и я расскажу о ней сегодня своим прихожанам.

Завтрак кончился, и Джерри шепнул Анне:

— Сегодня после работы ты будешь мне нужна.

— Я иду к своей подруге.

— Очень важное дело, Анна.

— Но ты же знаешь, что Лиз специально для меня по вторникам готовит мои любимые эклеры. Она делает это потрясающе.

— Неужели тебе пара эклеров дороже двух жизней?

— А что случилось, Джерри? — с тревогой спросила Анна.

— Мои бобры попали в беду. Боюсь, что они не переживут эту зиму.

— Что с ними?

— На них нельзя смотреть без слез! — В подтверждение своих слов Джерри даже всхлипнул совершенно натурально.

Когда Джерри рассказал ей о том, что случилось, Анна потребовала решительных мер.

— Надо заявить об этом в Комитет по экологии! И наказать виновных! Эти заводы и фабрики не хотят ни с кем считаться!

— Ты права, Анна. Но хорошо бы сначала помочь пострадавшим.

— И ты прав, Джерри. Встретимся ровно в два у входа в детский госпиталь.

Когда Анна ровно в два вышла из госпиталя, Джерри уже сидел на капоте ее автомобиля. Он пересел на переднее сиденье, назвал адрес, и они поехали. Вскоре они подкатили к совершенно заброшенному дому на довольно пустынной улице.

— Где здесь ворота? — деловито спросила Анна.

— Ворота на замке.

— Тогда где здесь калитка?

— И калитка тоже.

— Уж не хочешь ли ты сказать...

— Хочу... Но другого пути нет.

— Я не полезу через забор!.. У меня есть ученое звание.

— Ну, если в наши дни забор является препятствием для врача, чтобы спасти две несчастные жизни...

— Это нечестно, Джерри,— сказала Анна и полезла через забор.

На самой верхней точке джинсы зацепились за гвоздь и разорвались с оглушительным треском.

— Все!.. Я возвращаюсь обратно!

— Ну, если в наши дни джинсы, купленные в прошлом году, дороже двух благородных жизней...

— Отстань, Джерри! И Майкл, и ты — вы оба мне надоели!..

Когда Анна увидела двух несчастных животных, она быстро достала банку с мазью и стала втирать ее в шкуры

бобров сразу двумя руками. Правой — Бобру, а левой — Иве.

— Ты прекрасно подтвердила свое ученое звание,— сказал Джерри Анне.

— Какое звание? — не поняла Анна.

— Ученое звание благородного человека. Ты возлюбила самого дальнего из близких своих.

— Не подхалимничай. Я и так делаю что могу.

Анна уже понимала, что спасет этих бобров, и на душе у нее становилось все веселее.

— Это безобразие, Джерри,— смеялась она.— Я детский врач, а ты заставляешь меня лечить животных.

— Все мы дети природы,— философски возразил ей Джерри.

— Нет, Джерри, это вы ее дети. А мы всего лишь дети детей природы,— лукаво вздохнула Анна и продолжала втирать мазь в поредевшую шкуру бобров.— И то лишь, если верить тому, что человек произошел от обезьяны.

Бобер поначалу испугался незнакомого человека, но быстро успокоился. Он уже знал: пока люди смеются, они не опасны. И еще одно он знал: там, где смех, там надежда. А там, где есть надежда, еще не все потеряно.

— Ой, мне щекотно,— возбужденно захихикал Бобер.

— Что он говорит? — спросила Анна.

— Он говорит, что ему щекотно.

— Пусть терпит.

— А мне больно, — пожаловалась Ива.

— Что она говорит?

— Она говорит, что ей больно.

— И ты потерпи, — ласково шепнула ей Анна.

«Странно, — подумала Ива, — она делает мне больно, а голос ее меня успокаивает».

От прикосновения ласковых рук Бобер стал задремывать и сквозь полусон пробормотал:

— Когда знаешь, что надо делать, делаешь именно то, что надо делать.

— Что он сказал? — спросила весело Анна.

— Трудно сказать... Что-то в стиле нашего Майкла... Но, по-моему, он похвалил тебя.

— Я часто ловлю себя на том, что думаю как Майкл. И ты тоже.

— Ничего подобного! — возмутился Джерри. — Да, я иногда люблю повторять слова Майкла. Но думаю я так, как думаю я. Меня, например, просто бесит, когда Майкл ест рисовый пудинг.

— Почему, Джерри? — удивилась Анна.

— Потому что это перевод добра. Невареный рис гораздо вкуснее вареного.

— Почему же ты не скажешь об этом Майклу? — расхохоталась Анна.

— А ты бы сказала ребенку про его любимую игрушку, что это плохая игрушка?

— Конечно, нет.

— Люди испортили столько добра на Земле, что один рисовый пудинг уже ничего не меняет. Зачем отнимать его любимую игрушку?

— Аминь! — воскликнула Анна шутливо.

— Аминь! — повторил Джерри.

И оба они рассмеялись.

Анна с тревогой взглянула на часы.

— А теперь по одному небольшому уколу — и все.

Увидев шприц, бобры кинулись наутек, но Анна ловко поймала и того и другого за хвосты.

— Укол, детки мои, это та самая ерунда, которая продлевает нам годы жизни.

Она нащупала место помягче и вонзила в него иглу. Бобер вздрогнул, но не издал ни звука. Ива хотя и скулила жалобно, все же стойко вытерпела иглу в своем теле.

— Вот мазь. И скажи им, пусть они два раза в день мажут друг друга.

— Хорошо, Анна, — послушно кивнул ей Джерри.

— Мне обратно снова через забор?

— Да, Анна.

— А нормального пути нет?

— Нет, Анна, — притворно вздохнул Джерри.

— Если я не успею переодеться и появлюсь в театре в рваных джинсах?.. А?.. Что подумает об этом публика?

— Ты лучше подумай, что об этом подумает Майкл!

— Вечно ты втрапливаешь меня в какие-то дурацкие истории!

— Я признаю это, Анна.

— А что подумают мои маленькие пациенты, если увидят меня на заборе?

— Они позавидуют тебе, Анна.

— Джерри, ты самая возмутительная прелесть на свете! — сказала Анна и решительно полезла через забор. В отличие от Анны, для Джерри эта проблема решалась намного проще: он умел летать...

Анна уже не успевала переодеться, поэтому, к ужасу меломанов, появилась в театре в стареньких рваных джинсах. Но пропустить концерт Брамса было выше ее сил!.. Она шла через фойе, демонстративно задрав свой симпатичный, чуть вздернутый носик, а чопорные «симфонические» дамы, разодетые в вечерние туалеты, неодобрительно покачивали ей вслед своими свежепричесанными головами.

— Она достаточно известна, чтобы вдруг появиться в таком виде...

— Да, она достаточно известна. Но она недостаточно знаменита, чтобы позволить себе это...

И только стоящий рядом с ними пожилой человек с торчащими во все стороны веселыми седыми волосами лукаво произнес:

— А если что-то случилось?

— Ах, оставьте!.. Что может случиться?

А в антракте к Анне подошел очень аккуратно одетый мальчик, в хорошо сшитом темно-зеленом костюме с

темно-зеленой бабочкой на белой, в тонкую желтую полоску рубашке, и тихо спросил ее:

— Скажите, мисс, где вам удалось купить такие красивые джинсы?

— В дорогом магазине, мой мальчик. В самом дорогом магазине! — громко, так, чтобы слышали все, ответила Анна. Она поняла, что ей уже нечего терять...

На следующее утро, за завтраком, Майкл не произнес ни слова. Джерри попытался разорвать эту гнетущую тишину тем же вопросом:

— Что же все-таки случилось?

Но Майкл не удостоил его ответом, потому что не знал, что действительно случилось нечто невероятное. Этого даже Анна не знала, и даже Джерри не знал. Но вчера вечером в театре, на бессмертном концерте Брамса, началась совершенно новая эпоха — «Великая эпоха рваных джинсов».

Глава шестая ПУСТАЯ УЛИЦА

«Ну и денек! — подумал Джерри. — Уж если не везет, так не везет».

Целый день сегодня он патрулировал над улицей, время давно перевалило за полдень, часы на городской башне пробили без четверти три — и ничего. Тысячи машин, тысячи людей — и все в полном порядке. Даже воки-токи за целый день ни разу не пискнул. Джерри уже хотел было от скуки перебраться на соседнюю улицу, как вдруг увидел, как из заднего кармана брюк элегантно одетого мужчины выпал бумажник.

Мужчина шагал дальше как ни в чем не бывало, не замечая своей потери.

Джерри решительно подхватил кошелек, догнал мужчину, повесил кошелек перед его шляпой и строго спросил:

— Сэр, это ваш кошелек?

— Да,— удивился мужчина.— Где вы это взяли?

Он торопливо сунул руку в задний карман брюк.

— Вы обронули его на тротуаре.— Горестный упрек прозвучал в голосе Джерри.

— Боже! — обрадовался мужчина.— Как я вам признателен! Там лежит мой билет на самолет к Южному полюсу. Если бы я его потерял...

— Сэр,— еще осторожнее спросил Джерри,— а знаете ли вы, что в нашем городе запрещается сорить на тротуарах?

— Да, конечно, конечно,— смущенно забормотал прохожий в белой рубашке и серой шляпе.

— Тогда с вас штраф десять долларов.

— С удовольствием!

Он торопливо вынул из кошелька десятидолларовую бумажку и протянул ее Джерри.

— Нет-нет! Это не мне, а муниципалитету. Зайдете в банк, выпишете себе квитанцию и сами себя оштрафуете. Пересылать штраф телеграфом с Южного полюса будет намного дороже. Постарайтесь успеть до закрытия банка.

— Это отличная шутка, мой друг,— рассмеялся человек с Южного полюса.— Когда я расскажу ее моим друзьям пингвинам, они будут долго хохотать.

— Вы любите, когда над вами смеются? — удивился попугай.

— Конечно,— ответил друг пингинов.— Люди редко смеются над теми, кто действительно достоин осмеяния... К тому же, как мне кажется, вы сделали серьезное научное открытие. По-моему, самоштрафование — это новый вид человеческой деятельности. И очень даже перспективной.

— Как жаль, что вы уезжаете на Южный полюс,— искренне пожалел Джерри.

— Почему?

— Я бы хотел быть вашим другом, сэр.

— Увы, иногда, чтобы стать друзьями, надо расстаться.

— И часто вы так поступаете?

— К сожалению, да.

— А вы не боитесь, расставаясь, навсегда потерять друга?

— Боюсь. Но теряют не друзей, теряют время, отпущенное на дружбу. Видно, на нашу дружбу,— он взглянул на часы,— было отпущено всего лишь пять минут. И мы из них не потеряли ни одной секунды.

— Передайте от меня привет вашим пингвинам!

— Что им сказать, если они захотят узнать ваше имя?

— Разрешите представиться... Джерри. Попугай из приличной семьи.

— Я так и передам,— рассмеялся новый друг Джерри. Он с легким поклоном приподнял шляпу, пере-

сек улицу и скрылся в дверях ближайшего отделения банка.

А Джерри с некоторой растерянностью присел на спинку ближайшей скамейки. Он никак не мог понять, можно ли этот случай на улице считать хотя бы маленьким приключением.

Глава седьмая СЧАСТЬЕ АКТРИСЫ

Джерри любил прилетать на озеро. Особенно поздней осенью, когда лето уже шагало на юг, а северный ветер пока еще был в дороге. Джерри любил смотреть, как одинокие чудаки по утрам разминали там свои мышцы, налегая на упругие весла. Две-три лодки, не больше. А в это утро посреди озера покачивалась всего одна лодка. В ней сидела на скамеечке женщина, опустив весла. Иногда она наклонялась, чтобы коснуться пальцами холодной, уже неприветливой воды, и тут же отдергивала руку. И каждый раз тихо смеялась. Увидев, что тут все в порядке, Джерри хотел было улететь и вдруг услышал, как женщина вскрикнула. Она торопливо схватила весла и заспешила к пристани.

Джерри понял: что-то случилось. А не в его правилах было покидать место происшествия.

Женщина выпрыгнула из лодки и бросилась к домику проката. Через минуту она вышла с лодочником. Голос ее дрожал:

— Вон там, почти в самом центре. Я опустила руку в воду, и вдруг кольцо соскользнуло с моего пальца.

— Плохо дело. Боюсь, что кольцо тю-тю... пропало.

— Может быть, кто-нибудь сможет нырнуть? Я заплачу.

— Безнадежное дело, мисс. Там глубина десять метров. Да еще в такой холодной воде. Бр...

«Странно,— подумал Джерри,— но, по-моему, я уже где-то слышал голос этой женщины».

— А если вызвать водолазов?

— Там ил на дне, ил! — крикнул ей в ухо лодочник.— Если водолаз хотя бы одной ногой коснется дна, там поднимется такая муть, что ваше кольцо не найдет ни черт, ни дьявол.

— Я просто в отчаянии!

«Где же я мог слышать этот голос? И это совершенно особенное «р-р...»

— Ну неужели ничего нельзя придумать?

— Конечно, если я сумею уговорить директора парка, директор парка — директора всех парков, а тот — директора департамента, то можно было бы спустить всю воду...

— Давайте. Когда это можно сделать?

— Я думаю, на переписку уйдет года два, не меньше...

— За эти два года неприятности загонят меня в гроб.

— Но если спустить только воду — это ничего не даст. Надо будет потом еще очистить дно от ила и пропустить весь ил через сетки специальных машин.

— Сколько это будет стоить?

— Тысяч сто, не меньше. Но если это такое драгоценное кольцо, то, когда оно найдется, вы сможете его продать и оплатить все расходы.

— Да за это кольцо никто не даст и ста долларов!

— Тогда из-за чего же вы устраиваете такой шум, мисс?

— Хорошо... Я попытаюсь открыть вам секрет этого кольца, и, может быть, вы что-то поймете...

— Секрет? — Лодочник осмотрелся вокруг, убедился, что рядом никого нет, и подставил свое ухо женщине. — Говорите. Я никому вас не выдам. Даже если вы кого-то уколошили. Это кольцо, так сказать, ваша добыча?

— Не говорите глупостей! Никого я не уколошивала. Секрет этого кольца совсем в другом. Просто... Видите ли... Когда я вхожу в студию, я переворачиваю кольцо камнем вниз, в сторону ладони, — и у меня всегда все в порядке. Один раз я забыла кольцо дома, и все пошло кувырком: студия превратилась в сущий ад.

— Какая студия, мисс? — ничего не понимал лодочник.

— Студия записи.

— Вы пишете этим кольцом? — спросил он с недоумением. — Неужели у вас нет ручки или карандаша?

«Проклятье! — сам на себя сердился Джерри. — Я наверняка раньше слышал этот голос».

— Я актриса, сэр, — попыталась втолковать лодочнику женщина.

«Нет! — изумился Джерри поразившей его мысли. — Не может быть... Ну конечно... Точно... Актриса!.. Это она во всех мультфильмах дублирует попугаев!.. Боже мой! Это же наш человек на Земле!.. Она из нашей стаи!.. Надо помочь ей! Немедленно! Для

любого попугая это была бы высочайшая честь. И я это сделаю».

Он подлетел поближе и с несвойственной ему радостью произнес:

— Мадам...— Он любил это красивое французское слово.— Мадам, я узнал вас... Вернее, не вас, а ваш голос. Вы дублируете в мультфильмах всех попугаев.

— Ну и что? Вы думаете, сейчас это мне поможет?
— Не исключена возможность, мадам. У вас есть машина?

— Вот она.

— Тогда поехали.

— Куда?

— За вашим кольцом, мадам. Если вы мне доверитесь...

Женщина вздохнула:

— Хорошо. Я согласна. Мне теперь уже нечего терять.

Лодочник вслед им повертел пальцем у виска и ушел в свою контору.

Они быстро домчались до окраины города и остановились возле заброшенного дома с наглухо закрытыми окнами.

— Что это? — настороженно спросила актриса.

— В этом доме есть бассейн. В бассейне сохранились остатки воды. И в этой воде временно живут мои друзья бобры, лучшие ныряльщики в мире.

— Джерри, я думала, что вы всего лишь попугай...

— Так оно и есть, мэм.

— Нет, оказывается, вы не только попугай, вы еще и мой ангел-хранитель.

— Когда мне все на свете надоест, — засмеялся Джерри, — я действительно стану ангелом. Хорошо бы, конечно, при этом получать приличную пенсию. Каждый день по килограмму орехов.

А еще через три минуты они уже мчались к озеру.

— Знакомьтесь: это Учитель и Ива, а это знаменитая актриса. Я вам уже рассказывал. Ее зовут Гейл. Очень красивое имя... Мадам, опишите им свое кольцо.

— Оно такое тонкое, желтое, с крохотным камушком...

— Боюсь, что даже бобрам это будет сделать не так-то просто, — засомневался Джерри. — Но рискнуть все-таки надо. Да, Учитель?

— Пусть это сделает Ива. Она из рода ныряльщиков Великого водопада. И у нее молодые глаза.

— Прибавьте газа, мадам. Если кольцо затянется илом, нам уже никто не поможет.

Когда на бешеной скорости актриса подкатила с попугом и двумя бобрами, лодочник вытаращил глаза и лишился дара речи. Челюсть у него отвисла и вид был такой, как будто он только что увидел привидение.

— Где это место? — спросила Ива.

Джерри полетел и завис над водой, над тем местом, где стояла тогда лодка. Это просто счастье, что он все видел своими глазами.

Ива плюхнулась в воду, и через десять минут кольцо было на руке актрисы. Она прижала руку с кольцом к радостно стучащему сердцу.

— У меня дома есть в саду маленький бассейн. Я приглашаю вас. Всех. И можете жить там сколько угодно.

— Она очень великодушна, — сказал Учитель, обращаясь к Джерри. — Но мы здесь проездом... то есть проходом... в смысле проплывом... У нас своя дорога.

— Джерри, уговори Учителя. Я хочу посмотреть ее дом. Я всегда мечтала стать актрисой, — произнесла Ива.

— Разве у бобров есть свой театр? — удивился Джерри.

— Да. В нашем роду два раза в год проводился конкурс ныряльщиков. Этот конкурс так и назывался: «Театр у водопада». Бобры там выделяли такие кульбиты, что все только ахали.

— Поехали, Учитель. Мы не имеем права ей отказать. У нашей актрисы сегодня счастливый день. Ибо было сказано: «Не отнимайте счастья у счастливого, дабы не умножить горести горемык».

— Быстро в машину, — скомандовала Гейл, и они поехали.

Джерри все-таки в последний момент подлетел к лодочнику и подтолкнул вверх его отвисшую челюсть. И правильно сделал, потому что лодочник наверняка

скоро проголодался бы и захотел есть. А есть, как известно, надо всегда только с закрытым ртом. Джерри искренне, но со смехом пожелал ему приятного аппетита и бросился догонять машину.

Их встретил оглушительный звонок телефона, который, похоже, давно уже разрывался на части.

Актриса взяла трубку и решительно возразила:

— Нет! Сейчас я не могу... Нет!.. Нет! — И, постепенно сникая, добавила: — Да... Я понимаю... Это ужасно!.. Да... Приеду... Вот уж когда не везет, так не везет... Я сегодня потеряла свое кольцо, правда ненадолго, мне помогли его найти мои замечательные друзья. Но, кажется, я сегодня потеряю больше, чем просто кольцо... Да, да... Я понимаю, что такое срочная перезапись. У меня сегодня на шесть часов назначено свидание, но мы договорились, что он предварительно позвонит. Если бы ты знала, как я хочу его увидеть. Мы учились вместе. Он был влюблен в меня еще с четвертого класса. А я, как дура, делала вид, что даже не замечаю его. В пятом классе он написал записку: «Ты лучше всех». А потом, целую жизнь, мне этого больше так никто и не написал... Да, видно уж, не судьба нам снова встретиться. Скажи шефу, пусть не кричит. Я выезжаю.

Она выложила на маленький низкий столик все сладости, какие только были в этом доме, и, горестно вздохнув, уехала на свою актерскую работу.

Да, вот это был пир так пир! Они быстро, но неторопливо слопали все сладости, потом доели крошки, потом облизнули стол и стали ждать возвращения прекрасной актрисы.

— Хорошо быть богатой,— вздохнула Ива.

— Конечно, хорошо,— согласился Учитель.— Только весь вопрос в том, что считать богатством.

А Джерри подумал: «Эх, еще бы хоть раз услышать ее дивный голос — и улететь... навсегда...»

Она приехала вечером, без двадцати шесть. Очень усталая и очень печальная. Села в кресло, и тихая слезинка выкатилась у нее из левого глаза.

— Он звонил, Гейл,— сказал ей Джерри.

— А что толку? — вздохнула она.

— Все в порядке, он придет в шесть.

Гейл вскочила с кресла:

— Каким образом?

— Я подошел к телефону. Я сразу догадался, что это он. И я ему сказал вашим голосом: «Хелло! Если это тот самый мальчик, который написал мне в пятом классе, что я лучше всех, то я жду его у себя в шесть часов». И дал ему адрес.

— А он что?

— Милые мои бобры, я прошу вас выйти из комнаты. Быть может, то, что я сейчас скажу,— это чужая тайна.

И когда бобры вышли, Джерри прошептал Гейл на ушко:

— А он рассмеялся и сказал: «Я и сейчас люблю тебя, Гейл». Я тоже рассмеялся и сказал ему: «И я».

Она с веселым возмущением схватилась руками за сердце:

— Джерри, как ты посмел?.. От моего имени... И моим голосом.

— Гейл, по-моему, вы снова хотите сделать вид, что вы его не замечаете. Но сейчас вам это будет довольно трудно сделать. Я умею по голосу определять рост человека. У него метр девяносто восемь. Для баскетболиста это то, что надо.

— Он стал такой длинный?

— Нет, он стал такой большой. А что касается вашего голоса, то если вы можете дублировать попугая, то почему попугай не может дублировать вас? Ибо было сказано: «И аз воздам».

— Все-таки это возмутительно, Джерри... Но если ты не возражаешь, можно, я тебя поцелую?

— Я не возражаю, Гейл. Стоит ли возражать против того, что ты честно заслужил всей своей жизнью?

— Спасибо тебе, Джерри, за то, что ты такой умный и такой благородный.

И Джерри, как всегда в таких случаях, небрежно пожал крыльями:

— А... пустяки... Все это я купил совершенно бесплатно... Будьте здоровы, Гейл. Нам пора в дорогу. Ровно без четверти шесть мы уйдем. Молчите, Гейл... Говорят, в любви третий — лишний, а трое лишних — это уже совсем перебор.

И тут же вылетел в окно.

— Мой дом всегда открыт для вас! — крикнула вслед ему Гейл.

— Как и весь мир, Гейл! — откликнулся он сверху.— Как и весь мир!

Глава восьмая НОЧНОЙ ПЕРЕХОД

Только было бобры начали поуютней устраиваться в заброшенном доме, как под вечер прилетел Джерри и сказал, что этот дом ему чем-то не нравится.

— Не знаю чем, но что-то здесь не так.

— Что тебя тревожит? — спросил Учитель.

— Ничего. Но это хуже, чем что-то.

— А нам здесь так понравилось, — вздохнула Ива.

— Нет, Ива, нет. Если Джерри говорит, что надо уходить, — значит, надо. Предчувствие важнее чувства... Ты покажешь нам дорогу?

— Я не могу летать в темноте. Все попугаи не могут, — словно извиняясь, виновато вздохнул Джерри. — Я нарисую вам план и расскажу на словах. Я подыскал вам другой дом, ничуть не хуже этого.

Джерри улетел, пробиваясь сквозь городские сумерки, а когда совсем стемнело, бобры отправились в дорогу. Они вышли из дома и прислушались к ночным звукам. В центре город бурлит сверкающими рекламами, как бы цепляясь этим неверным светом за уходящий день, а на окраинах ночь быстро вступает в свои права. Все реже и реже пучеглазые автомобили проносятся по улицам, разбрасывая по стенам домов одинокие тени, и редкий прохожий торопливо спешит к своему уютному креслу перед экраном домашнего телевизора.

На первой же площади они увидели на стене дома большой градусник.

— Всего плюс пять, — сказала Ива. — Скоро будет зима.

— Пора уже подыскивать зимнюю норку. Пусть маленькую, но безопасную.

И они пошли дальше. Они обходили освещенные улицы, выбирая те, что потемней, или совсем темные парки. Поэтому трудно сказать, были ли у них в дороге приключения, но когда уже под утро они вышли на маленькую площадь совсем недалеко от дома, который

на плане нарисовал Джерри, они увидели на скамейке плохо одетого спящего человека.

— Смотрите, Учитель, еще один бездомный...

— Видишь, он не нашел себе вовремя зимней норы.

Ива ткнулась носом в свисающую руку спящего.

— Она совсем холодная... Он может умереть?

— Конечно, может,— вздохнул Учитель и с тревогой посмотрел вверх, на восточную часть неба.— До рассвета осталось совсем немного.

— У нас есть возможность сделать еще одно доброе дело.

— Всему свое время. Впереди у нас будет много таких возможностей.

— Вы сами меня учили: не подсчитывать того, что будет, а подсчитывать то, что было.

— Это опасно, Ива. А сейчас даже очень опасно: посмотри на небо — скоро рассвет.

— Но если вместо его жизни мы спасем свою — это будет для нас позором на всю жизнь.

В другой раз Учитель улыбнулся бы и согласился, но в этот раз он согласился, даже не улыбнувшись. Беда могла нагрянуть в любую минуту с любой стороны.

— Хорошо. Ты согрей ему шею и голову, а я — бок и спину.

Они осторожно взобрались на спящего и укутали его своим теплым мехом.

— Он весь дрожит,— шепнула Ива.

— Ты была права,— согласился Учитель.— До утра он бы не дотянул.

А уже через несколько минут бездомный бродяга перестал дрожать, и бобры слышали его уютное посапывание.

В это время бесшумно открылась дверь дома напротив и из подъезда вышел мужчина в шляпе и плотном пальто.

— Замри и не шевелись,— приказал Учитель.

Человек в пальто и шляпе несколько секунд вглядывался в то, что лежало на скамейке, а потом стреми-

тельно бросился к телефонной будке и набрал номер «Скорой помощи».

— Алло, здесь человеку плохо.

— Где он? — спросил голос диспетчера.

— Лежит на скамейке.

— Почему вы решили, что ему плохо? Может быть, это обыкновенный бездомный?

— Бездомные не спят на скамейках в роскошных бобровых шубах с бобровыми шапками на голове.

— Вас понял, высылаю машину.

Человек в плотном пальто и теплой шляпе вышел из будки и прокричал:

— Извините, сэр, но я опаздываю на работу... Сейчас приедет «скорая» и вам помогут... К сожалению, я ничего не понимаю в медицине.

И он торопливо зашагал в сторону своей работы.

— Он нас не заметил, — шепнула Ива.

— Нам повезло, — кивнул ей Учитель.

В этот момент из-за угла вылетела, сверкая сигнальными огнями, машина «Скорой помощи», и ее мощные прожектора уставились прямо на скамейку.

— Бежим! — крикнул Учитель. — Скорее в парк! За мной!

Через десять секунд они уже были в парке и постарались удрать как можно дальше от той скамейки.

Врач и сестра подошли посмотреть больного.

— Странно... Правый бок и спина — вполне нормальны, а левый бок и руки на грани полного замерзания.

— И теплая голова,— добавила сестра.— Правое ухо у него как будто на экваторе, а левое — на Северном полюсе.

— Любопытный случай... Как будто он перегрет и одновременно недогрет. Нашим ученым будет над чем подумать... В моей практике это первый случай...

А шофер «скорой» в это же время разговаривал со своим диспетчером:

— Майкл!..

— Это ты, Эд? Что там у вас?

— Майкл, ты один на рации?

— Думаю, что да...

— Отключи все другие машины. Я не хочу, чтобы нас кто-нибудь услышал.

— В чем дело, Эд?

— Ты отключил?

— Да.

— Как только я вернусь — подмени меня, Майкл.

— А что случилось?

— Когда мы подъезжали к этому пациенту, я увидел, как с него соскочили и убежали шуба и шапка.

— Ты разыгрываешь меня, Эд?

— Нет. Это уже третий случай за сегодняшнюю ночь. Но те два раза я не хотел тебе говорить, потому что те пациенты тоже убежали. Шуба с шапкой — в одну сторону, пациенты — в другую.

— Слушай, Эдвард, а не померещилось ли тебе все это?

— А если померещилось, то еще хуже. Шоферу за рулем ничего не должно мерещиться.

— Хорошо, Эд, как только ты вернешься, я тебя сменю.— И, помолчав, добавил: — Станный у нас с тобой разговор, Эд...

А через час в больнице происходил не менее странный разговор:

— Вы всегда так: с одной стороны холодный, а с другой теплый?

— Нет. Когда я иду или убегаю — мне тепло. А когда стою или лежу — мне холодно. Особенно осенью и зимой.

— Вы куда-то шли?

— Никуда.

— А откуда вы шли?

— Ниоткуда.

— Кто вы?

— Никто.

— Где вы живете?

— Нигде.

— Вы что-нибудь искали там, возле той скамейки?

— Да.

— Что?

— То, что я потерял, не может найти никто. Даже я сам.

— Что же вы потеряли?

— Я потерял себя, сэр.

— Плохо дело.

— Не совсем так, сэр. Зато я нашел нечто другое.

— Что же?

— То, что можно найти, только потеряв себя.

Врач первый рассмеялся:

— Я думаю, у нас еще будет время пофилософствовать. На сегодняшний день главное, что мы нашли вас. Не скрою: ваш уникальный случай заинтересовал наших исследователей. Много мы вам предложить не можем, но отдельная палата, хорошая еда и даже немного денег — если вы не...

— Я не возражаю, сэр.

— И если у вас есть время...

— До весны. До первых теплых ночей.

— Скажите честно: вы бродяга по убеждению?

— Да.

— Что же вас заставило стать им?

— Отсутствие дома, сэр.

И они оба дружески рассмеялись.

В тот же день знаменитый профессор осмотрел Эдварда и дал заключение, что, как это ни странно, мозги у него на месте и с ним все в порядке. Консилиум решил, что Эд просто немного переутомился и надо отправить его на пару недель к морю. Немного отдохнуть.

А еще через час Джек набрал номер Джерри:

— Джерри, на одежде полузамерзшего бродяги нашли две шерстинки. Похоже, что это шерстинки твоих бобров. Тебя это не тревожит?

— Ни капли, Джек. Вероятно, они пытались его согреть.

— Если так, то все о'кей!

— Я тебе говорил, Джек, что это хорошие ребята. Надо будет их сегодня навестить.

Когда Джерри прилетел в новую хижину бобров, они крепко спали: Учитель — на дырявом матрасе трехногой кровати, а Ива — на полу, на стареньком, почти истлевшем коврикe.

«Как жаль,— подумал Джерри,— что на свете нет медали «За спасение замерзающих».

Он улыбнулся, глядя на спящих бобров, и произнес, быть может, самую короткую речь в своей жизни:

— Блажен тот, кто согрелся, но дважды блажен тот, кто согрел другого.

В это утро Джерри был доволен бобрами, доволен врачами «скорой», доволен согревшимся бродягой, а больше всего он гордился самим собой. Впрочем, с ним это случалось довольно часто. Особенно по утрам, когда ему удавалось сказать кому-нибудь: «Доброе утро, сэр» или еще лучше: «Доброе утро, мэм! Доброе утро!»

Глава девятая «КОРОЛЬ ЛИР»

Джерри несколько дней ждал этого вечера и наконец дождался. В городском театре снова шел «Король Лир». Пьеса Шекспира.

Вчера Майкл сказал во время завтрака: «Даже стремительно летящий поезд можно остановить на полном ходу, безумие остановится только тогда, когда уничтожит само себя». Джерри ему не поверил. Джерри все-таки надеялся, что это не совсем так... Зал был полон. Лишних билетов не было. Но у Джерри был свой вход: маленькое окошко под самым потолком. Джерри уселся на этом окошке и терпеливо дождался того момента, когда король Лир решил разделить свое королевство на три части, чтобы отдохнуть от королевских забот и жить по очереди у каждой из своих дочерей. А потом вдруг обиделся на младшую дочь, перерешил свое решение и все раздал двум хитрым и лживым старшим дочерям. И в тот момент, когда он взял в руку королевскую печать, Джерри слетел с окошка на сцену и сел на спинку королевского трона.

Зал замер от неожиданности.

— Не делайте этого, ваше величество,— сказал Джерри.— Две старшие дочери вас предадут, а младшая погибнет.

— Отстань от меня, попугай,— не растерялся актер, игравший короля Лира.— Ты бормочешь то же, что говорил мне граф Кент. Я не верю ни единому вашему слову. Вы оба изменники. Я ненавижу вас!

— Грубо, ваше величество,— обиделся Джерри.— И глупо. В вашем возрасте...

— Ты хочешь сказать, что я старый дурак? — грозно спросил король.

— Нет. Я хочу лишь сказать, что я второй раз смотрю эту пьесу и знаю, чем все это кончится.

— Если ты сейчас же не улетишь отсюда, я прикажу отрубить тебе голову!

Джерри уже знал, что с королями шутки плохи, и поторопился вернуться на свое место под потолком.

В финале пьесы, как и в прошлый раз, события разворачивались так скверно, что хуже и быть не могло.

Джерри не выдержал, снова слетел на сцену и опустился рядом с несчастным королем.

— Ах, ваше величество, если бы вы меня тогда послушались...

— Ты был прав, попугай... Я старый дурак.

Он склонился над погибшей дочерью и произнес свои горестные стихи:

Коню, собаке, крысе можно жить,
Но не тебе. Тебя навек не стало,
Навек, навек, навек, навек, навек!..

Он договорил их и медленно опустился на землю. Граф Кент накрыл его своим плащом.

— Он опять умер? — испуганно спросил Джерри.

— Да.

— Зачем он это сделал? Ведь в мире живут не только плохие люди. Тут всегда есть кому помочь и всегда найдется тот, кто поможет тебе.

— Он забыл об этом.

— Печально,— вздохнул Джерри.

— Да,— вздохнул благородный граф Кент.— Но теперь ему уже ничто не поможет. Ни ты, ни я, никто на белом свете. Пойдем же, попугай.

— Куда?

— Пойдем туда, откуда он ушел.

Джерри сел на плечо Кента, и они удалились со сцены...

Рассвирепевший директор театра приказал завтра же забить наглухо окошко на чердаке, но наутро отменил свое решение, потому что все городские газеты вышли с большими заголовками: «Блестящая находка режиссера», «Остроумный финал!». А одна газета, правда сомнительного свойства, даже написала: «Веселый финал старой трагедии».

Ну что ж... Конечно, зал мог бы и посмеяться, если бы он в этот момент не плакал...

В тот вечер за кулисами после спектакля Джерри спросил Кента:

— Скажи мне, благородный граф, какая разница между местью и возмездием?

И актер, игравший Кента, ответил ему так, как ответил бы ему благородный граф Кент тогда, в своем пятнадцатом веке:

— Месть — это кинжал слепой злобы, а возмездие — это меч прозревшего добра.

— Возмездие прозревшего добра,— тихо повторил Джерри.— Спасибо, граф. Вы подали мне замечательную мысль.

Джерри галантно раскланялся со всеми и, пролетев над опустевшим залом, вылетел в окошко под самым потолком.

Глава десятая ВОЗМЕЗДИЕ

Джерри сидел на карнизе дома номер четырнадцать и разглядывал с высоты десятого этажа Последнюю улицу. Полицейский Джек считал эту улицу самой отвратительной улицей города, потому что там все время что-нибудь случалось, а Джерри, конечно, думал совсем не так, как Джек. Для себя и своих друзей он никогда не называл ее Последней, а всегда говорил: «Там, на Интересной улице...»

В районе второго светофора, похоже, что-то начинало созревать. Джерри уже решил туда перебраться, как вдруг рядом с ним плюхнулся на карниз Воробей.

— Джерри, бобыры хотят тебя видеть... И просили добавить: если это возможно...

— У них что-то случилось?

— Не знаю. Но неужели ты думаешь, что они бы осмелились просто так побеспокоить такого знаменитого попугая?

— Хорошо. Я лечу.

— Можно мне с тобой, Джерри?

— Если тебе не лень.

— О чем ты говоришь, Джерри! Когда я лечу рядом с тобой, мне завидуют все воробьи нашего города.

— Ты подхалим, Воробей! — уже на лету крикнул Джерри.

— Нет, Джерри, я не подхалим,— ответил ему летящий рядом Воробей.— Все в городе знают о твоей

скромности. Но я говорю так, потому что мне нравится так говорить. И если кто-нибудь засомневается, что здесь, на Последней улице, ты победил Большого Кота,— позови меня, Джерри. Я твой свидетель.

Через двадцать минут они уже были у норки бобров.

— Привет, ребята! Что у вас случилось?

— Джерри, может быть, нам кажется, но в воде появилась болотная муть. Как тогда, перед желтой пеной... Пока совсем немного... Но, может быть, нам это только кажется?..

— Когда-нибудь мы утратим свое обоняние и нас уже никто не спасет,— мрачно добавил Большой Бобер.

— Если тебя никто не спасет, значит, ты сам должен себя спасти.

— Но как, Джерри?

— Пока этой мути еще совсем мало, двинемся вверх по течению и найдем место, откуда она вытекает. Будете двигаться по берегу, а в воду нырять каждые десять минут. Для пробы воды.

Они быстро добрались до устья ручья, выше которого в воде не было болотной мути. Джерри взлетел повыше и увидел на берегу ручья дряхлые очистные сооружения, а рядом с ними завод, из труб которого валили в небо разноцветные едкие столбы дыма.

— Ждите меня здесь. А я попробую сказать директору этого завода все, что я о нем думаю.

— Разве твои предки не говорили то же самое предкам этого директора?

— Говорили. Но никто из них не сумел им этого доказать.

— То, что ты задумал, может стоить тебе головы.

— Голова — это только часть тела. Даже если я лишусь головы, мне еще кое-что останется.

— Джерри, можно, я с тобой? — попросился Воробей.

— Хорошо, только держись от меня на большом расстоянии.

— Почему, Джерри? — обиделся Воробей.

— Я не могу рисковать твоей жизнью. Город может прожить и без попугая, но город без воробьев — это уже не город.

Недалеко от завода они опустились в сильно поредевшую рощу. Худенькие, словно оголодавшие деревца разрозненно торчали среди надломленных стволов. И только запах, пронзительный тошнотворный запах, по-

вис на поблекших листьях и застрял в низкорослой пожухлой траве.

Все деревья, даже покрытые старой корой, были меньше своего обычного роста. Как невыросшие дети...

Шурша опавшими листьями, мимо них проковылял Еж.

— Есть здесь еще кто-нибудь? — спросил его Джерри.

— Нет, — фыркнул Еж, — никого нет. Один я остался. Молодые ушли, а я остался.

— Зачем?

— Если я уйду, то тут и помирать будет некому.

— А чем же ты питаешься?

— Как всегда, червяками и мошками. Мошек здесь развелось — туча... Хотите, угощу?.. Впрочем, не советую... Я-то старый. Я-то помню еще те времена, когда червяки были вкуснее мошек, а мошки вкуснее червяков...

И он зашуршал дальше.

— Смотри, Воробей. Как ты думаешь, что это?

— Гнездо.

— А где птенцы?

— Какие птенцы, Джерри? Сейчас уже осень.

— А ты приглядишься повнимательней. Это старое, за-
сохшее гнездо. Похоже, что в нем не было птенцов уже
несколько лет.

— Похоже, что так,— грустно согласился Воробей.

— А вот еще такое же... Смотри!.. И еще одно... И
еще... Ты ничего не слышишь?

— Ничего,— насторожился Воробей.

— И я ничего... В этом лесу нет птиц. Слышишь? В
этом лесу уже давно не поют птицы. Это мертвый лес.

— Может, нам лучше вернуться? — испуганно чирик-
нул Воробей.

— Если мы сейчас вернемся домой, то в этот лес уже
никто никогда не вернется.

Они быстро нашли нужное им окно.

— Это здесь, Джерри! — крикнул Воробей.— И даже
форточка открыта... Посмотри, какой он важный!..

Директор завода стоял возле огромного стола и хмуро
разглядывал чертежи.

Джерри осторожно протиснулся в форточку. Сел на
перекладину, высматривая для себя путь к отступлению.
Мало ли что...

— Доброе утро, сэр.

— Я же приказал никого ко мне не пускать! — сер-
дито крикнул Директор в селекторный телефон.

— Господин Директор, но к вам никто не приходил.
Неужели я не заметила? — выскочил из селектора ис-
пуганный женский голос.

— Если это еще раз повторится, я найду себе новую
секретаршу.

— И будете правы, сэр. Но смею вас заверить, что
это больше не повторится.

— Убирайтесь отсюда!

— Я не могу отсюда убраться, потому что меня здесь
нет.

Директор оторвал голову от чертежей, огляделся во-
круг, никого не увидел и на всякий случай потер паль-
цами виски и глаза.

— Тогда кто же со мной разговаривает?

— Это я, сэр.

— Но где же вы? — почти испуганно воскликнул Директор. Вчера вечером он был в ресторане и выпил шампанского. Но не настолько же...

— Я сижу на форточке.

Директор посмотрел в сторону форточки и застонал:

— Черт возьми! Только попугая мне не хватало!

— Сэр! Бобры просили передать вам, что им трудно жить в воде, которую так загрязняет ваш завод.

— При чем тут бобры? — заорал Директор. — Они что, работают в Обществе охраны природы? — съехидничал он.

— Нет, сэр. Просто они и есть сама природа. И они требуют подписать с ними контракт о строительстве очистных сооружений, а до тех пор, начиная с этой минуты, вы должны остановить ваше вонючее производство. В противном случае бобры остановят его сами. И я, Джерри, попугай из приличной семьи, гарантирую вам, что они выполнят свое обещание.

Директор открыл шкаф, достал оттуда охотничье ружье и стал заряжать его.

Увидев это, Джерри предпочел поскорее покинуть форточку.

Подписание контракта не состоялось.

Джерри и Воробей вернулись к бобрам.

— Быстро стройте плотину в устье ручья. И попросите рыб заделать ее хорошим илом.

Бобры заработали в невероятном темпе. Джерри кидал им сверху ветки, а Воробей — веточки. Через час плотина была готова. А еще через час вода в ручье двинулась в обратном направлении.

— Пора, — сказал Джерри.

— Я с тобой? — спросил Воробей.

— Нет.

— Почему?

— Потому что сейчас еще опасней, чем в первый раз.

— А... Джерри! — махнул крылышком Воробышек. — Первый раз всегда опасней второго.

— Неплохо сказано, мой друг. Совсем неплохо!

А через час Джерри уже снова примостился на форточке:

— Добрый вечер, сэр.

— Ах, это опять ты, наглейший из попугаев? Я сейчас прикажу вышвырнуть тебя отсюда!

— Согласен,— хладнокровно произнес Джерри.— Но сначала я посоветовал бы вам выглянуть на балкон.

Директор выглянул на балкон и в ужасе схватился за голову.

Люди бежали по заводскому двору к проходной, перепрыгивая через волны клубящейся им навстречу зловонной жижи. Сапоги, туфли, кеды разваливались у них на ходу, превращаясь в лохмотья. Все кричали:

— Бегите!

— Спасайтесь!

— Желтая пена взбесилась!

— Остановитесь! — закричал им Директор как безумный.

Но никто не остановился. Директор вернулся и нажал кнопку вызова секретарши — никто не вошел.

— Разрешите дать вам еще один совет?

— Катись ты со своими советами!..

— Взгляните на приборы, сэр.

Директор метнулся к стене и в ужасе отшатнулся: уровни вредных запахов превысили все пределы. Он начал судорожно набирать телефоны цехов, линии сборки — молчание. Наконец один номер ответил:

— Пожарная часть слушает.

— Немедленно выезжайте!

— Что там у вас?

— Нас заливают!

— Вас или огонь?

— Нас!

— Тогда вам надо вызвать водопроводчиков.

— Мы горим!

— Одно из двух,— строго возразил голос.— Или вы горите, или вас заливают?

— Мы горим в финансовом смысле!

— Тогда пусть вами займется банк.

Трубку повесили.

Директор еще раз нажал кнопку вызова секретарши — снова никого.

— В конце концов, есть здесь кто-нибудь, кроме этого попугая?

— Нет, сэр. Кроме нас с вами, здесь нет никого. Наконец-то мы остались вдвоем.

— Какого черта тебе здесь надо?

— Вас, сэр. Если помните, я предлагал вам подписать контракт?

— А... Так это твоих рук дело?

— У меня нет рук, сэр. У меня есть лапы и крылья. И отчасти хвост.

Противный запах усиливался с каждой минутой.

Директор бросился к шкафу, выхватил из ящика противогаз и дрожащими от страха руками натянул на свою физиономию. Голос его звучал глухо, как со дна глубокого колодца:

— Нет такого закона, по которому...

— Есть! — перебил его Джерри. — Это закон бумеранга. И если вы когда-нибудь читали Евангелие, сэр, то должны знать, что поднявший меч...

— Вы хотите, чтобы мы задохнулись?

— Да, сэр.

— Но почему?

— Потому что иначе задохнемся мы. Через час ваши очистные сооружения должны были снова прорваться, и тысячи наших собратьев снова отправились бы на тот свет.

— Почему ты решил, что они прорвутся? — злобно огрызнулся Директор.

— Птицам сверху видно то, что не видно червям, ползущим под землей.

— И что же вы сделали?

— Бобры построили плотину у впадения ручья в реку, а рыбы укрепили ее хорошим илом.

— Вы мстите нам?

— Нет, сэр. Это не месть. Это возмездие.

Директор рухнул в свое вертящееся кресло. Он в бешенстве сорвал противогаз. Чихая и кашляя, он вопил как укушенный:

— Вы хоть представляете себе, сколько будут стоять новые очистные сооружения?

— Да, сэр. Они будут оцениваться в тысячи незагубленных жизней.

От мерзкого запаха у Джерри закружилась голова. Он качнулся, и на какую-то секунду ему показалось, что форточка вырвалась из его лап и полетела куда-то вниз.

Мимо с отчаянным чириканьем промчался Воробей:

— Спасайся, Джерри! Еще минута — и ты...

Но Джерри только еще сильнее вцепился лапами в перекладину форточки. Он сказал сам себе: «Пусть я погибну, но если этого не сделаю я, этого не сделает никто».

— В нашей стране даже президенты не вмешиваются в частный бизнес, — завопил Директор. Волосатая бородавка возле его большого носа несколько раз гневно дернулась, и Джерри с удивлением подумал: «Надо же... Ну точь-в-точь как усы у Большого Кота».

— У вас свой бизнес, у нас — свой.

— У вас? — скривился Директор.

— Да, сэр. Наш бизнес — это борьба за право жить... Если я не ошибаюсь, сэр, эта гадость уже проникает в ваш кабинет.

— Но мой кабинет на втором этаже! — в ужасе закричал Директор, закашлялся и снова натянул противогаз.— Как же я отсюда выберусь?

— Только через контракт, сэр.

— И что тогда?

— Тогда бобры в пять минут разберут плотину и вся эта ядовитая пена вернется в ваши сточные ямы.

— Проклятье! Где он, ваш контракт?

— Если вы не возражаете, завтра мы пришлем вам адвоката.

— Вы разорите меня! — застонал Директор.— Я стану нищим!

— Мой друг Майкл всегда уверял меня, что блаженны на земле именно нищие.

— Ты идиот, Джерри,— прогудел из противогаса Директор.— Блаженны только нищие духом!

— Вы правы, сэр. Я был уверен, что имею дело с образованным человеком,— из последних сил пробормотал Джерри.— Но ваш дух мне не нравится.

Джерри оттолкнулся от форточки, и она захлопнулась с оглушительным звоном.

Как бой часов. Как выстрел. Как точка в конце рассказа.

Глава одиннадцатая ДВЕ ШЛЯПЫ

Джерри сидел на своем любимом карнизе, с удовольствием думая о всякой всячине. Собственно говоря, он даже ни о чем не думал, а просто так... мечтал... Он уже настроился было часика два вот так помечтать, как вдруг из-за угла дома круто вывернул Воробей:

— Летим со мной, Джерри!

- Извини, но я сейчас занят.
- Что ты делаешь?
- Я думаю.
- Бросай все свои дела и лети домой! — потребовал Воробей.
- А что случилось?
- На площадке перед вашей квартирой сидит Зеленый Мышонок и дрожит от страха.

— Кто же его так испугал? — лениво спросил Джерри.— Если этот Кот не перестанет...

— Джерри, Кот тут ни при чем. Мышонок говорит, что перед дверью лежит коробка в шикарной упаковке, а в коробке что-то тикает. Никто не слышит, а Мышонок уверяет, что там что-то тикает.

Джерри рванулся вперед, как от выстрела стартового пистолета. Через минуту он нашел в подъезде открытое окно, а еще через секунду уже был рядом с Мышонком.

— Откуда здесь эта коробка?

— Ее принесли двое в шляпах. Сначала они поднялись на лифте на девятый этаж и пошли пешком вниз по лестнице. Проходя мимо твоей квартиры, один из них, будто случайно, не останавливаясь, поставил здесь эту коробку.

— Почему ты думаешь, что там что-то тикает?

— Я не думаю. Я слышу.

— Как они выглядели?

— Трудно сказать. Шляпы были надвинуты у них на глаза так, что даже закрывали уши.

— А нос? — настороженно спросил Джерри.

— Носы их я видел.

— Ты ничего особенного не заметил?

— У одного из них рядом с носом были усы. Как у Большого Кота. Но почему-то только с одной стороны. А с другой — нет.

— Это он! — крикнул Джерри.

— Кто? — спросил Мышонок.

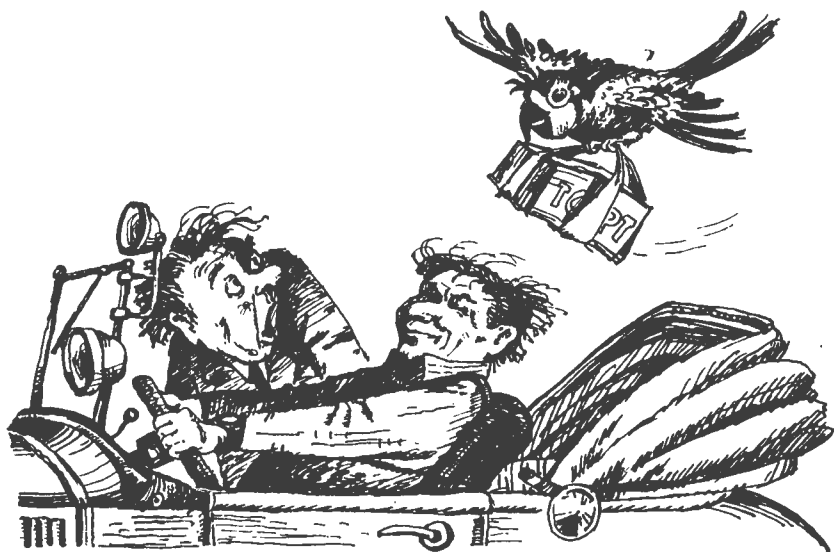
— Где они сейчас? — спросил Джерри у Воробья.

— Выбираются из города на голубом «кадиллаке».

Мои воробьи за ними на всякий случай следят.

— Если это он, я знаю, по какой дороге они поедут. Мы встретим их, как только они появятся на пустом шоссе. За мной, ребята!

— Джерри, но я не умею летать! — жалобно пропищал Мышонок.— И к тому же если эта штука взорвется, ты лишишься жизни.

— Жизнь, которой хоть раз рискнули, стоит намного дороже жизни, которой не рискнули ни разу!

Джерри уже схватил туго перевязанную коробку и помчался над городом. Он понимал, что если коробка взорвется, то без жертв не обойтись, и старался как можно скорее долететь до шоссе.

А вот и голубой «кадиллак». Он ехал не торопясь. Из машины неслась веселая музыка. Директор и его заместитель, бросив шляпы на заднее сиденье, сидели впереди с таким видом, как будто им только что удалось обтяпать удачное дельце.

Джерри подлетел к автомобилю со стороны, где сидел Директор, и с подчеркнутой вежливостью произнес:

— Добрый день, сэр.

Усатая родинка возле директорского носа гневно задергалась, и он в бешенстве заорал:

— Это опять ты? Какого черта тебя здесь носит?

— Это не меня носит,— вежливо возразил Джерри.— Это я ношу. Я принес вам коробку, которую вы забыли возле моей двери.

И Джерри бросил эту коробку на коврик между передним и задним сиденьем.

Директор нажал на все тормоза, оба они выскочили из машины и бросились бежать. Джерри подобрал на заднем сиденье две шляпы и устремился за ними.

— Джентльмены! — закричал он им вслед. — Куда же вы, джентльмены? Вы забыли свои шляпы!

В этот момент сзади что-то грохнуло с такой силой, как будто земля раскололась на части, и порыв ураганного ветра швырнул Джерри сначала вверх, а потом шмякнул об землю.

Когда Джерри очнулся, он увидел, что лежит на берегу реки, а из воды высовываются головы бобров.

— Джерри, почему ты решил приземлиться с таким грохотом? — спросил Большой Бобер.

— И почему у тебя на голове сразу две шляпы? — удивилась Ива.

— Одна — для того, чтобы поздороваться с Учителем, — галантно приподнял он шляпу, — а другая — чтобы поздороваться с тобой.

— Очень красивые шляпы, — отметила Ива. — Очень элегантные шляпы. У тебя хороший вкус. Ты настоящий ценитель прекрасного.

— Представляю себе, сколько денег тебе пришлось заплатить за эти роскошные шляпы, — проворчал Большой Бобер.

— Ах, милый мой Бобер, — как всегда в таких случаях, скромно опустив голову, возразил ему Джерри. — Поверь, мой друг, из-за денег не стоит беспокоиться... Все это мне досталось совершенно бесплатно.

Глава двенадцатая ТАКОЙ ВКУСНЫЙ БАНАН

Говорить умеют все, а молчать — только те, кто умеет молчать и помалкивать.

В этот день Джерри молчал до самого вечера, а вечером ему ужасно захотелось с кем-нибудь поговорить.

И даже не поговорить, а кому-нибудь что-нибудь рассказать... Но кому?.. Кто выслушает его?.. Богатый?.. Богатому некогда: он деньги считает... Бедный?.. И бедному недосуг: он думает, где бы эти деньги достать. Злой — осудит. Добрый — пожалеет. Гордый — обидится.

Жулик над честностью посмеется, а честный в нечестности обвинит... Нет, все не то. Неужели и тогда, вначале, когда на Земле, кроме слова, ничего не было, слово это было так же одиноко?..

И вдруг сам себе удивился: «Вот! Рассказывать надо тому, кто умеет слушать... Мышонок! Зеленый Мышонок!»

Через пять минут Джерри уже был над его норкой:
— Как дела, Мышонок?

— Все нормально, Джерри. Когда опасность, как Большой Кот, подстерегает меня на чердаке, я стараюсь оказаться в подвале.

— Осторожность — подруга мудрости,— похвалил его Джерри.— Знаешь, Мышонок, а я как раз хотел бы тебе кое-что рассказать.

— Какое совпадение, Джерри! — воскликнул Мышонок.— А я как раз хотел что-нибудь послушать.

— Это правда, Микки? — обрадовался Джерри.

— Конечно, правда. Если ты не услышишь сказанного тебе слова, как ты сможешь его повторить?

— Достойный ответ, Микки. А хороший ответ, поверь мне, всегда лучше хорошего вопроса,— кивнул головой Джерри и начал свой рассказ: — Видишь ли, Микки, у меня есть друг. Ее зовут Анна.

— Да? — удивился Микки.— Ты мне никогда о ней не рассказывал.

— Прекрасно. Тем интереснее тебе будет слушать. Она и сейчас мой друг, но самым большим другом я считал ее, когда она была совсем маленькой. Для большой дружбы, Микки, надо много свободного времени. И оно у нас было! Я таскал ей из разных дворов выброшенных на улицу кукол с оторванными руками или ногами, а она пришивала им новые руки и ноги.

Он мечтательно помолчал, вспоминая то далекое и прекрасное время.

— А потом мы дарили эти куклы бедным детям. Я усаживал куклу на подоконник раскрытого окна где-нибудь на пятом, а то и на десятом этаже, и никто не мог понять, как она сюда прилетела. Родители лукаво улыбались, молчаливо обвиняя друг друга в ужасном расточительстве, а бедные дети с тайной надеждой думали о том, что, может быть, Господь Бог их еще не совсем забыл...

— Джерри, значит, в этот момент ты был для них Богом.

— Богом не может быть никто, даже сам Бог. Бог — это начало. Он указал людям дорогу. А как они по ней пойдут — это уже их дело: шагом, бегом, в обнимку с друзьями или обнажив мечи, пешком или на грохочущих чудовищах. Он дал им выбор. А выбор, Микки, это самая трудная работа на свете. Но люди не любят трудиться. Чаше всего они идут за теми, кто уже куда-то идет... Мы с Анной тогда трудились. Мы выбирали тогда дорогу. Мы учились кому-нибудь помогать.

— Джерри, я хотел бы познакомиться с этой девочкой!

— Увы, маленькая девочка выросла. Она стала лечить живых детей, а живые дети болеют гораздо чаще, чем их куклы... Эти дети отняли у нас нашу дружбу. Теперь у Анны появилось новое главное слово: «Некогда, некогда, некогда!..» Знаешь, Микки, по-моему, это самое печальное слово на свете.

— Джерри, если я не ошибаюсь, мне кажется, что ваша дружба немножечко заболела и, может быть, ее тоже надо немножечко подлечить...

— Ты умница, Микки. Но поскольку Анне все время некогда, то нашу дружбу приходится лечить мне.

— Неужели ты получил диплом врача? — удивился Микки.

— Диплом нужен тому, кто пока еще ничего не умеет, — важно возразил ему Джерри, — а тому, кто умеет помогать, диплом не нужен.

— Джерри, — жалобно пискнул Мышонок, — я совсем запутался. Если так считать, то выходит, что помощник гораздо важнее того, кому он помогает?

— А что бы я делал, Микки, если бы у меня не было таких помощников, как ты и Воробей?

— Но тогда получается, — шмыгнул носом Мышонок, — что я и Воробей главнее...

— Конечно. Для меня вы гораздо главнее, чем я. И надеюсь, я не раз...

— Да, Джерри, да. И твоя Анна умно поступила, когда взяла тебя к себе на работу.

— Нет, Микки, нет! Это невозможно. Во-первых, она не может меня взять без этого дурацкого диплома, а во-вторых, я вольный попугай и имею право работать только у самого себя.

— Тогда как же вы...

— Очень просто. Мы объявили эту работу игрой.

— Это вы здорово придумали!

— Да. Но в эту игру не так-то просто играть. Конечно, потом, когда привыкнешь... А до этого почему-то все время хочется сначала помочь самому себе.

— Я понимаю тебя, Джерри. Гораздо легче помогать другим, если тебе сегодня уже удалось пообедать.

— Вот именно, Микки. Я и сейчас помню, как в тот день Анна разбудила меня рано утром, еще до завтрака, и сказала, что надо срочно доставить лекарство одной девочке, что лекарство это очень горькое и поэтому я должен захватить с собой банан или яблоко. Родители ее уже ушли, но форточка для меня открыта... Сам понимаешь, банан в лапах нести гораздо удобнее, чем яблоко, и я захватил с собой банан.

— Ты принял правильное решение, Джерри.

— Ну, казалось бы, простое дело... Пять минут полета по прямой... Я уже пролетел половину пути, как вдруг почувствовал, что мне ужасно хочется откусить кусочек банана. Сначала я сказал себе: «Нет!» Но тут же почувствовал, что, если я не откушу хотя бы кусочек, я упаду на землю и вдребезги разобьюсь... Но я снова сказал себе: «Нет!» Я старался не думать об этом проклятом банане. Я считал машины на улицах, окна в домах, провода, крыши, антенны! Ничего не помогало... Труднее всего не помнить то, что хочешь забыть... Знаешь, Микки, по-моему, никогда в жизни мои лапы не держали такого душистого, свежего, такого манящего банана... И чем больше мне хотелось съесть хотя бы кусочек, тем громче я кричал: «Нет!» Я летел над городом и вопил как безумный: «Нет, нет, нет!» Люди на улицах поднимали головы, не понимая, что там случилось в небе.

— Но это пытка. Хуже — это издевательство, Джерри. Это все равно как если бы мне поручили отнести кому-нибудь кусочек сыру.

— Ты прав, Микки. Но даже если мир издевается над нами, мы не должны издеваться над миром. Ибо было сказано, что ангел, севший за стол с дьяволом, не сделает дьявола ангелом... Мне стыдно признаться, но я летел над крышами домов и проклинал весь мир за то, что в нем так много вкусных вещей... А когда я из последних сил все-таки дотянул до комнаты этой девочки, она сказала мне: «Нет, я не хочу банан. Я хочу яблоко. А этот банан можешь взять себе». Но я так устал, что мне уже ничего не хотелось. Ты не поверишь, Микки, но я после этого целую неделю не съел ни одного банана. Эта игра измотала меня. Мне все время казалось, что я только что пробежал сорок две тысячи сто пятьдесят метров... /

— А девочка? Что она сделала с тем бананом?

— Съела. Вместе с лекарством... А через три дня Анна сказала, что девочка выздоровела и что я молодец.

— Ты действительно молодец, Джерри,— восторженно прошептал Мышонок.

— Я знаю,— скромно согласился с ним Джерри.— Если бы я этого не знал, я бы ни за что на свете не смог тогда донести до ее дома такой вкусный банан.

Глава тринадцатая ВСТРЕТИМСЯ НА АМАЗОНКЕ!

Джерри, как всегда, сидел на карнизе дома номер семьдесят семь. Дом этот стоял на углу двух самых оживленных улиц, а перекресток внизу некоторые даже считали центром города. А некоторые — нет. Это всегда так бывает. Любители театра считают центром города площадь, где стоит театр, любители спорта — стадион, любители поесть — рынок, любители посидеть дома — свой дом, а любители побродить по городу — весь город. Но настоящий центр села, города, страны или мира

все-таки находится там, где сейчас находишься ты. В этом смысле Майкл был прав. Он любил говорить, что Бог внутри нас, а весь мир рядом с нами...

Знаменитый семьдесят седьмой стоял на углу двух знаменитых улиц: Прямой и Кривой. Но называть геометрическими понятиями улицы — довольно скучное занятие. И Джерри дал им свои названия, от которых прямо дух захватывало. Направо от дома (если сидеть на карнизе) на многие километры простиралась улица Больших происшествий, а налево (если заглянуть за угол) медленно тащилась в гору улица Маленьких приключений.

Часы пробили двенадцать. От запаха бензина Джерри клонило ко сну. Прилетел Воробей:

— Ну что, Джерри?

— Ничего. Если бы что-то случилось, я бы тебя позвал.

— Спасибо, Джерри.

— Тоска,— вздохнул Джерри.— Тоска и скука.

— Есть хороший способ от скуки.

— Какой?

— Давай объявим себе сегодня выходной день. И тогда мы сможем сказать: это потому вокруг ничего не случается, что у нас сегодня выходной.

— Есть и еще один способ борьбы со скукой,— заметил Джерри.

— Какой?

— Ты знаешь, что случилось с Магометом, когда к нему не пошла гора?

— Нет. А что с ним случилось?

— Магомет сам пошел к горе.

— Не понял,— пожал крыльями Воробей.

— Сегодня в участке дежурит Джек. Посижу у него на пульте.

— Возьмешь меня с собой?

— Нет. Ты сиди здесь. Если что — дашь знать.

Когда Джерри влетел через окно в зал управления, Джек с кем-то разговаривал.

— Я приветствую вас, сэр,— сказал ему Джерри.

Джек кивнул ему головой и продолжал говорить:

— Это не дело полиции... Поверьте мне... Я понимаю, что это касается всей страны... Вероятно, вы правы, но полиция тут бессильна...

— Что случилось? — спросил Джерри Джека.

Джек нажал кнопку, и включился динамик. Голос в динамике кричал:

— Это ограбление века! Каждый час у нас крадут по миллиону, а ваш полицейский стоит на балконе для провожающих с совершенно невозмутимым видом.

— Я сделаю ему замечание.

— Какое?

— Я прикажу ему сделать вид, что он возмущен всем этим до глубины души.

— И все? — взвизгнул голос.

— А что вы предлагаете?

— Вы должны немедленно разогнать этих птиц.

— Каких птиц? — спросил Джерри.

Джек приложил палец к губам.

— А почему бы вам самим это не сделать?

— Мы пробовали. Как только мы включаем двигатели самолетов на полную мощность, они поднимаются в воздух, но через минуту снова садятся.

— А самолет?

— Самолет выключает двигатели.

— Почему?

— Он не может взлететь. Если хотя бы одна такая птица попадет в реактивный двигатель, самолет рухнет. С пассажирами. И все погибнут. Это будет убийство. А убийства по вашей части.

— Откуда появились эти птицы? — спросил Джерри.

— Кто там все время влезает в наш разговор? — возмутился голос.

— Это Джерри, сэр. Боюсь, что если он вам не поможет, то вам уже не поможет никто.

— Он ваш начальник?

— Да. Бывают ситуации, в которых он становится моим начальником.

— Сколько там у вас птиц? — спросил Джерри.

— Их невозможно сосчитать.

— Почему невозможно?.. Надо быстренько пересчитать количество ног у этих птиц и полученную сумму разделить на два.

— Зачем это вам?

— Я должен знать численность превосходящих сил противника... Как вы думаете, что делает такая стая птиц в начале осени?

— Думаю, что они летят на юг, — ответил динамик.

— Разумный ответ, и я рад, что имею дело с умным человеком. А почему они застряли именно на вашем аэродроме?

— Понятия не имею, — как бы извинился смущенный голос.

— Честный ответ, и я рад, что имею дело с честным человеком.

В этот момент в окно влетел Воробей.

— Что-нибудь случилось? — кинулся к нему Джерри.
В ответ Воробей грустно зачирикал:

— Боюсь, Джерри, что это самый неудачный день в нашей жизни. Прошло уже полдня, а на двух самых опасных улицах города ничего не случилось. Ни-че-го!

— Хорошо, — сказал Джерри в динамик. — Я согласен вам помочь. Вернее, подумать, как вам помочь... С кем имею честь?

— Я Главный Диспетчер аэропорта. Расписание рейсов — это моя Библия, сэр... Сэр?..

— Разрешите представиться... Джерри, попугай из приличной семьи...

Динамик ответил ему долгим молчанием, а потом хрипло переспросил:

— Кто-кто?

— Не волнуйтесь, сэр. Если вы не знаете попугайского языка — ничего страшного. Я свободно владею человеческим.

Диспетчер застонал:

— Черт побери! Попугай так попугай... Только помогите. Сделайте что-нибудь!

— В вашей ситуации я не стал бы поминать черта, — ледяным голосом заметил Джерри.

— Извините, сэр...

— Джерри, — подсказал ему хорошо воспитанный попугай.

— Извините, сэр Джерри.

— Джек, ты можешь попросить Рони, чтобы он подменил тебя хотя бы на часик?

— Думаю, что сегодня это возможно.

— Тогда все в порядке... Встречайте нас возле своего окна. И не забудьте открыть форточку.

— Ты возьмешь меня с собой, Джерри? — спросил его Воробей.

— Что может быть прекрасней, когда рядом с твоим крылом крыло твоего друга! — патетически воскликнул Джерри.

— Значит, берешь! — радостно чирикнул Воробей.

Через час они были уже в аэропорту. У служебного входа их ждал Диспетчер. Джек вылез из машины. На одном плече у него сидел Джерри, на другом — Воробей.

— Знакомьтесь... Это мой друг Джек, а это мой друг Воробей.

— Кто-кто?

Воробей чирикнул, подтверждая эти слова Джерри.

— Он что-то хочет сказать? — вытаращил глаза Диспетчер.

— Он говорит, что он мой друг и свидетель.

— Вы находитесь под судом? — насторожился Диспетчер.

— Нет. Он свидетель моей жизни. Он запоминает все хорошее и все плохое, что я делаю.

Воробей снова чирикнул.

— Что он говорит?

— Он говорит, что я делаю только хорошие дела. Он хочет вам напомнить, что я вырос в приличной семье.

— Господин полицейский, вы уверены, что приехали туда, куда хотели?... Видите ли... Как бы вам объяснить... Здесь аэропорт, а не цирк.

— А вы в этом уверены, господин Диспетчер? — подчеркнуто вежливо спросил его Джерри, стараясь при этом не расхохотаться и как можно дальше припрятать свою иронию.— Если у вас здесь вместо самолетов летают птицы, а пассажиры, как вы сами изволили выразиться, путешествуют верхом на чемоданах... По-моему, вы могли бы взять патент на этот цирковой номер.

Воробей пару раз чирикнул. Диспетчер испуганно спросил:

— Что он говорит?

— Он говорит, что всю жизнь мечтал выступить в цирке.

Джек весело засмеялся, а Диспетчер потряс головой и потер пальцами виски:

— Да-да... Конечно... Пожар в сумасшедшем доме должны гасить сами сумасшедшие... Я на все согласен...

Диспетчер взмахнул руками, как крыльями:

— Куда прикажете лететь?.. Или плыть?.. Или ехать?..

— Где птицы? — строгим голосом спросил его Джерри.

— Они там... за рощицей, в конце взлетной полосы... на озере...

— Много их?

— Сотни три. И еще сотня гуляет по взлетно-посадочным полосам. Хотите, покажу?

— Не надо. Я полечу сам.

— А я? — робко спросил Воробей.

— И ты... Джек, включи переговорник...

Когда Джерри и Воробей улетели, Джек спросил Диспетчера:

— А пугнуть их пробовали?

— Общество охотников сразу предложило нам свои услуги.

— Почему же вы отказались?

— Посмотрите туда, на крышу...

На крыше аэровокзала стоял Человек в зеленом плаще, зеленой шляпе и зеленых ботинках. Он держал в одной руке длинную подзорную трубу, а в другой — огромную книгу в ярко-красном переплете.

— Это представитель Гринписа. А сезон охоты на уток открывается только через две недели.

В этот момент пискнул переговорник и раздался голос Джерри:

— Джек, я на месте. Начинаю переговоры. Можешь послушать... Привет, красавцы!

— Мы не красавцы, мы красавицы,— фыркнула в ответ красногрудая барышня и демонстративно повернулась к нему хвостом.

— Ах, извините, обознался,— раскланялся Джерри.— С кем не бывает... Ну что ж... Тогда привет, красавицы!

— Привет, красавчик! — весело крякнула бойкая разрушительница, и все остальные шумно рассмеялись.

— Вот это я понимаю — смех,— похвалил их Джерри. Он уже понял, что перед ним дикие утки, а утки больше всего на свете любят, когда их хвалят. Они могут пять дней ничего не есть, только бы их за что-нибудь похвалили.

— Мы летим к берегам Амазонки.

— О! — восхитился Джерри.— Такой перелет под силу только могучим птицам... Мой дед и прадед родом из тех мест... А где вожак вашей стаи?

— У нас нет вожака.

— За кем же вы тогда летите?

— Впереди нас летит красавица Бамба. Она знает наизусть все звезды в небе и все озера на Земле.

— Это замечательно!.. А могу я с ней познакомиться?

И все утки закричали:

— Бамба! Бамба! С тобой хочет познакомиться какой-то попугай!

Слово «какой-то» резануло слух Джерри, но когда имеешь дело с утками, не надо придавать большого значения их словам.

Утки вдруг расступились, и с легким шумом перед ними приземлилась красногрудая красавица с изящной черно-белой головкой.

— Мадам!.. Разрешите представиться... Я — Джерри, попугай из приличной семьи. Если вы не возражаете,

я хотел бы узнать, кто эти красивые дамы, которые сопровождают вас к берегам великой Амазонки.

Бамба даже присела от восторга. Еще никто и никогда в жизни с ней не разговаривал так красиво.

— Мы казарки. Мы самые красивые утки в мире.

— Ах, мадам! Вы могли бы этого и не говорить! Это видно невооруженным взглядом... Но что заставило вас приземлиться в этом унылом месте?

— Видите ли...

— Джерри, мадам.

— Видите ли, Джерри... Можно, я буду называть вас просто «мой галантный друг»?

— Мадам, вы мне льстите.

— Так вот... Мы летели спокойно на юг, как вдруг две девочки из нашей стаи поссорились. И угораздило же их так раскрякаться прямо над гнездом грифов!.. Скажите, мой галантный друг, вы когда-нибудь видели грифов?

— Да. Однажды. В зоопарке.

— Нет ничего страшнее этих хищников. Они ужасно разозлились. Они крикнули нам: «Мало того что вы создаете шум своими крыльями, вы еще и кричите! Мы требуем тишины!..» — Мадам вздохнула. — Но утки не могут планировать, как грифы и коршуны. Мы должны все время махать крыльями... И тогда мы увидели, как они один за другим поднялись из своего гнезда... Их крылья бросили на землю черную-черную тень. Их клювы зияли как бездонные пропасти. Это было ужасно. Даже облака шарахались в стороны от их зловещих когтей. — Бамба скорбно закрыла глаза.

И тут же заговорили все утки:

— Грифы поклялись нас всех уничтожить!

— Они схватили и разорвали на части шесть казарок!

— Они бы всех нас уничтожили.

— Но тут появилась белая птица...

— Она так гудела, свистела и мигала своими страшными разноцветными глазами, что грифы от страха поднялись выше солнца!

— И мы решили лететь туда, куда летит белая птица.

— Это я так решила! — Бамба открыла глаза, и все казарки, как по команде, умолкли. — А все из-за этих двух разукрашенных дур. Всю жизнь я учу их обижаться молча, а они кричат, кричат, кричат... Ну-ка подойдите сюда... Ты, ты, Джульетта. И ты, Кристина...

Две утки подковыляли к Бамбе.

— Вот. Это они поссорились тогда над гнездом грифов. Ну, что вы молчите?

Девочки стояли с виноватым видом.

— Лучше бы вы молчали там. — Бамба кивнула головой в небо.

— Я и хотела молчать, — пролепетала Кристина, — но она сказала, что ее жених летает быстрее, чем мой...

— А она сказала...

— Кстати, а где ваши женихи? Почему они не защитили вас в трудную минуту жизни?

— Они улетели вперед занимать хорошие места...

— Они каждый год так делают...

— Вот оставлю вас здесь, — грозно сказала мадам. — Навсегда.

— Нет, нет, мадам! Только не это!

— Мы признаем, что вели себя плохо, — склонила красивую шею Джульетта.

— Очень плохо, — подтвердила Кристина.

— Признать свою вину, мадам, — это значит уже наполовину ее исправить, — решил вмешаться Джерри.

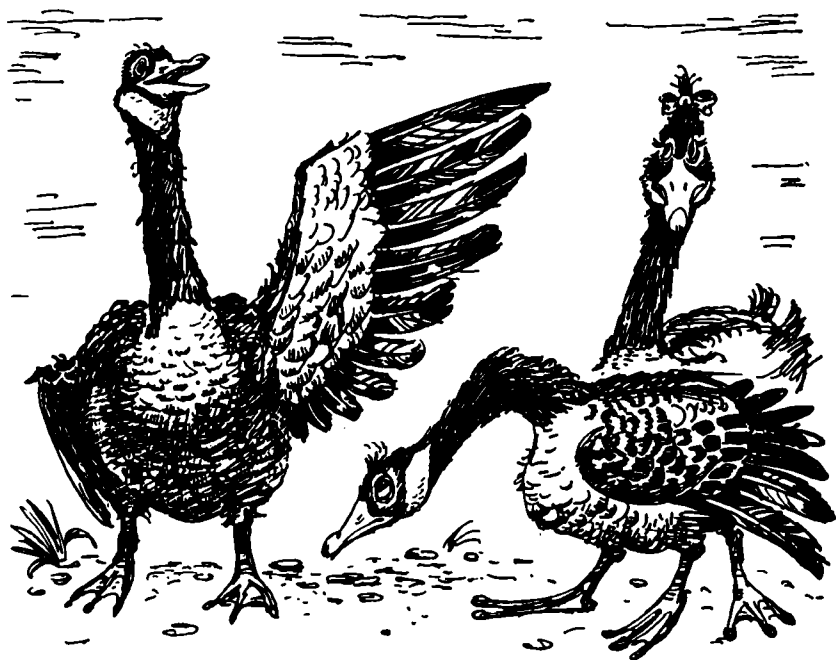
— Наполовину. Только наполовину, мой галантный друг... Но я хотела бы знать, где они возьмут вторую половину?

— В полете, мадам. Только добрым делом можно исправить плохое. Я желаю вам счастливого полета...

— Полета? — переспросила Бамба. — Какого полета?.. Прямо в клювы грифов?

— По-моему, мадам, вы несколько преувеличиваете опасность. Готов держать пари, что те грифы давно уже спят в своих гнездах.

Бамба возразила:

— Если вы умеете смотреть не только вниз, но и вверх, вы убедитесь, что это не так.

Джерри взглянул вверх и убедился:

— Вы правы, мадам. Два грифа кружат над взлетной полосой.

Джек и Диспетчер посмотрели в подозрную трубу.

— Проклятье! — чертыхнулся Диспетчер.

— По-моему, это единственное, что летает над вашим аэродромом, — съехидничал Джек.

— Да. Но, к сожалению, наши пассажиры вряд ли согласятся летать в Париж верхом на грифах... Как вы думаете, уговорит он этих уток?

— Во всяком случае, если этого не сделает Джерри, то этого не сделает никто.

— Мы не взлетим, пока не взлетит белая птица! — категорически заявила мадам Бамба.

— Но белая птица не может взлететь, пока не взлетите вы... — ответил попугай.

— Почему ты так думаешь?

— Скажи им, что ты разговаривал с белой птицей,— чирикнул Воробей.

— Я разговаривал с белой птицей,— подтвердил Джерри.— Более того, я разговаривал с ее начальником. Его зовут Диспетчер.

Казарки даже крякнули от удивления:

— И что она тебе сказала?

— Я спросил ее: как спасти этих несчастных уток? Скоро зима, и они тут замерзнут.

— Да, да, да! — закричали все утки.— Мы очень боимся замерзнуть.

— И что тебе ответила белая птица?

— Она сказала: я подумаю...

— Пусть она быстрее думает! — крякнула Джульетта.

— О, Великий Попугай,— умоляюще сжала свои крылья Кристина,— попроси белую птицу, чтобы она проводила нас к берегам Амазонки.

— Мы хотим к своим мужьям!

— Мы соскучились по своим братьям!

— Наши сыновья ждут нас!

— Тихо! — крикнул Джерри. И все умолкли.— Вы, кажется, подали мне хорошую идею.

— О, Джерри,— застонали утки,— мы готовы отдать тебе все, что у нас есть. Если ты найдешь у нас хоть сто идей — возьми их себе.

— Сто идей в сто раз хуже, чем одна... А вот одна хорошая идея рождает пусть одну, но зато хорошую мысль.

— И долго она будет сидеть на яйцах? — спросила Кристина.

— Кто? — изумился Джерри.

— Идея.

— Зачем?

— Чтобы высидеть эту... как ее... мысль.

Джерри расхохотался:

— Сидите здесь и никуда не двигайтесь. Летим, Воробей.

— Джерри, подожди! — остановила их Бамба. — Хорошо бы хоть немножечко поесть. Я боюсь, что на пустой желудок они далеко не улетят... Да и страху все натерпелись... Голод и страх — плохие попутчики.

— Вы правы, мадам... Примите мое восхищение вашим умом... Все, что от меня зависит... Кстати, какое расстояние вы можете пролететь за один день?

— Примерно тысячу километров.

— Потрясающе, мадам!

И уже через две минуты Джерри и Воробей были рядом с Джеком и Диспетчером.

— Ну, Джерри, — спросил его Джек, — ты что-нибудь придумал?

— Да. Какие убытки вы терпите за каждый час простоя?

— Эту цифру я даже не решаюсь произнести.

— Сколько ваша компания обещает тому, кто сообразит, что делать?

— Сто тысяч.

— Три! — твердо сказал Джерри.

— Что три? — спросил Диспетчер.

— Три миллиона.

— Зачем тебе три миллиона, Джерри? — удивился Джек.

— Я куплю химический завод, чтобы спасти бобров.

— И что ты там будешь производить?

— Обломки.

— Какие обломки?

— Обыкновенные. Я прикажу взорвать этот завод.

— Но на твои три миллиона они построят два таких же мерзких завода, и жизнь бобров станет еще хуже.

— Что же делать? — растерянно спросил Джерри.

— Мы дождем их, Джерри. Не расстраивайся... Конечно, такой попугай, как ты, — сам по себе сила. Но если вместе с полицией... Мы дождем этих химиков. Вот увидишь...

— Ладно, — вздохнул Джерри. — Поехали, Джек.

— Куда? — вцепился в Джека Диспетчер.

— Нам нужен вертолет и три мешка пшеницы,— успокоил его Джерри.

Но Диспетчер не успокоился:

— Зачем?

— Нужно накормить птиц.

— С какой стати мы должны кормить этих негодяев?

— Иначе у них не хватит сил на дальний перелет.

— А из чьего кармана мы должны взять денежки?

— Из нашего,— хладнокровно возразил ему Джерри.— Но потом мы пришем вам счет.

— А если их уморить голодом? — злорадно спросил Диспетчер.

— Хорошая идея, сэр,— похвалил его Джерри.— Вы сэкономите целых три мешка пшеницы.

— И когда они это... отдадут концы?

— Ну, недели две-три они здесь продержатся и без еды.

— Летите! — в ужасе закричал Диспетчер.— Летите скорей за своей пшеницей!.. Если я потеряю работу, чем я буду кормить детей?

— У вас есть срочные пассажиры?

— Есть.

— Сколько их?

— Все. Все спешат. Одни домой, другие из дома. Те, кто никуда не торопится, в аэропорт не приезжают.

— Мы отведем уток в сторону метров на восемьсот, подманивая пшеничными зернами. Их действительно надо как следует накормить. А вы в это время отправьте первые самолеты.

Через час казарки мчались за вертолетом, подхватывая на лету сладкие зерна. Самолеты один за другим стали взлетать с бетонных полос. А еще через тридцать минут казарки, полные сил и веселья, вернулись на свое прежнее место. Вода — источник их силы. Чтобы летать, они должны каждый день промывать свои перья.

Джерри включил переговорник:

— Хеллоу! Диспетчер, прекращайте полеты.

— Мы уже прекратили,— уныло откликнулся Диспетчер.

— Сколько самолетов вы успели отправить?

— Двадцать.

— Сколько пассажиров?

— Четыре тысячи.

— Сколько они заплатили за билеты?

— Чуть больше миллиона.

— Сколько полагается нам?

— Как и договорились — десять процентов.

— Сколько это будет — десять процентов?

— Чуть больше ста тысяч.

— Ну как, Джек? — хвастливо спросил попугай.— По-моему, ты неплохо заработал? Сто тысяч за три мешка. Это рекорд! Мы попадем в Книгу рекордов Гиннеса.

— Во-первых,— рассмеялся Джек,— пятьдесят тысяч из этих ста причитается тебе, во-вторых, вертолет стоит пятьдесят тысяч в час, а в-третьих, мы пользуемся им уже три часа. А значит, мы должны за него еще пятьдесят тысяч.

— А что же тогда останется нам? — уныло спросил Джерри.

— А нам останется шанс.

— На что?

— Шанс попасть в Книгу Гиннеса,— засмеялся Джек.

— Это печально,— вздохнул Джерри.— А я-то уж подумал, что ты разбогатеешь и сможешь послать своих детей учиться в хороший университет.

— Единственное мое богатство — это моя жизнь. Но это, как ты знаешь, временное богатство. Особенно для полицейского... Вчера мы хоронили одного сержанта. И на кладбище все говорили, что он прожил короткую, но честную жизнь. И никто не сказал, что слишком короткую или удивительно честную... Просто честную и просто короткую. И это нормально, Джерри.

— А если ты выиграешь в лотерею? Может же быть тебе такая удача?

— Нет, Джерри, полицейский не может разбогатеть. Самая большая удача для него — честно прожить жизнь и умереть не от пули, а от старости.

В переговорнике раздался сигнал и голос Диспетчера:

— Куда вы подевались?

— Все в порядке, сэр. Сейчас я выясню одну деталь у наших уток, и мы начнем действовать.

— У вас есть план?

— Думаю, что да. Вероятно, мне понадобится легкий самолет с пилотом примерно на семь дней. И план запасных аэродромов в южном направлении.

— До какого места?

— До берегов Амазонки.

— Что? Вы хоть представляете себе, сколько это будет стоить?

— Не дороже семи дней простоя.

— Вы берете нас за горло,— застонал Диспетчер.— Вы гангстер. Вы бандит!

— Сэр, могу ли я расценивать ваше заявление как оскорбление моей личности?

— Не знаю, как у вас, а у меня уже нет никакой личности. Каждую минуту меня угрожают снять с работы... Черт с вами! Делайте что хотите.

— Сэр, я не хотел бы, чтобы в предстоящем деле со мной все время был черт.

— Ну хорошо. Черт со мной! Только придумайте что-нибудь!..

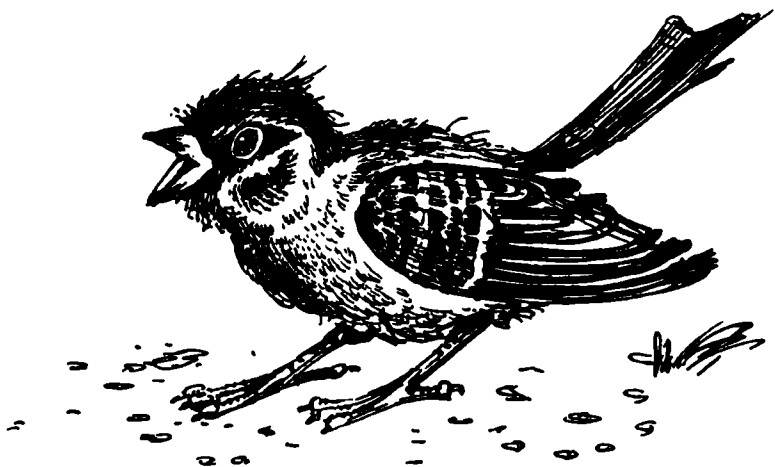
Джерри, притормозив крыльями свой полет, плавно приземлился посредине стаи.

— Слушайте меня, казарки! — громко и протяжно прокричал Джерри.

— Слушайте его! Все слушайте! — потребовала Бамба. И Джерри начал свою торжественную речь:

— Я, Джерри, попугай из приличной семьи, клянусь вам тем самым бананом, который, почти умирая от голода, я отдал еще более голодному, чем я!

— Мы слушаем тебя, Джерри! — закричали казарки.

— И я даю вам слово вольного попугая, что слово, данное мне людьми, я употреблю во благо птицам и людям!

— Мы верим тебе,— загомонила вся стая.

— Тогда слушайте меня... И ответьте на мой вопрос... Если я не ошибаюсь, белая птица спасла вас от нападения грифов?

— Это так, мой галантный друг,— ответила ему Бамба.

— А если белая птица людей будет провожать вас до места вашей зимовки, вы полетите вместе с ней?

— Да! — дружно крикнула вся стая.

— Хорошо. Тогда я вступаю в переговоры с людьми.

— погоди, Джерри,— остановила его Бамба.— А чем ты докажешь, что не бросишь нас в дороге, что ты не обманываешь нас? Я прожила большую жизнь, и меня обманывали столько раз, сколько перьев на моем правом крыле.

— Я попугай из приличной семьи! А попугаи...

— Ах, оставь это, Джерри. В молодости у меня был друг попугай. Может быть, он был не такой галантный, как ты, но он был еще красивее тебя. Я не хочу о нем вспоминать... Извини, Джерри, но я отвечаю за всю стаю.

— Что же делать, Бамба? У нас слишком мало времени на размышления.

Бамба кивнула на Воробья:

— Если бы он полетел с нами...

— Ты хочешь взять его в заложники? — горестно спросил Джерри.

— Джерри... Мне и самой противно. Но стая есть стая. Так им будет спокойней.

— Воробьи не умеют летать на большие расстояния.

— Мы понесем его на своих спинах.

— Я согласен! — смело чирикнул Воробей. — Я вызываюсь добровольно. Совершенно добровольно. А про того, кто сам прилетел в клетку, не могут сказать, что его поймали.

— Это будет опасный полет, Воробей... Ты попадешь и в дождь, и в град, и в грозу. Ты ведь боишься грозы.

— Боюсь, — вздохнул Воробей.

— А если ты свалишься с этой высоты, твои короткие крылышки тебя не спасут.

— Ну и что? Тогда будем считать, что я все-таки попал на улицу Больших происшествий... — И тихо добавил: — Если что — скажи моим друзьям, что я погиб как герой.

— Я скажу.

— На Юбилейной улице есть одна Воробьешка. Не утешай ее. Пусть она поплачет. Мне будет это приятно знать, даже если меня уже не будет... — Воробей немного смутился от столь высокопарных слов: — Вот видишь, я уже говорю, как ты...

— Ты говоришь, как Майкл. Даже он позавидовал бы этой фразе.

— Если я останусь жив, я подарю ее ему. А если нет, я завещаю ее Майклу.

— Встретимся на Амазонке! — крикнул ему Джерри. И вся стая подхватила этот клич:

— Встретимся на Амазонке!

Джерри попросил Джека подъехать поближе к стае казарок, а сам влетел в комнату Диспетчера. На тусклых экранах вращались светящиеся стрелки, прошупывая каждый уголок неба над аэропортом. Было жутко таинственно и ужасно интересно. В другой бы раз Джерри... Но не сейчас. Сейчас некогда.

— Через десять минут мы готовы подняться в воздух. Где контракт?

— Вот он.

— Тут надо сделать маленькое добавление.

— Какое еще добавление? — заворчал Диспетчер.

— Две стипендии в Гарвардском университете для детей Джека. И обязательное условие, чтобы Джек об этом условии никогда не узнал.

— Джерри, ты рехнулся? Две стипендии в Гарвард стоят двести тысяч. Брат нашего шефа...

— Меня не интересует брат вашего шефа. Меня интересуют дети Джека.

— Где мы возьмем столько денег? — возопил Диспетчер.

— В конце концов,— пожал плечами Джерри,— большая часть города даже рада, что ваш аэродром хоть на время заткнулся. Жителям надоели дребезжащие стекла, мигание экранов телевизоров, не говоря уже о том, что от ваших самолетов в городе нечем дышать... Между прочим, я тоже живу в этом городе.

— Джерри, ты преувеличиваешь,— поморщился Диспетчер.

— А вы преуменьшаете. Двести человек у вас не вылетели на свадьбы своих родных, триста — на деловые встречи, четыреста — на конгрессы и симпозиумы, пятьсот туристов путешествуют в вашем зале верхом на своих чемоданах, а советник президента не сможет дать ему вовремя нужный совет. Учитывая неустойку, которую вам придется платить...

— Мы должны будем посоветоваться с руководством компании,— уклончиво ответил Диспетчер.

— Хорошо. Советуйтесь. Я прилечу завтра вечером.

— Нет! Нет, Джерри! Мы... то есть они... согласны.

— На что?.. Только честно и прямо.

— Мы готовы подписать контракт на две стипендии.

— Допишите это вот здесь, на общем контракте. Вот так. И поставьте печать.

Джерри царапнул когтем по бумаге и пожелал Диспетчеру «счастливого оставаться».

Еще через пять минут Джерри был в воздухе за спиной пилота. Самолет быстро набирал высоту. Появившиеся было в небе грифы метнулись в сторону, туда, за дальние облака.

— Хелло, Джек! Включи переговорник на полную громкость.

Джек услышал, как Джерри что-то крикнул на птичьем языке и даже пару раз крякнул совсем по-утиному.

— Мадам, грифы улетают.

— Я вижу.

— Путь открыт, мадам!

— А если грифы вернуться?

— Белая птица и я будем сопровождать вас до Амазонки. Хозяин белой птицы может это подтвердить.

— Спасибо, Джерри. Там, на общем совете вожаков стай, мы присвоим тебе звание почетной утки.

— О, мадам!.. О таком не мог мечтать даже сам Брем.

Мадам с громким кряканьем рванулась в небо, вслед за ней с невероятным шумом — все эти Кристины, Джульетты, Офелии, Ариадны и Коломбины...

— Джек, я не успел попрощаться со своими. Скажи Майклу и Анне, что другого выхода не было.— И Джерри отключил микрофон.

Они летели стремительно, мощно, свободно, как и положено тем, кто избавился от страха.

На третьем запасном аэродроме произошел смешной случай.

Три утки, три красавицы, три краснозобых чуда — они пришли к Джерри и торжественно заявили:

— Джерри, ты нам нравишься! Мы хотим за тебя замуж!

— Увы, милые барышни... Во-первых, я недостоин вашей красоты.

— Достоин, достоин! — закричали они и распахнули свои крылья.

— А во-вторых, я вольный попугай из приличной семьи — и этим все сказано.

— Что сказано? — удивились утки.— Ты не сказал нам «да», а значит, ты ничего не сказал.

— Всегда говорит «да» только тот, кто не умеет говорить «нет».

— Джерри, мы умеем говорить «нет», но если ты скажешь нам «да», никто из нас тебе этого «нет» не скажет.

— Давайте сначала долетим до Амазонки, а там, если ваши селезни не убьют меня из ревности, мы поищем ответ на этот сложный вопрос.

А еще через три дня они увидели ее, Великую Амазонку.

Пилот попросил пару дней передышки, а Бамба сказала:

— Джерри, здесь, почти совсем рядом, живет стая попугаев. Они такие же вольные попугаи, как ты. Хочешь на них посмотреть?

— Очень! — ответил Джерри и полетел туда, куда показала ему Бамба.

Джерри летел вдоль берега Амазонки. И с каждым взмахом крыльев все новые и новые ощущения захлестывали его. Жара стояла несусветная, еще несусветнее, чем в самом центре города в самой середине лета. А по коже пробегали мурашки, как будто зимний ветер перегонял их с места на место. Джерри казалось, что он уже видел все это когда-то, но в то же время твердо знал, что никогда здесь не был. Его грудь сжимал какой-то странный звук. Почти до боли...

И Джерри вдруг вспомнил концерт Брамса. Тот самый, на который они с Анной попали после спасения бобров... Там, перед финалом, исполняла свой танец скрипка, и руки скрипача сбрасывали с ее струн безумные звуки вечного союза тревоги и восторга...

Слева, до самого горизонта, сверкала под солнцем вода, вода, вода... Было ощущение полной свободы и в то же время чувство, что ты находишься в огромной невидимой клетке... Джерри понимал, что из этого простора будет не так-то просто вырваться.

Вдруг кто-то окликнул его:

— Эй, новенький! Ты откуда?

— Да все оттуда же, старенький,— ответил Джерри.

— Ну, если ты шутишь, значит, ты не голодный.

— Мне голод не тетка, а дядюшка.

— Тогда посиди с нами, дядюшкин племянник. Расскажи, где был, что видел. Как где поют и как где танцуют?

Джерри опустился ниже и увидел на деревьях большую стаю краснохвостых попугаев.

— Он хорошенький,— раздался у него за спиной тоненький нежный голосок.

— И веселый,— рассмеялся кто-то справа.

— И похоже, что не слабак.

— Ну, это еще надо проверить,— появился перед ним попугай с большой головой и мощной грудью.

И Джерри вдруг понял, как будто и раньше это знал, что им надо разлететься в разные стороны и рвануться навстречу друг другу. Грудь в грудь!

Они так и сделали. У Джерри внутри от удара все косточки затрещали, но он все-таки удержался в воздухе. Он не упал. Хотя крылья после этого удара были как у чучела, набитого ватой... Однажды с карниза дома он видел, как на перекрестке столкнулись два автомобиля. Лоб в лоб. Вдребезги. Этот удар был не легче.

— А ты молодец,— сказал ему краснохвостый, сплевывая кровь от выбитого зуба,— крепкий парень!.. Давай знакомиться. Ты кто?

— Я — Джерри, попугай из приличной семьи. А ты?

— А я — Джоао душ Сантос де Крузейро.

— Ты местный?

— Да. А ты?

— А я из тех краев, где иногда на полях лежит снег.

— Это далеко?

— Очень.

— То, что далеко, нас не интересует,— брезгливо заметил краснохвостый.— У нас тут своих проблем хватает.

— Джоао,— обратилась к нему пожилая попугайха,— это серьезный парень. А нам нужен запасной вожак. На всякий случай, если с тобой что-нибудь случится. Может, проверим его в деле?

— Если он не побоится рискнуть... У нас тут беда, Джерри... В десяти минутах полета, на окраине леса, поселился человек... Ты когда-нибудь видел человека?

— Я видел много, очень много людей.

— Да... Сначала он приходит один, а потом их становится много, а нас мало... Но на этот раз мы решили дать ему бой... Ты любишь кукурузу?

— Я предпочитаю кукурузные хлопья.

— Где они растут?

— В магазине.

— Магазин — это лес или поле?.. Впрочем, это сейчас не имеет значения. Каждый раз, налетая на его кукурузное поле, мы оставляем там двух-трех попугаев... И если ты не боишься услышать, как свистят пули...

— Он не боится! — пропел у него за спиной тоненький нежный голосок.

И Джерри понял, что надо лететь.

Они свалились на эту кукурузу, как огромная стая саранчи. Джерри, как и все, глотал эти полуспелые зерна, даже не разгрызая. Как можно больше съесть! Как можно больше уничтожить! В него вселился дух разрушения, и Джерри не знал молитвы для его изгнания. Он бесился даже больше всех остальных в этой стае. Он был как обиженный ребенок, который ломает обидевшую его игрушку... И вдруг замер как вкопанный. Он вспомнил одинокую ферму с одинокой старушкой, бобров, Зеленого Мышонка, собак и Джека. И неожиданно для себя громко крикнул всем краснохвостым:

— Стой!.. Скорее назад!.. К лесу!.. Скорей!

Стая сорвалась с места, подчиняясь его приказу, и только они успели влететь в лес, как раздались один за другим три отчаянных выстрела... Но пули впились в деревья и нашли там свое пристанище на вечные времена.

— Все целы? — спросил Джоао душ Сантос де Крузейро.

— Все! — ответили ему краснохвостые.

— Этот парень чувствует выстрел за секунду до выстрела, — пропел у него за спиной нежный голосок.

— С ним мы победим человека!

— Я, Джоао душ Сантос де Крузейро, — торжественно произнес Джоао, — предлагаю тебе быть вожаком нашей стаи! Что ты ответишь на это, Джерри?

— Что ты скажешь нам? — закричали все краснохвостые.

...Зеленый Мышонок с восторгом смотрел на Джерри, который только вчера вместе с Воробьем вернулся в свой город, и осторожно спросил:

— И что же ты сказал им, Джерри?

— Это был трудный момент. Я не знал, что им сказать. И, как всегда в таких случаях, подумал: интересно, а что бы на моем месте сказал этим краснохвостым попугаям Майкл?.. И я сказал им: «Двести тысяч дорог

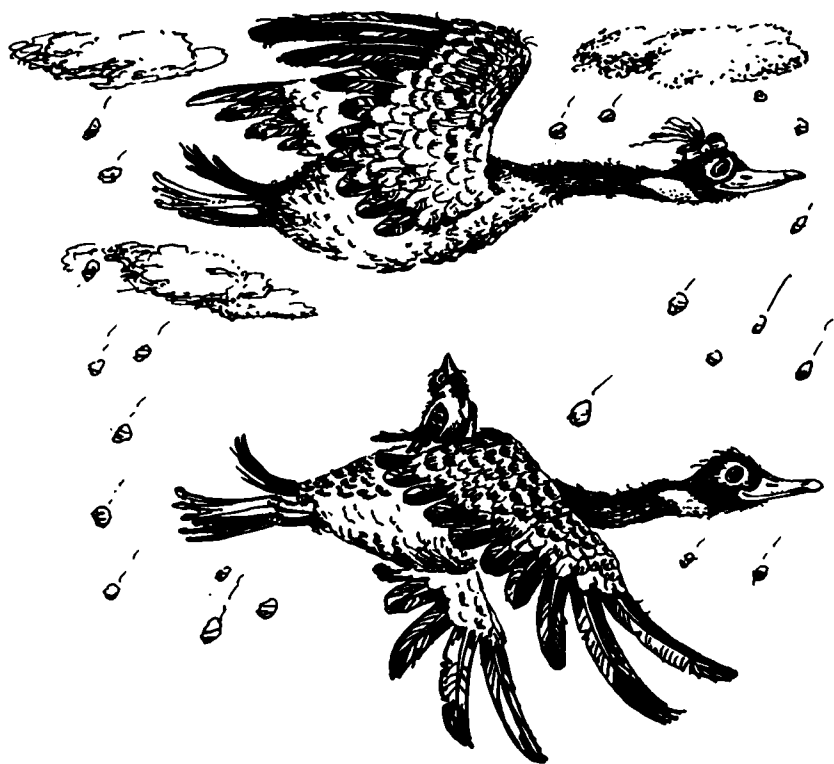
ведут нас из дома, и только одна дорога ведет нас обратно в дом. Вы сказали мне, что мой дом здесь. И я ответил вам: наверное, так. Но перед каждым ответом надо поставить вопрос. Да, я пришел в свой дом как гость, и мой дом открыл передо мной свои двери. И я поклонился хозяину дома своего и понял, что на крыльце дома моего начертана для меня обратная дорога. И хотя хозяин дома моего приготовил для меня самые лучшие угощения и, подавая их, приговаривал: «Гость в дом — Бог в дом», я, вежливо доев последнюю веточку сахарного тростника, заметил ему, что гость необходим хозяину как воздух, но если воздух войдет в него и не выйдет, то хозяин может умереть...» И мы улыбнулись друг другу... А потом рассмеялись... А потом расхохотались. Мы хохотали так громко, что от нашего хохота с деревьев стали падать на землю финики, орехи, бананы, киви, лимоны и даже апельсины... Это было замечательное прощание. В час расставания я обрел себе друга... Поверь мне, Мышонок... Никогда не станут врагами те, кто весело посмеялся перед дальней дорогой. «Прощайте, господа,— сказал я им.— Прощайте всех, кого сможете простить. И помните, что не прощенный еще может стать счастливым, а не простивший — никогда...» Они внимательно слушали меня, но, по-моему, никто из них так ничего и не понял.

— Тогда зачем же ты им все это говорил?

— Не знаю. Наверное, во мне скопилось слишком много слов. Это тяжелый груз, Микки. С таким грузом далеко не улетишь.

— Я понимаю тебя, Джерри, и я завидую тебе. Потому что я даже не знаю, где находится Недотепино королевство — родина зеленых мышат. И почему мы рождаемся так редко — раз в двести лет? Представляешь? Один зеленый мышонок — раз в двести лет, и к тому же двадцать девятого февраля.

— Значит, так надо, Микки. Значит, надо, чтобы кто-нибудь один был не похож на других. А кто-нибудь

совсем один был когда-нибудь совсем ни на кого не похож.

— Джерри, ты подарил им так много мудрых слов. А что подарили они тебе? — спросил Микки.

— Они подарили мне свое удивление. Они сказали мне: «Джерри, неужели ты не хочешь остаться с нами? Ты будешь нашим вожаком. И по твоим приказам мы будем нападать на банановые плантации и на поля кукурузы. Мы будем самой грозной и самой шумной стаей на всей Амазонке. Мы будем защищать последний глоток чистого воздуха и последнюю каплю еще прозрачной воды. Ты сам слышал этот крик над Сельвой: «Люди идут! Люди!» От этого крика даже листья встают дыбом. Мы для них только будущие чучела. Решай, Джерри!» А у меня перед глазами стоял

Майкл. И как он говорит: «Не мир я несу вам, но меч». И мне стало жалко того человека с ружьем на кукурузном поле, который нес меч, думая, что несет мир. А еще я вспомнил облезших бобров и рожу Усатой Бородавки, и мне стало жалко этих попугаев, потому что они тоже подняли меч. Нет, не будет мира под пальмами, пока не исчезнут там и люди, и попугаи, и пальмы. Знаешь, Мышонок, мне даже расхотелось взрывать завод Усатой Бородавки... Глаза, заплатившие за свет чужими глазами, все равно не увидят этого мира... И я сказал им, что был бы рад остаться, но боюсь, что мне будет скучно без добрых дел... А они спросили меня: «Что такое добрые дела?»

— И что же ты им ответил?

— Ничего. Я понял, что мне пора домой.

— Как ты это понял?

— Я вдруг вспомнил, что самолет улетает через три часа.

— Джерри, а если бы я тебя спросил, какое дело можно считать добрым?

— То, после которого ты возвращаешься домой счастливым.

— Это бывает не так уж часто.

— Да, это бывает не часто, но все-таки бывает...

— Если ты кому-нибудь расскажешь про все это, тебе никто не поверит.

— У меня есть свидетель,— улыбнулся Джерри.

— Да. Я могу подтвердить каждое твое слово,— чирикнул Воробей.— И я даже расскажу, как мы попали в страшный дождь с градом. В тот день я как раз летел на спине Кристины. Одна градина ударила меня так, что я чуть не свалился. Я понял: все, конец... Еще один удар... И тут знаешь что они сделали?... Джульетта прикрыла меня сверху. Градины лупили ее по спине, но она летела и летела...

— Тебе повезло, Воробей,— тихо шепнул Мышонок.

— Да,— чирикнул Воробей,— мне повезло, потому что я снова рядом с Джерри.

— И мне повезло,— сказал Джерри.— Мне повезло, потому что я снова с тобой, мой маленький зеленый друг.

— Ну, тогда и мне повезло! — радостно пискнул Мики.— Мне повезло, потому что... потому что мне очень, очень повезло!..

Глава четырнадцатая ПОХИЩЕНИЕ ДЖЕКА

В тот день Джерри сидел дома один и осторожно перелистывал толстым когтем тонкие страницы второго тома Брема. Он рассеянным взглядом рассматривал яркие цвета молодых попугаих, их изящные линии, и какой-то теплый комочек сгушался в его груди, вызывая совершенно непонятную тревогу. Странно... Ведь все было в порядке... Ночью прошел довольно прохладный дождь. Желтые, красные, зеленые листья на деревьях выглядели так, как будто попугаи раскрасили их в свои любимые тона. Осень... Казалось бы, совсем не время для этого теплого комочка в груди. Но Джерри знал, что его бабушку привезли сюда из Австралии. А в Австралии сейчас как раз весна и все попугаи как безумные летают кверху лапками, а спиной вниз... Ох уж эти бабушки! Почему-то они всегда оставляют самое главное в наследство не детям, а внукам... Спокойно, Джерри! Австралия далеко... И потом, когда это было...

В переговорнике вдруг раздался сигнал и зажглась лампочка. Джерри сразу же нажал кнопку и услышал голос Рони:

— Джерри, быстро прилетай в управление.

— Что случилось, Рони?

— Не телефонный разговор. Нашу волну могут прослушать.

— Где Джек?

— Говорю же, это не для телефона,— еще раз повторил Рони.

И Джерри, не задавая больше вопросов, с бешеной скоростью помчался в сторону полицейского участка.

Он влетел в заранее распахнутое для него окно и сел на пульт дежурного. В комнате было много полисменов и даже сам Шериф. Рони был человеком прямым и сразу выпалил:

— Джерри, бандиты похитили Джека.

Джерри даже лишился дара речи. Раненое крыло его нервно задергалось, и он растерянно спросил:

— Зачем?

Спросил — и сам понял, что задал нелепый вопрос.

— Где это было?

— В кафе. Хозяин рассказал, что вошли трое с автоматами. В масках. Тот, что поменьше ростом, такой коренастый, сказал ему: «Не валяй дурака, Джек. У тебя двое детей. Если твои хозяева обменяют тебя на нашего парня, у тебя все будет в порядке. У тебя и у твоих детей».

— Куда они его увезли? — спросил Джерри.

— Он здесь, в городе.

— Почему вы так думаете?

— Мы перекрыли все дороги. Проверяется каждая машина.

— А если они успели проскочить раньше?

— Нет. На пульте раздался сигнал тревоги и голос Джека.

— Что он сказал?

— Только одно слово: шестнадцать.

— Что означает это слово?

— Мы думаем, что это Шестнадцатый район города. Весь этот район оцеплен усиленными нарядами полиции.

— На кого они хотят обменять Джека?

— На отпетого бандита. Убийцу троих детей.

— Вы долго его ловили?

— Тогда было сработано чисто. Мы поймали его через два часа после убийства.

— Ну так почему же вам не обменять его на Джека? Если он такой дурак, вы снова его поймаете.

— Они требуют, кроме их дружка, еще миллион, самолет и обязательство их не искать.

— Если на воле не будет преступников, вам некого будет ловить,— стоял на своем Джерри.

— Я тоже за то, чтобы обменять,— согласился с ним Рони.

— Ну, сегодня мы обменяем Джека, а завтра они схватят Рони или еще кого-нибудь,— вмешался в разговор сам Шериф.

— Они сами поставили вам такое условие? — спросил Джерри.

— Да.

— Вы засекли их номер телефона?

— Нет.

— Почему?

— Они пользуются радиопереговорником. На нашей волне.

— Вы сможете найти место, где они находятся?

— Сможем. Но на это потребуется несколько дней.

— Сколько времени они вам отвели на раздумье?

— Двадцать часов.

— Вы можете из этих двадцати пять часов дать мне?

— У тебя есть план, Джерри?

— Пока нет... Плана пока нет, но у меня есть друзья... Главное — за эти пять часов не спугнуть бандитов. Надо, чтобы они сидели на одном месте.

— Ты хочешь, чтобы мы прекратили розыск?

— Да. На пять часов.

— Я предлагаю рискнуть,— сказал Рони.

— Согласен,— кивнул головой Шериф,— постарайся их найти, а брать мы их будем сами.

— Все время держите со мной связь.

— Дай твой переговорник, Джерри. Мы сменили волну.

Рони перенастроил радиотелефон, и Джерри стремительно вылетел в окно.

Воробей уже ждал его на заборе:

— У тебя что-нибудь случилось, Джерри?

— Случилось, очень даже случилось,— рассеянно ответил Джерри.

Они летели рядом, и Джерри все время бормотал:

— Надо что-то придумать... Надо что-то придумать...

— Надеюсь, ты помнишь, что я твой друг?

— Помню, помню...

Вдруг Джерри от неожиданности плюхнулся на ближайший карниз и с удивлением посмотрел на Воробья. А еще больше он удивился самому себе: «Как же это мне раньше не пришло в голову?»

— Чик, скажи мне, сколько надо воробьев, чтобы заглянуть во все окна города?

— Я думаю, тысячу, не меньше.

— А сколько для этого понадобится времени?

— Я думаю, часов пять, не больше.

— У тебя есть столько друзей?

— Нет. У меня только два друга: Чикс и Чикли. Но у каждого из них есть по два друга. И у каждого из этих друзей...

— Я понял тебя, Чик.

— Чикс и Чикли уже высидели птенцов. Сейчас они свободны. Это отчаянные ребята, особенно Чикли, и за двадцать минут они могут собрать эту тысячу. Что надо делать?

— Сначала надо всем им пролететь мимо моего окна. Я выставлю в нем фотографию Джека.

— А что с ним?

— Его похитили бандиты и где-то прячут.

— Я все понял, Джерри. Но кроме квартир в домах еще есть чердаки и подвалы. А это...

— Хороший совет, Чики! А хороший совет — это уже полдела.

— Но за половину дела не дадут и половину монеты.

— Микки! Зеленый Мышонок Микки! — уже на лету крикнул ему Джерри и помчался в сторону своего окна.

По пути он залетел в соседний двор и крикнул первому увиденному мышонку:

— Передай Микки, чтобы он срочно собрал всех главных мышей города!

А перед его окном уже кружили сотни воробьев. Джерри выставил на подоконник фотографию Джека и обратился к воробьям с короткой речью:

— Великие воробьи! Известно ли вам, что вы живете только там, где живут люди?

— Да! — дружно ответили ему воробьи.

— Вы и люди связаны одной неразрывной нитью.

— Но это ненадежная нить, — возразила ему Чикли. — Раньше люди любили нас, а теперь разлюбили.

— Не все, Чикли, не все. Посмотрите на эту фотографию. Когда Джек был мальчишкой, он ни разу не выстрелил ни в одного воробья. У него даже не было рогатки.

— Это был хороший мальчик, — одобрительно чирикнул Чикс.

— И он вырос хорошим человеком, — с гордостью произнес Джерри. — Все не могут любить всех. Любите тех, кто любит вас, и тогда вы сможете простить тех, кто вас не любит.. Вы знаете, что надо делать. Командовать будет Чик. А заместители у него — Чикс и Чикли.

— Не будем терять времени! — крикнул Чик. — Если мы его найдем, я сразу тебе чирикну.

А еще через минуту Джерри протиснулся сквозь разбитое стекло в подвал соседнего дома. О! Никогда в жизни он не видел столько мышей сразу. Речь! Надо сказать такую речь, которая заставит их прийти на помощь. С мышами всегда все не так просто. Надо найти слова...

— Мыши нашего города!.. Вот здесь, перед вами, Зеленый Мышонок Микки. Надеюсь, никто не сомневается в его честности?

— Никто! — дружным писком ответили мыши. — Это честный Мышонок.

— А теперь ему к тому же придется стать смелым Мышонком.

— Смелым Мышонком? — переспросили удивленные мыши.

Самый крупный Мышонок важно вышел вперед и сверкнул ярко-красными бусинками глаз:

— Нам нужна не смелость, а осторожность!

— Умница! — похвалил его Джерри. — Ты совершенно прав. Когда твоя смелость нужна только тебе, ты должен знать, что этой смелостью с тобой поделилась глупость. Но когда твоя смелость нужна другому, ты должен найти ее, даже если раньше этой смелости у тебя никогда не было.

— А зачем тебе наша смелость? — спросил красноглазый.

— Надо спасти одного хорошего человека, — ответил ему Джерри.

— Люди — наши враги! — запищали мышата.

— Я же сказал вам: хорошего человека. Не просто человека, а хорошего.

— Если с нами что-нибудь случится, никто из них нас спасти не будет.

— Если мы не будем спасать хороших людей, на Земле останутся одни плохие, и они доведут нашу Землю до того, что нам всем — и попугаям, и мышам — негде будет спасаться.

— Пусть Зеленый Мышонок подтвердит твои слова.

— Я подтверждаю, что все, сказанное попугаем Джерри, является чистой правдой на самой грани вымысла.

— Что надо делать?

— Надо быстро обежать все подвалы и все чердаки города и найти вот этого человека.

Джерри показал им фото Джека.

— Очень симпатичный мужчина.

— Но все-таки лучше не попадаться в его мышеловку.

— Джерри, по-моему, ты того... чокнулся, — не без усмешки сказал ему довольно крупный Мышонок. — Ты хоть знаешь, сколько в городе подвалов?

— Знаю.

— Сколько?

— На целых три подвала меньше, чем мышей в нашем городе. Я даже знаю, сколько у нас мышей.

— Сколько?

— На целых три мышонка больше, чем подвалов.

Мыши весело рассмеялись и запищали:

— Мы найдем его тебе, Джерри. Командуй, Зеленый Мышонок.

Добровольные сыщики помчались по городу, а Джерри полетел в полицейское управление. Он и сам хотел принять участие в поисках, но побоялся спугнуть бандитов. Ведь если они давно выслеживали Джека, то могли знать про его дружбу с попугаем.

На пульте дежурного все время мигали лампочки. Телефоны и радиотелефоны сообщали о разных происшествиях, но Джерри это ни капельки не волновало. Он сидел и думал. Прошло уже четыре часа. Думать четыре часа подряд — это и у человека голова отвалится. А Джерри сидел и думал. О жизни, о себе, о Джеке. О том, что если с Джеком что-то случится, значит, случится что-то и с Джерри. В мире существует то, что нельзя исправить, вернуть, отменить...

Услышав очередной сигнал на пульте, дежурный включил динамик.

Докладывал полицейский патруль:

— При выезде из города задержана машина. На заднем сиденье лежит полицейская фуражка. Водитель утверждает, что купил ее сегодня в супермаркете для подарка ребенку. Фуражка действительно новенькая.

— Какой размер фуражки? — поинтересовался Шериф.

— Двадцать восьмой.

— У Джека голова в два раза больше, — заметил Рони.

— Водителя отпустить? — спросил патруль.

— Конечно, — ответил Шериф. — И желательно вместе с машиной... Джерри, — добавил он, обращаясь к попугаю, — вы просили пять часов. В вашем распоряжении только один час.

В углу комнаты из почти невидимой дырки высунулась мордочка Мышонка. Он осторожно пискнул. Шериф схватился за голову:

— Только мышей нам здесь не хватало!

— Извините, сэр, но если мы немного помолчим, мы сейчас кое-что узнаем,— предупредил всех Джерри. Мышонок еще несколько раз пискнул и исчез.

— Что он сказал?

— Микки просил передать, что они обыскали все чердаки и все подвалы. Джека нигде нет.

— Придется начать переговоры с похитителями,— вздохнул Рони.

— Пока подождем. В их распоряжении еще сорок минут,— невесело выдохнул Шериф.

— Странно, что эти бандюги молчат,— не унимался Рони.

— Проверяют наши нервы,— решил Шериф.

В этот момент в окно влетели три воробья: Чики, Чикс и Чикли.

Шериф чуть не завопил:

— Попугай! Мыши! Теперь воробьи! Здесь что — зоопарк или полицейский участок?

Чики несколько раз взволнованно чирикнул.

— Что он говорит? — спросил Рони.

— Они нашли Джека.

— Где?

— В доме, где много-много этажей.

— Адрес? — Шериф торопливо вынул карандаш.

— Они не умеют читать.

— Какой этаж?

— Они не умеют считать.

— Тогда что они умеют? — застонал Шериф.

— Сэр,— с упреком остановил его Джерри,— они умеют спасать своих друзей.

— Извини, Джерри,— искренне раскаялся Шериф.— Извините, господа,— приподнял он свою шляпу в сторону воробьев.

— Что они там увидели? — спросил Рони.

Чикли несколько раз чирикнула.

— Она говорит, что Джек сидит на стуле. На руках у него наручники. Ключ от наручников на шее у коре-

настого. Бандитов трое. Сейчас они собираются выпить и закусить.

— Где эти негодяи? — зарычал Шериф.

— Они покажут мне этот дом, и через десять минут адрес будет у вас на столе.

— Приготовьте фотографии всех, кто проходил по связям с этим убийцей... Срочно готовьте вертолет и две оперативные группы.

— Чикс полетит со мной, а Чикли посмотрит фотографии.

— Джерри, будь осторожен, не спугни их.

— Все будет нормально. Главное, что мы их нашли. Теперь все будет зависеть от нашего ума и от их глупости.

Когда Джерри улетел, Шериф сказал:

— Знаешь, Рони, когда я схлопотал первую дырку в своем теле? Когда подумал, что мой противник — полный идиот.

— Не волнуйтесь, шеф. Джерри как-то объяснял нам с Джеком, что для того, чтобы кто-то сделал глупость, надо уговорить его, что он умнее всех.

В окно ворвался Джерри:

— Шестой этаж дома тринадцать по Двадцать второй улице Зеленого Поля! Дверь бронированная, стекла пуленепробиваемые, окна закрыты, и есть только маленькая щель в чуть приоткрытой форточке.

— Сколько этажей в доме?

— Шестнадцать.

— Это плохо, — засокрушался Шериф. — Ни сверху, ни снизу.

— Хорошо. Я беру это дело на себя.

— Нет, Джерри. Ты, конечно, умный попугай, но в одиночку тут ничего не сделаешь.

— Зачем в одиночку? У меня есть своя команда. Это отчаянные парни. Они боятся всего на свете, но больше всего они боятся прослыть трусами.

— Что нужно от нас?

— Шесть таблеток быстрорастворимого и еще быстрее действующего снотворного.

— По пути мы заедем в аптеку.

— И надо подумать, как выманить их из комнаты, где они едят и пьют.

— На такой случай у нас разработана операция «Страховка».

— На «Страховку» пойду я, — твердо сказал Рони.

— Нет! — так же твердо возразил Шериф.

— Джек — мой друг. Настоящий друг. И я не хочу, чтобы он стал бывшим другом. Мне надоело хоронить своих друзей.

— На «Страховку» пойдет Дональд, — железным тоном произнес Шериф. Шериф Паксон умел быть железным.

Из угла выдвинулся темнокожий парень. Высокий, стройный, широкоплечий. Форма на нем сидела так, как будто он в ней родился.

— Почему он? — удивился Рони.

— А ты не догадываешься? — ответил вопросом на вопрос Шериф. Предки Паксона явно были из Одессы.

— Нет, — притворно пожал плечами Рони.

— Потому что у тебя трое детей, а у Дональда ни одного. А если они откроют дверь...

— Они не откроют ее.

— А если откроют?

— Я хорошо стреляю, шеф. И вы знаете, как я стреляю.

— Да, я знаю, как стреляешь ты, но я не знаю, как стреляют они.

— Это правда, что у тебя нет детей? — спросил Рони у Дональда.

— Так точно, сэр. У меня нет детей, нет жены, нет отца и нет матери.

— Сейчас не время для шуток, — сурово заметил Рони.

Шериф засмеялся:

— Не злись. Дональд родился в сказочном городе Рио-де-Жанейро. А там аисты часто приносят детей и бросают их прямо в трущобы на окраинах города. Оттуда есть только две дороги: на футбольное поле или в тюрьму.

— Почему же ты пошел в полицию? — спросил Рони Дональда.

— У нас в Рио хоронили полицейского, у которого было четверо детей. И один человек сказал, что в полицию лучше всего идти тем, кто родился круглым сиротой. И я подумал, что, может быть, это дело как раз для меня.

За окном просигналила машина, и Шериф, Рони, Дональд, попугай и три воробья помчались в ближайшую аптеку.

А на шестом этаже тринадцатого дома по Двадцать второй улице Зеленого Поля за бронированной дверью и пуленепробиваемыми стеклами бандиты чувствовали себя в полной безопасности. Запасов еды в большом холодильнике у них хватило бы самое меньшее на три месяца любой осады.

— Вот уж не думал, что когда-нибудь мне придется охранять полицейского, — самодовольно хохотнул высокий.

— Да уж,— поддержал его коренастый,— тут ничего не скажешь. Приятно видеть полицейского в наручниках.

— А еще лучше — в гробу,— добавил шепелявый.

— Джека пропустим туда без очереди,— съязвил высокий.

— После вас, господа,— учтиво наклонил голову Джек,— только после вас.

— Джек, не валяй дурака. У тебя двое детей. Вот тебе перо и бумага. Напиши, что ты умоляешь тебя обменять.

— Вы болваны, парни. Когда кто-то из ваших попадает к нам, вы надеетесь его спасти?

— Нет. Но мы надеемся отомстить.

— В этом разница между вами и нами. Мы никогда не мстим, но делаем все, чтобы спасти товарища.

— На что ты надеешься? — хмыкнул высокий.

— Я надеюсь на то, что знаю.

— А я тоже знаю, на что ты надеешься,— подмигнул Джеку коренастый.— У вас есть специальные занятия по бегу и много всего другого. Но даже плохая пуля бежит быстрее хорошего полицейского. Пора перекусить, ребята. У нас есть салат и рагу из баранины. И парочка бутылок хорошего вина.

— Я не люблю обедать дома,— захныкал шепелявый.

— С таким грузом,— показал высокий на Джека,— нас не пустят ни в один ресторан.

— Мне надоело возитьшя с этим фараоном,— заныл шепелявый.— Надо было давно прикончить его и шмыться.

— Если тебе так хочется пострелять, стрельни себе в голову.— Коренастый сплюнул через плечо и пошел на кухню.

— Эх, ребята,— вздохнул Джек,— гореть вам после смерти в геенне огненной.

— Ничего страшного, Джек. Там уже столько наших друзей, что ими весь ад доверху набит. Все вместе как-нибудь выкрутимся.

Бандиты расхохотались.

— Парни, а вы хоть знаете, за что сидит тот, кого вы хотите спасти?

— За что? — делая вид, что не знает, удивленно спросил высокий.

— Он убил троих детей. Двоих девочек и одного мальчика.

— Не обижайся на него, Джек, — примирительно произнес высокий, — это он так, случайно. Затмение на него нашло.

— Такое затмение на него находит третий раз...

— Затмение есть затмение. Оно не зависит от человека. Этот парень любил днем поспать. После ночной работы. А дети все время орали у него под окном. Из-за этого он вынужден был без конца переезжать из города в город...

— И в каждом городе он специально подыскивал себе квартиру, под окнами которой играли дети. И очень точно готовил каждое убийство.

— Ну что ты ш ним все шпоришь и шпоришь, — опять захныкал шепелявый. — Мы что, так и будем здесь сидеть, пока наш не зашекут?.. Надо прикончить его и шмыться...

Коренастый принес три тарелки с едой, и только они сели за стол, как за дверью кто-то нажал кнопку звонка.

Звонок прозвучал как выстрел. Бандиты выхватили пистолеты и метнулись в коридор.

— Кто там? — нервно спросил высокий.

За дверью ответили:

— Страховой агент фирмы «Харст, сын и два дяди». Не хотите ли застраховаться от несчастного случая, сэр?

— Если со мной случится несчастный случай, то страховку уже некому будет получить.

В этот момент три отважных воробья один за другим стремительно влетели в форточку, высыпали быстрорастворимый порошок в тарелки и вылетели из комнаты. За углом дома их ждал Джерри и вручил еще по одной маленькой коробочке.

А за дверью страховой агент продолжал уговаривать бандитов:

— Очень льготные условия, господа. Если вы страхуетесь вдвоем — вам будет скидка двадцать процентов, если втроем — тридцать, вчетвером — сорок...

— А если вдесятером, — хмыкнул высокий, — то бесплатно?

— А если нас пятнадцать, то нам еще половину доплатят? — засмеялся коренастый.

— Вас не понял, — смутился страховщик.

— Открой ему дверь.

— Зачем?

— Надо впустить его сюда и прикончить.

Воробы снова стремительно влетели в форточку и спикировали, как маленькие бомбардировщики, на бокалы с вином.

— Ну, застрахуйтесь хотя бы от пожара, — жалобно пропел голос за дверью.

— Убирайся отсюда, пока мы не поджарили тебе пятки!

Страховщик позвонил в соседнюю дверь и представился:

— Страховой агент фирмы «Харст, сын и два дяди»...

Бандиты успокоились и вернулись к столу.

— Джек, а ты застрахован от несчастного случая? — насмешливо спросил коренастый.

— Я даже застрахован от самого несчастного случая из всех несчастных случаев.

— Это от какого же?

— От встречи с дураками.

— По-моему, он нам хамит, — удивился высокий.

— Хамит, хамит, — подтвердил коренастый.

— Эх, прикончить бы его и смыться!

— Мы будем когда-нибудь есть или так и подохнем от голода?

— Интересно, сколько бифштексов можно купить на миллион? — задумчиво спросил высокий и запил свой дурацкий вопрос большим глотком вина.

— А ты, Джек, поголодай. На пустой желудок лучше думается.

Бандиты выпили все до дна и съели все подчистую.

— Эх, шейчаш бы пешню шпеть,— прошепелявил шепелявый.

— И с песней на электрический стул,— хмыкнул высокий.

— Я посплю там немного, минут десять, не больше,— зевнул коренастый и вышел в другую комнату.

Через минуту за ним вышел шепелявый, а высокий мирно положил свою голову в тарелку с остатками соуса от бараньего рагу.

Джерри протиснулся в форточку:

— Привет, Джек.

— Привет, Джерри.

— У кого ключи от наручников?

— У коренастого.

— А от квартиры?

— У того, который в тарелке.

Джерри слетал в соседнюю комнату, вернулся с ключами и разомкнул наручники на руках Джека.

— Машина внизу, Рони с ребятами уже за дверью. А эти проснутся только через час...

Когда Джек вел бандитов через двор полицейского управления, коренастый, который спросонья ничего не мог понять, крикнул Джеку:

— Эй, парень! Я чего-то не пойму. Кто из нас кого взял в заложники? И кто кого похитил?

— Ошибочка, видать, вышла. Опять у нас ошибочка,— хмыкнул высокий.

— Не ошибаешься только Гошподь Бог,— возвел руки к небу шепелявый.— Я говорил вам, что надо было его прикончить и шмыться.

— Господа, вам телеграмма! — канцелярским голосом объявил Джерри и вручил бандитам телеграфный бланк.

На бланке черным карандашом были нацарапаны неровные буквы: «Масло достали, котел был, спички есть, дрова захватите. Ждем нетерпением». Подпись: «Вельзевул».

Бандюги в страхе упали на колени:

— Мы покаемся. Мы будем раскаявшимися грешниками.

— Но только после суда, господа. Суд Божий больше тридцати трех грехов на одного человека с прошлого Рождества уже не рассматривает. Он передает их на суд присяжных.

Бандиты с тупым видом начали загибать пальцы и подсчитывать свои грехи.

Во двор вышли Рони и Дональд. Дональд проверил наручники незадачливых похитителей и, немного смущаясь, напомнил им:

— А все-таки от несчастного случая вам надо было застраховаться...

Коренастый тупо посмотрел на него и воздел руки к небу:

— Идиоты!

— Кого вы имеете в виду, сэр? — очень вежливо осведомился у него Джерри.

— Мы! Мы идиоты! — заорал коренастый.

— Ну, в этом никто особенно и не сомневался, — тоже очень вежливо заметил Рони и распахнул пошире дверь полицейского управления.

Во двор ввалились корреспонденты и фотокорреспонденты. Откуда-то появилось шампанское.

Все закричали:

— Тост! Пусть Джек скажет тост!

Джек стоял посреди двора с бокалом шампанского и с попугаем на левом плече. На шляпе у него сидели три воробья, а на ладони он держал Зеленого Мышонка.

Эти фотографии на следующий день напечатали все газеты города и даже один цветной журнал.

Джек негромко, но так, чтобы слышали все, сказал своим друзьям слова благодарности:

— За тех, кто за нас и с нами!

Воробьи громко чирикнули.

Мышонок осторожно пискнул.

Джерри величественно произнес:

— Аминь!

И все весело рассмеялись.

Глава пятнадцатая ПОД ГРОХОТ ВОДОПАДА

В этот день с утра Бобер не произнес ни звука. Неяркое солнце уже перевалило за полдень, а Бобер все молчал и молчал. Профессия Учителя — говорить. А если Учитель молчит, значит, пришло время большого экзамена.

Ива тоже молчала.

Она молчала потому, что молчал он. Он молчал потому, что молчала она.

Она боялась вопроса, а он боялся ответа на этот вопрос.

Осторожный Бобер редко испытывал страх. Мудрость веков заставляла его вовремя нырять и вовремя выныривать. Осторожность сильнее страха.

Но сегодня... Он чувствовал, что страх бродит где-то рядом, что он уже подговаривает осторожность стать его союзницей.

И тогда Бобер понял, что больше молчать нельзя.

И он окликнул ее:

— Ива!

Голос его прозвучал так глухо, что Ива даже вздрогнула от неожиданности. В груди ее возник какой-то тревожный комочек, и этот комочек откликнулся:

— Да?

— Уже глубокая осень.

— Я знаю.

— А скоро будет зима.

— Я знаю.

— Бобры по всей реке начали строить зимние хатки.

Учитель снова замолчал. Тревожный комочек становился все больше и больше.

Учитель еле слышно сказал:

— Каждый из нас может построить себе свою хатку.

— И тогда мы не увидимся до весны?

— Да.

— Так долго?

— Да.

— Это целая вечность.

— Да.

И вдруг неожиданно для самой Ивы тревожный комочек в ее груди крикнул:

— Нет! Если мы не увидимся до весны — мы не увидимся никогда!

— Почему? — удивился Учитель.

— Потому что я умру от тоски, — горестно шепнул комочек.

— Ты любишь меня? — шепотом спросил Учитель.

— Не знаю. Наверное, да, — шепотом ответила Ива. — Я ненавижу себя за то, что не могу скрыть эту

свою слабость, но моя любовь к тебе сильнее моей ненависти.

— По вашим обычаям вот так надо объясняться в любви?

— Да.

— Красиво. Но, пожалуй, слишком сурово.

— Да,— гордо ответила Ива,— я из рода ныряльщиков Великого водопада.

— Хороший род! — кивнул головой Учитель.

— В нашем роду выживали только те, чья сила духа была сильнее силы водопада. Нас заставляли нырять в его смертельный поток до тех пор, пока мы не прочтем надпись на скале под мощной струей воды. Нас учили любить сильнее, чем ненавидеть, и ненавидеть сильнее, чем любить... Сказать тебе первую заповедь, которой учат детей нашего рода?

— Скажи.

— Если ты полюбишь врага дома своего, то пусть ненависть спасет тебя от этой любви, а если ты возненавидишь ближнего своего, то пусть любовь твоя спасет тебя от этой ненависти.

— Это звучит как клятва верности своему дому?

— Да.

— А что же было написано на той скале? Ты прочла эту надпись?

— Нет. Для этого надо нырять десять, сто, может быть, тысячу раз.

— И каждый раз вы рискуете жизнью?

— Да.

— Не знаю... не уверен... есть ли на свете такие слова, ради которых стоит рисковать жизнью?

— А какой заповеди учили детей вашего рода? — спросила она.

— Мой род идет от первого ученика, который стал первым учителем, который написал первый учебник, первая строчка которого звучала так: «Учись, чтобы учить».

— Красиво... А когда ты стал Учителем, как ты начал свой первый урок?

— Я долго смотрел в светлые глаза своих учеников, а потом сказал им: «Хорошо, когда у головы есть хвост, но еще лучше, когда у хвоста есть голова». Они засмеялись, и с тех пор мы стали друзьями.

— Тебя любили твои ученики?

— Гораздо важнее то, что их любил я.

— А ее они тоже любили? — осторожно спросила Ива.

— Да,— ответил Учитель.

— Это хорошо... Я завидовала ей, но она мне всегда нравилась.

Учитель благодарно ей улыбнулся.

В этот момент в их тихий разговор откуда-то сверху ворвался громкий шум крыльев Джерри.

— Приветствую вас, друзья! Признаться, я летел совсем в другую сторону, как вдруг мне показалось, что у вас что-то случилось... Но у вас такие сияющие мордашки... Похоже, я ошибся. Первый раз в жизни.

— Ты не ошибся.— Учитель весело хлопнул хвостом по воде.— У нас что-то случилось.

— Что? — с недоумением огляделся по сторонам Джерри.

— Мы решили быть вместе.

— А разве сейчас?..

— Мы решили быть вместе до конца жизни. Поздравь нас, Джерри.

— Я поздравляю вас! Но не с тем, что вы будете вместе! Двое сидящих в тюремной камере — тоже вместе... Нет, я поздравляю вас с любовью!

— Спасибо, Джерри,— поклонилась ему Ива.— А почему бы и тебе не найти себе хорошую подругу?

— Иногда я думаю об этом... Но я не могу ей ничего обещать. Я вольный попугай. Мой отец и мой прадед были вольными попугаями. И они никогда не хотели, чтобы когда-нибудь им было лучше, чем мне сейчас. А мой дядя, пропустив глоточек воды из чистого ручейка, любил ворчливо поговаривать, что, мол, плохое — это хорошее навсегда.

— Ты считаешь, что вечная любовь никому не нужна? — обиделась Ива.

А Учитель иронично спросил:

— Интересно было бы узнать, что думает по этому поводу твой друг Майкл?

— Не знаю, что по этому поводу думает Майкл, но мой отец, который любил любить и быть любимым, говорил, что на дне бокала любви всегда живет ненависть и поэтому никогда не надо осушать этот бокал до дна. Счастлив тот, кто умирает раньше, чем умирает его любовь.

Они помолчали немного. Все трое.

Потом Учитель сказал:

— Нам надо поговорить...

— Нам с тобой? — спросил Джерри.

— Нет. Нам с Ивой.

— Если это секретный разговор...

— Ты когда-нибудь был на моем уроке?

— К сожалению, нет,— посетовал Джерри.

— Я не хочу тебя прогонять...

— Спасибо.

— Я разрешаю тебе остаться...

— Еще раз спасибо.

— Но при одном условии.

— При каком?

— Ни во что не вмешиваться.

— Эта работа не для меня,— неуверенно возразил Джерри.

— Тогда лучше улетай.

— Ладно. Я согласен,— сдался Джерри.

— И помни: что бы ты ни услышал — молчи... Ты обещаешь мне?

— Да, Учитель.

— Ты умеешь молчать?

— Нет. Но я умею говорить молча.

— Как это так? — удивился Бобер.

— Очень просто. Например, ты говоришь: «Утро уже наступило». А я вижу, что утро еще не наступило, и молча говорю сам себе: «Нет, утро еще не наступило».

— Как же ты говоришь молча, если я слышу, как ты говоришь?

— Это я тебе рассказываю про то, что я говорю. А если бы я тебе не рассказал про то, что я говорю, ты бы этого никогда не услышал.

Бобер потряс головой, как будто она у него закружилась:

— Хорошо, Джерри. Я не буду с тобой спорить. Это неинтересно.

— Почему? — расстроился Джерри.

— Потому что ты всегда прав.

Джерри как будто щелчок по носу получил. Он даже потрогал когтем нос — проверил, цел ли он. «Кстати,— подумал он,— надо будет задать этот вопрос Майклу: прав ли тот, кто всегда прав?»

Откуда-то сверху налетел порыв холодного ветра. Все поежились. Ива вздохнула:

— Прошлая зима была такой длинной. И было так скучно. Кто придумал, чтобы была зима? И зачем?

— Наверное, для того, чтобы быть вместе,— ответил ей Учитель.— Лето разбрасывает в разные стороны, а зима собирает. Но ты должна знать, что это не так просто — жить вместе в одной норе. Ну, например, если я буду на тебя сердиться, ты имеешь право на меня обижаться. И чем больше я буду на тебя сердиться, тем сильнее ты будешь на меня обижаться. Но ты должна внимательно ко мне приглядываться. Как только ты увидишь, что я немного устал, ты должна рассмеяться и сказать что-нибудь доброе и веселое.

— А что я должна сказать?

— Скажи: «Спасибо тебе, Учитель, за то, что ты научил меня так замечательно ссориться. А теперь я хочу, чтобы ты научил меня так же замечательно мириться».

— А если ты никогда не устанешь сердиться?

— Устану, устану... Сердитый человек всегда устает быстрее веселого... в десять раз быстрее... Мне приснилось сегодня ночью, что ты хотела ударить меня.

— Я? — поразила Ива.

— Да. Ты даже схватила палку и замахнулась...

— Это неправда!

— Да. Я сразу понял, что ты будешь отказываться.

— Но мне не от чего отказываться!

— Я знал, что ты ни за что не признаешься...

Губы Ивы задрожали. Она еле сдерживала слезы:

— Но мне не в чем признаваться.

— Ты хотела избавиться от меня! Я надоел тебе своими нравоучениями.

— Учитель! — не выдержал Джерри.

— Молчи, Джерри! — крикнул ему Учитель. И снова повернулся к Иве: — Если бы ты знала, как я устал. Как я от всех от вас устал... Почему ты молчишь? Ты молчишь потому, что хочешь сказать мне гадость... Ты хочешь просто повернуться и уйти.

- Да.
- Навсегда?
- Да.
- Потому что ты не желаешь меня больше слушать?
- Да.
- Тогда давай помолчим.
- Я и так молчу.

— Тем более что я сейчас подумал, что, может быть, я не прав, а? Что мне это только показалось? Мало ли что может присниться во сне?

— Когда мне снятся плохие сны, я о них никому не рассказываю.

— И правильно делаешь, особенно если я в этом сне выгляжу не очень хорошо. Боюсь, что я был не прав.

- Конечно, не прав.
- Ты ведь не могла такого сделать.
- Конечно нет.
- Даже во сне?
- Даже во сне.

— Потому что ты умница. Потому что ты самое доброе существо на свете. Нет-нет, не спорь со мной. Знаю, что я совершил ошибку. И знаю, что ты простишь меня.

— Да.

— Поверь мне, я счастлив оттого, что мы с тобой помирились.

— И я.

— Ты не покинешь меня?

— Нет.

— Спасибо тебе.

— Ну что ты... Я уже все забыла.

— Вот и прекрасно. Это был хороший урок мне. И тебе. И вообще это был хороший урок. Быть может, лучший урок в моей жизни. И теперь мы с тобой никогда не поссоримся. Во всяком случае, до конца зимы. А знаешь почему?

— Знаю. Потому что я тебя научила мириться.

— Все. Забудем этот разговор.

— Это трудно забыть.

— Почему?

— Легко забыть разговор, которого не было.

— Но ведь я простил тебя!

— Ты простил меня за то, чего я никогда не делала...

Ты рассердился на меня за сон, который приснился не мне, а тебе.

— Ты хочешь поссориться со мной?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы потом простить тебя.

— Но ты уже простила меня! — изумился Учитель.

— Да. Я сумела простить тебе твою вину. Твою. А теперь хочу, чтобы ты сумел простить меня.

— Но ты ни в чем не виновата! — еще больше изумился Учитель.

— А если я придумаю про тебя какую-нибудь гадость?

— Это опасное дело. Вымысел живет дольше, чем правда.

— А если я потом во всем признаюсь, ты простишь меня?

— Да.

— И все будет в порядке?

— Не думаю.

— Почему?

— А сумеешь ли ты простить себя?

— За что?

— За то, что ты обидела меня.

Ива задумалась:

— Неужели мириться так трудно?

— Да.

— Знаешь, тогда уж лучше я ничего не буду придумывать.

— Вот и прекрасно. Тем более что мы могли помириться гораздо раньше — когда я сказал тебе, что очень устал.

Оба они замолчали. Будто небесная тишина спустилась на землю и уютно устроилась между ним и ею... Если вы когда-нибудь прислушивались к тишине, то могли заметить, что каждая тишина молчит своим молчанием. А бывает тишина, за которой стоят очень важные слова.

— Знаешь, что я скажу тебе, Учитель? — засмеялся Джерри. — Девчонка, которая может превратить ссору в игру, — это великая девчонка. Я видел сейчас великолепный спектакль. Сначала ты прекрасно сыграл свою роль, а потом ее еще прекраснее сыграла она.

Джерри взлетел на ветку и уже оттуда торжественно произнес:

— Бобер из рода Учителей! Готов ли ты взять в жены Иву из рода ныряльщиков Великого водопада?

— Да, — легко и просто ответил Учитель.

— Ива из рода ныряльщиков Великого водопада! Согласна ли ты взять в мужа Учителя из рода Учителей?

— Да. Но я должна повторить это «да», перекричав грохот Великого водопада.

— Сколько вам туда плыть? — спросил Джерри.

— Завтра днем мы будем на месте. Вниз по течению плыть быстрее и легче.

— Последний раз я был там год назад,— вспомнил Джерри.— Завтра как раз воскресенье, и мы увидим кое-что интересное.

Утром следующего дня они слышали шум водопада. И чем дальше они продвигались, тем ближе становился шум. Время от времени этот шум заглушал крики людей.

— Там что-то случилось? — встревожилась Ива.

— Ничего особенного,— ответил ей Джерри.— Это люди подбадривают тех, кто играет в их любимую игру.

— Как она называется?

— Игра со смертью.

— Глупо,— заметил Учитель.

— Моя Анна говорит, что у смерти тоже есть любимая забава. Она называется «Игра с людьми».

А еще через пару часов, когда грохот воды был совсем рядом, они увидели трибуны со множеством людей на правом берегу и небольшую трибуну на левом. На правом берегу зрители ели мороженое, пирожки, конфеты и весело разговаривали друг с другом.

— Что здесь происходит?.. Раньше здесь росли красивые ивы, в честь которых мне дали мое имя.

— Увы,— вздохнул Джерри.— Ивы срубили и сделали из них трибуны для стадиона. Видите справа перед трибунами плакатики с цифрами? Прямо напротив левой трибуны цифра 10 000. Ниже по течению — 8, еще ниже — 6, затем — 4, 2 и вместо нуля — череп и кости. На левой трибуне старт. Тот, кто сумеет переплыть реку под прямым углом, получит десять тысяч.

— Но это невозможно,— возразила Ива.— Даже самым сильным бобрам такое удастся совсем не часто.

— Ты права. Самый большой приз, который был здесь получен,— это шесть тысяч.

— Не нравится мне шум этого водопада,— сказал Учитель.

— Ну, теперь-то ты уже можешь сказать свое «да»? — спросил Джерри.

— Да,— ответила Ива. И закричала: — Да, да, да!

— А надпись на скале читать необязательно?

— Необязательно, но интересно... Тысячи бобров погибли, стараясь узнать эту тайну. И только восемь бобров сумели прочесть надпись на скале. Последний из этих восьми вынырнул двести лет тому назад.

— Зачем? Зачем тайна прошлых веков тому, кто может быть счастливым сегодня? — спросил ее Учитель.— Ты сама говорила, что для счастья достаточно услышать шум водопада. А история времен — это история ненависти.

— Она же — история любви,— кокетливо усмехнулся Джерри.

В этот момент на вышке левого берега появилась стройная девочка в ярком купальном костюме.

На вышке правого берега раздался голос Главного Судьи:

— Проверьте, сколько ей лет и есть ли у нее диплом. Дети до четырнадцати лет к соревнованиям не допускаются.

Голос стартера на левом берегу ответил:

— Эта девочка — чемпионка международных соревнований, а в предварительном проверочном заплыве она установила новый рекорд нашей реки.

— Тогда дайте ей старт.

Раздался выстрел, и девочка ринулась в воду. Она мчалась по воде, как индейская пирога, как стрела, выпущенная из лука.

Судья с правого берега объявил:

— Девочка плывет с опережением лучшего графика...

— По прогнозам специалистов, она может коснуться берега выше десятиметровой отметки.

Зрители на трибунах встали. Они аплодировали и кричали, подбадривая девчонку.

— Выдающееся мастерство! — вопил комментатор.— Невиданная скорость! Неслыханная смелость!

И вдруг что-то случилось. На середине реки девочку начало сносить в сторону водопада.

В динамике раздался тревожный голос комментатора:

— Что с ней?

Кто-то ему ответил:

— Она работает одной рукой... Похоже, что другую свело судорогой.

— Где спасатели? — закричал Главный Судья.

— Спасатели не успеют. Поздно... — ответил ему голос, полный отчаяния.

Трибуны застыли от ужаса.

Какая-то женщина кричала:

— Помогите же ей! Помогите!

И тогда Ива и Бобер, не сговариваясь, бросились в воду. Они догнали девочку, вцепились крепкими зубами в купальник и пытались оттащить ее поближе к берегу. Но поток с каждым метром становился все сильнее и сильнее, а грохот водопада — все ближе и ближе.

— Держись, малышка, держись! — крикнул Учитель.

— Если струя водопада схватит нас за горло, мы погибли!

— Никто, кроме нас, не сможет ее спасти.

— Неужели я нашла свое счастье только для того, чтобы потерять его из-за этой девчонки?

— Но если эта девочка погибнет, мы уже никогда не будем счастливыми.

Несколько секунд невероятными усилиями они продержались на месте, но течение снова сдвинуло их вниз.

И тогда Джерри закричал:

— Веревку! Дайте мне веревку! Скорей!

Ему кинули веревку, и он помчался с ней к бобрам. Бобры обмотали конец веревки вокруг девочки, и веревка затормозила их у самого края водопада.

— Если бы не Джерри... — радостно вздохнула Ива.

— Но Джерри всегда там, где должен быть Джерри, — весело возразил Учитель.

Какой-то странный звук раздался у них над головой.

— Вережка! — крикнул Учитель. — Она не выдержит нас троих.

— Держись за нее, Учитель! — крикнула Ива. — Вцепись зубами и держись!

— А ты?

— Это моя река. И мой водопад. Я справлюсь.

— А если...

Но Ива не дала ему договорить:

— Если мы погибнем оба, меня даже некому будет вспомнить.

И она нырнула в бурлящий поток...

Зрители ничего не заметили.

Девочка на веревке стала приближаться к берегу, и радостные крики тысяч людей понеслись над широкими берегами.

Игра со смертью удалась на славу.

Такая отвратительная игра.

Бобер выбрался на берег, оглядел бурлящую пустыню воды и понял, что Ива исчезла в пучине водопада.

— Чем я перед тобой так провинился, скажи мне, Речной Бог? — взмолился Учитель бобров, и первая седина высветлила его все еще могучую голову. — Почему ты так страшно дважды караешь меня?

Его одинокий печальный свист никто не услышал. С радостными криками люди бежали к тому месту, где сидела спасенная девочка. Джерри, как всегда, принимал поздравления и раскланивался на все стороны: «Ах, какие пустяки... Все это мне досталось совершенно бесплатно...» Может, Джерри это и досталось бесплатно, но Бобер заплатил за ее спасение огромную, невероятную, страшную цену. Ему хотелось только одного: умереть самому... Он просил смерти у Речного Бога, но Речной Бог молчал. А вместо смерти над его головой промчался Джерри:

— Жди меня! Только сиди здесь и не шевелись!

Бобер и не думал шевелиться. Он замер как каменное изваяние. «Дважды я находил свое счастье, — думал он, — и дважды его потерял. Два коротких счастья... А может, я вообще недостойн настоящего счастья?.. Настоящее счастье — это счастье на всю жизнь. А счастливые минуты, часы, дни, мгновения — это крохи счастья, это маленькие подарки тем, кому оно не досталось целиком».

Джерри нашел Иву внизу, у подножия водопада. Она лежала на берегу и тяжело дышала. Взрывы брызг с грохотом обрушивались на соседние камни. Было страшновато, но уже не так безнадежно жутко.

— Я знал, что ты выплывешь! — закричал Джерри. — Я знал! Я верил! Я надеялся!

Ива устало посмотрела на него:

— Где Учитель?

— Он там, наверху. С ним все в порядке. Я полечу и скажу ему про тебя. А то еще секунда — и он умрет от горя... Жди меня здесь. Я мигом... Ты сможешь доползти до лифта?

— Я попробую... Но только не торопись...

Джерри подлетел к лифтеру:

— Сэр, не будете ли вы так любезны поднять это несчастное существо наверх? Но, сами понимаете, денег на билет у нас нет.

Лифтер любезно распахнул дверцу:

— Я все знаю. В тот момент я был как раз наверху и все видел. Почту за честь, господа.

Джерри вернулся к Учителю и с размаху уткнулся ему в бок своей сияющей нахальной рожей:

— Эй, Бобер! Встряхни свои шерстинки. И причешись. А то для жениха ты слишком скучно выглядишь.

— Где Ива?

— Она там, внизу. Сейчас я подниму ее на лифте.

Она вышла из лифта, как выходит рыцарь из страшного боя. На спине и на хвосте слиплись пятна запекшейся крови. Из правого бока были вырваны два больших клока шерсти. Нос поцарапан, глаз подбит. Водопад не шутил с теми, кто хотел вырвать у него тайну всех времен и народов.

Учителю захотелось обнять ее, нежно прижать к своей груди, но он постеснялся большого количества народа. Он молча смотрел на нее восторженными, сияющими глазами.

— А я прочла надпись на скале... И наверное, всю оставшуюся жизнь я буду думать о том, что она означает.

— Что же там написано, Ива?

— Там написано:

«ЛЮБОВЬ ПОБЕЖДАЕТ НЕНАВИСТЬ, ПОБЕДИВШУЮ ЛЮБОВЬ».

Глава шестнадцатая БОЛЬШАЯ ПЕРЕСТРЕЛКА

Джерри, как всегда, сидел на карнизе дома и мирно беседовал с Воробьем.

— Как жалко, что попугаи живут дольше, чем воробьи,— вздохнул Воробей.

— А зачем тебе так долго жить? — спросил его Джерри.

— Если бы воробьи жили дольше, чем попугаи, я бы написал историю твоей жизни. От начала и до конца.

— Не расстраивайся,— рассмеялся Джерри,— если ты погибнешь раньше меня, тогда мне придется написать твою биографию.

— Мою? — удивился Воробей.— Какая у меня биография? Три чика, два чирика... А вот ты — герой! И я тебе честно скажу: мне нравится быть рядом с тобой...

Джерри вздохнул:

— Когда целятся в героя, почему-то чаще всего попадают в того, кто стоит рядом.

— Это если плохой стрелок. Или он не умеет целиться. А может, ружье у него кривое.

— Тем обиднее, Воробей, тем обиднее... Досадно, когда в тебя попадет тот, кто не умеет стрелять... Быть рядом с героем опасней, чем быть героем.

— Джерри, смотри! — взволнованно чирикнул Воробей.

— Куда?

— По улице Больших происшествий едут сразу две похоронные машины... Смотри, смотри! Там целая вереница машин, а сзади всех еще и полицейская!

Джерри посмотрел в сторону Длинной улицы.

— Странно... Два катафалка... Вроде бы в эти дни в городе никто ни в кого не стрелял...

— Может быть, эпидемия?

— Нет. Вот уже три дня Анна вовремя приходит с работы.

— Джерри! Клянусь последней подобранной мною крошкой хлеба, там машина Джека!

Оба ринулись вниз. Джерри влетел в окно и сел на спинку кресла:

— Добрый день, Джек.

Джек ничего не ответил.

— Почему ты такой мрачный?

— По печальному поводу,— печально ответил Джек.

— Если я не ошибаюсь, ты едешь на кладбище?

— Ты не ошибаешься.

— Хорошо еще, что ты едешь туда сам. Хуже, когда тебя туда везут,— попытался пошутить Джерри.

Но Джек даже не улыбнулся и продолжал мрачно смотреть на заднее стекло идущей впереди машины. Джерри взорвался:

— Что происходит, Джек? И почему я ничего не знаю? Неужели вы хороните сразу двоих полицейских?

— Двух детей, Джерри. Двух подростков.

— Кто их убил?

— Если бы знать,— вздохнул Джек.— Они приняли слишком большую дозу наркотика.

— Ну, тогда они сами во всем виноваты. Разве не так?

Но опять Джек промолчал, и Джерри стало как-то не по себе. Он догадался, что сморозил какую-то глупость, но еще не понял какую.

«А что я такого сказал? — обиженно подумал Джерри. — Ничего особенного. Даже Майкл говорил как-то, что каждый человек — кузнец своего счастья...»

На кладбище все были в черном, и яростно-разноцветный попугай деликатно отлетел немного в сторону, но так, чтобы все видеть и слышать. Он не жалел этих ребят, и даже грустные речи его не тронули. Он знал, что таких людей презрительно называют наркоманами... Что поделать? Наверное, жизнь гораздо хуже, чем мы о ней думаем. Одни из нас уходят, другие остаются. Тех, кто уходит, примет земля. Тех, кто остается, примет жизнь...

Вдруг он увидел, что вперед вышел Джек, снял фуражку и виновато опустил голову:

— Простите меня, если сможете... Это я виноват в смерти этих детей...

— Не надо так говорить, Джек, — перебил его директор школы, где учились ребята. — Эта мафия торговцев наркотиками захватила весь мир. У них миллиарды. У них самолеты, пушки, танки. Что может против них сделать один полицейский?

— Почти ничего, — грустно ответил ему Джек. — Но все-таки у меня остается это «почти». Я знаю, детей не вернуть, но я сделаю все, что смогу, чтобы найти этих негодяев.

Кто-то крикнул:

— Смерть убийцам наших детей!

— Они наживаются на искалеченных жизнях!

— Отомсти им, Джек!

— Ты должен отомстить им за нас! За всех!

И вдруг все замолчали. Джек поднял опущенную голову и тихо сказал:

— Я никому не должен мстить. Просто я должен хорошо работать.

Джек сел в машину и поехал.

Джерри и Чик полетели следом за ним.

— Подвезешь нас до Короткой улицы? — спросил Джерри.

— Нет. Сегодня — нет. Сегодня летите сами.

А на следующее утро в переговорнике раздался щелчок.

— Джерри!

— Да, Джек?

— Шеф хочет с тобой посоветоваться.

— А ты?

— И я. Но дело ведет сам шеф.

— Что-нибудь серьезное?

— Очень.

— Это было или будет?

— Это происходит каждый день... Постарайся прилететь так, чтобы за тобой не было «хвоста».

— Если у меня не будет хвоста, я не смогу прилететь.

— Остроумно сказано, Джерри. В другой раз я бы рассмеялся. Но сейчас не до шуток... Прилетай со стороны двора.

— Чика взять можно?

— Можно. Но только его одного.

— Что случилось?

Но переговорник уже отключился.

— Джерри, твой клюв сияет, как начищенная кастрюля. Тебе сообщили что-то приятное? — Чик хотел все знать.

— Да.

— Что?

— Похоже, что у нас впереди целая куча неприятностей.

— Это прекрасно, Джерри. Главное, чтобы эти неприятности не летали быстрее, чем мы.

— Это важно, Чик. Но еще важнее, чтобы они не были умнее нас.

— И хитрее.

— И осторожнее... Вперед, Чик!

Когда Чик и Джерри влетели в окно центрального пульта, Джек приложил палец к губам, делая им знак

молчать, но Шериф тут же резко повернулся в их сторону:

— Джерри, у нас есть подозрение, что наркотики в город переправляют с того берега реки. Какая-то посудина без названия и номера ведет себя чрезвычайно подозрительно. Катер становится носом против течения, стоит на месте с включенным двигателем минут десять, не больше, разворачивается и уходит.

— Что же вам показалось тут подозрительным? — вежливо спросил Джерри.

— То, что он приходит раз в неделю, в среду, ровно в девять вечера и в девять десять уходит.

— Может, они кого-то привозят или увозят?

— Нет. С берега и на берег никто не сходит.

— А еще что?

— А еще то, что в четверг, к вечеру, на улицах появляются новые партии наркотиков.

— Боюсь, что подозрение — это еще не улика, сэр, — пожал крыльями Джерри.

— Да, — согласился Шериф. — Поэтому мы и позвали вас, чтобы вы помогли нам найти настоящие улики.

— А что на этом берегу?

— Мы просматривали берег возле катера и берег напротив. Мы просматривали их даже с приборами ночного видения.

— И ничего?

— Ничего.

— Плохо дело.

— Не совсем... Умный преступник никогда не оставляет следов. Но зато умный сыщик всегда находит эти неоставленные следы. Преступник тоже человек. Всего лишь уродливый вариант человека, и поэтому он всегда чего-то не учитывает, чего-то не замечает и на что-то не обращает внимания...

— На меня, — чирикнул Чик.

— Что он сказал?

— Он сказал, что на него никто никогда не обращает внимания.

— М-да. Надо будет об этом подумать,— откликнулся Шериф.— Мы учтем ваши замечания.

— Я польщен, сэр,— чирикнул Чик.

— Что он говорит?

— Он говорит, что польщен, сэр.

— Скажи Шерифу, Джерри, что он мне нравится. Что он почти такой же умный, как ты.

— По-моему, этот Воробей произнес целую речь,— заметил Шериф.

— Да, сэр. Он сказал, что я почти такой же умный, как вы... Но не придавайте его чириканию слишком большого значения. Мой друг всегда и все преувеличивает.

— Вы хотите сказать, что я?..— нахмурил брови Шериф.

— Нет. Я хочу сказать, что мой друг обо мне слишком высокого мнения.

— А... Тогда скажи ему, что он самый умный Воробей на Земле.

Чик снова чирикнул.

— Что он говорит?

— Он говорит, что видел однажды, как кусок дерева плыл по воде.

— Найдите мне кого-нибудь, кто этого не видел.

— Он говорит, что кусок дерева плыл вниз по течению.

— Шеф,— сказал Джек,— по-моему, у этого Воробья в голове созрел какой-то план.

— Это так, Джерри?

Воробей долго чирикал, и Джерри перевел:

— Он уверяет, что если на правом берегу реки привязать к незаметному столбику веревку, а в противоположной точке на берегу реки привязать к веревке плавающий груз, то вода прибьет этот груз к тому берегу, где стоит колышек, только ниже по течению на расстояние, равное ширине реки.

— Потрясающе,— воскликнул Шериф.— Он что у тебя, профессор математики?

— Он профессор жизни, сэр! — с гордостью за своего друга скромно произнес Джерри.

— Дайте мне ручку и карандаш. Сейчас мы проверим его расчеты.

Шериф сделал на бумаге чертеж и ахнул:

— Все точно! Если мне не изменяет память, эта фигура в геометрии называется сегмент. Прошлый раз мы провели бессмысленную ночь в районе этого столбика. Мы потерпели неудачу, и две тысячи несчастий ворва-

лись в наш город... Завтра ночью будем брать этих негодяев вот здесь. На шестьсот метров ниже по течению реки... Джек, готовьте группу захвата.

— Сэр,— как можно вежливее обратился к Шерифу Джерри,— если вы не будете возражать, я и мои друзья можем попробовать повернуть это дело. Поверьте, мы доставим вам их, как конфеты в самой лучшей упаковке.

— Эти ребята не любят шуток. И стреляют без промаха.

— Мы знаем. Мы были на прошлой неделе на кладбище, когда хоронили тех двоих детей.

— У тебя есть план?

— Да.

— Какой?

Джерри промолчал.

— Ты не доверяешь нам?

— Я не хочу рисковать Джеком. И Рони. И Дональдом. И даже вами, сэр. Хотя все знают, какой вы бесстрашный человек.

— Мы можем послать туда двух водолазов и срезать груз,— предложил Шериф.

— Чайки увидят водолазов и поднимут крик...

— Я предлагаю дать им этот шанс,— сказал Джек.

— Ладно,— нехотя согласился Шериф.— Мы подстрахуем тебя на берегу.

— Только не очень близко.

В тот же день на берегу, возле норки бобров, Джерри собрал всю свою команду. Учитель, Ива, Чикс и Чикли с удивлением смотрели на Зеленого Мышонка. Бобровая хатка находилась выше по течению в трех километрах от города. И если Джерри в своих лапах притащил сюда Микки,— значит, дело серьезное.

— Леди и джентльмены! — обратился к ним Джерри.— Я не имею права вам приказывать...

— Не валяя дурака, Джерри,— прервал его Учитель,— ты же знаешь, что любая твоя просьба для нас важнее приказа.

— Ты недослушал, Учитель. Я не могу вам приказывать, но я и не могу вас просить. Я расскажу о том, что нам предстоит, и пусть каждый сам для себя добровольно...

— Добровольно мы идем только спать,— проворчал Учитель,— а все остальное мы делаем по правилам жизни.

— По правилам жизни,— усмехнулся Джерри,— каждый из нас должен ждать, когда костлявая придет к нам с косой в руке. А ходить самому к ней в гости...

— Если понадобится, то все мы готовы отдать друг за друга...

— В том-то и дело, что не за друга,— перебил Иву Джерри.

— А за кого же? — удивилась Ива.

— За совершенно незнакомых нам людей.

Все замолчали, и каждый думал о том, о чем никому не хочется думать.

Молчание прервал Учитель. Он говорил тихо, но его было очень хорошо слышно:

— Мы не были знакомы с Анной... Помнишь?.. Тогда?.. Но она пришла к нам на помощь и спасла нас... Кто для нас была вдова фермера или девочка у водопада?.. Мы знаем, Джерри, что каждого, кто попал в беду, ты считаешь своим другом... А друзья наших друзей — наши друзья. И, как я тебе уже сказал, если понадобится...

— Это ваш ответ?

— Да,— сказали бобры и хлопнули хвостами по воде.

— Да,— чирикнули воробьи.

— Да,— пискнул Зеленый Мышонок.

— Хорошо... Тогда плывите вниз по течению, через город. Воробьи покажут вам место.

Бобры поплыли, воробьи полетели, Джерри крикнул им вслед:

— Я горжусь своими друзьями! — и осторожно подхватил в свои лапы маленького Зеленого Мышонка.

— Джерри,— пискнул Микки,— ты можешь мне присвоить звание Летающего Мышонка?

— Нет, Микки.

— Почему?

— Потому что пассажир самолета не может считать себя самолетом.

— Почему?

— Потому что самолет может лететь и без пассажира, а пассажир без самолета не может.

— Почему?

— Потому что у самолета есть крылья, а у пассажира их нет.

— А почему?

Но Джерри уже не успел ответить, потому что они прилетели на место.

Место было унылое. Серые однообразные полуразрушенные пакгаузы заброшенного причала глядели уныло пустыми глазницами окон. Хозяева этих мест, сквозняки, тоскливо подвывали, цепляясь невидимыми боками за осколки разбитых стекол.

— Это здесь? — спросил Джерри.

— Мы трижды измеряли расстояние вдоль и поперек,— доложили Джерри бобры.

— Тогда задание воробьям: в среду, это послезавтра, показать бобрам место, где остановится катер. Бобрам: запомнить и потом подробно описать, а еще лучше нарисовать предмет, который они спустят с катера. Держаться на глубине. Боюсь, что у этих негодяев есть глубоководные пули. А для Микки будет особое, самое трудное задание. Ты не боишься, Микки?

— Не спрашивай меня, Джерри. Я всегда боюсь того, что делаю, но все-таки всегда делаю даже то, чего очень боюсь.

— Тогда ты дважды молодец, Микки.

— Джек! — негромко позвал Джерри.

От темной стены отделилась тень и осторожно прильнула к ним.

— Ты принес?

— Да.

— Разверни и дай понюхать Микки.

— Лучше не разворачивать. Боюсь, что тогда он...

— Хорошо. Не разворачивай.

Джек поднес к носу Микки белый пакетик. Микки понюхал, задержался и упал на каменный пол, безжизненно задрал кверху лапки.

— Он умер? — в ужасе чирикнули воробьи.

— Будем надеяться, что нет,— все-таки немного волнуясь, сказал Джек.

— Это было бы слишком печально,— скорбно произнес Джерри.

В этот момент Микки очнулся и снова встал на лапки. Правда, держался он на них не очень уверенно. Микки чихнул и возмущился:

— Фу, какая гадость! Никогда в жизни не нюхал ничего подобного.

— Микки, тебе задание: осмотришь все эти брошенные сараи, все подвалы и все чердаки. Если где-то обнаружишь этот мерзкий запах — дашь знать. Если

нет — возвращайся в город. Это надо сделать сегодня и завтра. Потом день пропустить. А потом снова.

— Я пойду, Джерри,— шепнул Джек.

— Иди, Джек,— шепнул ему Джерри.

— Что было в этом пакетике? — спросил Микки, когда ушел Джек.

— Наркотик. Тот самый наркотик, которым они убили тех двоих детей.

— Джерри, ты на меня не сердишься?.. За то, что я вот так... упал...

— Я горжусь тобой.

— Да? — обрадовался Микки.

— На одной из своих проповедей мой друг Майкл как-то сказал: «Велик не тот, кто встал, чтобы упасть, а тот, кто упал, чтобы встать...» В среду, в шесть вечера, все должны быть на своих местах. Всем все видеть, и никому ничего не делать без приказа. Запомнить все до самых мелочей. Наш девиз: память и осторожность.

Вечером Шериф вызвал Джека:

— Доложите, что сделано.

Джек доложил:

— Все идет по плану, сэр. В операции участвуют два бобра, три воробья и один мышонок.

Шериф поморщился:

— Если газетчики что-нибудь пронюхают, они поднимут нас на смех. Мы станем героями всех карикатур.

— Да уж,— согласился Джек,— они на этом неплохо заработают.

— А мы лишимся последней зарплаты. Мэр города обязательно скажет, что держать трех воробьев гораздо дешевле, чем двести полицейских. Приказываю всю операцию держать в полном секрете. Кодовое название: «Столбик». И никакой документации. Все распоряжения и доклады только в устной форме.

— Ну, за это нас тоже по головке не погладят.

— Зато голова останется цела,— возразил ему Шериф и на всякий случай прикрыл свою голову полицейской фуражкой.

В среду, ровно в шесть, все были на своих местах.
Бобры — у того места, где должен был остановиться катер.

Воробы — возле заброшенных складов.

Джерри — возле колышка, но за густым кустарником, так чтобы его невозможно было увидеть.

К этому времени:

Бобры сообщили, что по дну реки от колышка до противоположного берега протянута веревка.

Зеленый Мышонок Микки обнюхал все пустые склады, все подвалы и все чердаки, но того противного запаха нигде не обнаружил и поэтому сейчас был в резерве, возле Джерри.

Воробы расположились на месте прибытия груза так, чтобы видеть друг друга, но при этом никому не попадаться на глаза.

Все молчали, стараясь ни единым звуком не выдать своего присутствия.

Первым подал голос Зеленый Мышонок:

— Джерри, вдоль того берега вверх по течению движется пароход.

— Где? Я не вижу его, — шепнул Джерри.

— Я тоже не вижу. Но я его слышу.

Через несколько минут появился катер и остановился в условленном месте. Джерри десять раз сосчитал до шестидесяти. На катере чиркнула спичка, он развернулся и двинулся в обратную сторону.

Прилетела Чикли:

— Бандиты на берегу. Их четверо.

— У них что, совершенно бесшумные автомобили?

— Они приехали на велосипедах.

— Предусмотрительные ребята.

— Джерри, ты не поверишь, но у одного из них на багажнике твой старый дружок.

— Какой дружок?

— Кот! Тот самый.

— С Кота не спускать глаз! Я поручаю это дело тебе. Быстрей.

Чикли умчалась. И как раз вовремя. Плавающий мешок прибил к берегу. Его подцепили багром и вытащили наверх. Развязали мешок и достали из него четыре коробки. Одну коробку вскрыли, достали из нее маленький пакетик, повязали Коту на шею бант, а под бант сунули пакетик.

Кот сделал несколько прыжков и замер.

— Что случилось, Кот? — спросил тот, у кого он сидел на багажнике.

— Там, на крыше, Воробей!.. Я за версту чую этих негодяев...

— Не обращай внимания.

— Сцапать бы этого Воробья!

— Не теряй времени, Кот. На ужин тебя ждет кое-что повкуснее...

Кот запрыгал с крыши на крышу так, как будто у него за спиной были крылья.

Чикли держалась от него на приличном расстоянии.

Конечно, у этого Кота, в отличие от других котов, был отвратительный характер, но чего у него не отнимешь — того не отнимешь: он перепрыгивал с крыши на крышу как стрела, пущенная из старинного лука индейца.

Через несколько минут Кот впрыгнул в открытое окно с виду тоже заброшенного склада. Чикли притаилась на крыше.

Голос внутри сказал:

— Молодец, Кот. Сейчас быстро проверим... Вот так... Все в порядке. Беги обратно.

Как только Кот вернулся с белым пакетиком, на берегу чиркнула спичка, и через десять минут к этому месту пришвартовался катер. С него сошли трое.

— Все в порядке? — спросили трое.

— Все в порядке, — ответили четверо.

— Тогда гоните денежки.

— Да не простые, а золотые, — засмеялся один из троих.

Один из четверых протянул им чемоданчик.

— На том же месте в тот же час! — засмеялся тот, кто смеялся раньше, и все трое вернулись на катер.

Катер отчалил, Кот прыгнул на багажник, и четверка велосипедистов разными дорогами двинулась в сторону города.

Чикс, запыхавшись от быстрого лета, прилетел к Джерри:

— Меня прислал Чик!

— Что случилось?

— Нам не хватает одного воробья!

— В каком смысле?

— Их четверо, а нас всего трое. Они укатили на велосипедах, а мы не можем их выследить!

— И не надо. Главное — их сейчас не спугнуть. Поверьте мне: пока дурак ничего не боится — он не помнеет... Завтра общий сбор в десять утра возле хатки бобров. Прошу не опаздывать... Полетели, Микки. Сегодня угощаю. Какие крошки ты предпочитаешь? От хлеба или от печенья?

— Конечно, хлебные крошки бывают такие душистые... Но, если можно...

— Микки, я знаю, где продается потрясающее печенье.

— А разве у нас есть деньги, Джерри?

— Денег у нас нет. Но зато у нас есть друзья... А друзья, Микки, это такие люди, или птицы, или бобры, которые всегда живут рядом потому, что рядом с ними всегда живем мы.

На следующее утро все встретились на маленьком песчаном пляже, недалеко от бобровой хатки. Джерри позвал еще и Джека. Каждый рассказал, что он видел, а бобры нарисовали на песке очертания плавающего мешка. Учитель — вид сбоку, а Ива — вид снизу. Джек все записал, сфотографировал и грустно вздохнул:

— Белый порошок — это белая смерть.

— Я очень извиняюсь, но это не всегда так, — виноватым голосом пискнул Мышонок. — Однажды мне достался кусочек школьного мела. Он был такой белый-белый и такой вкусный-вкусный... Я его съел, и у меня ничего не болело. Я даже, как видишь, остался жив.

— Микки! — восторженно крикнул Джерри. — Я всегда знал, что ты умный. Но что такой умный!.. Джек, нужно срочно достать мел, растолочь и наполнить им маленькие белые пакетики. Мы устроим им большой праздничный фейерверк!

— Я понимаю, что ты задумал, — мрачно заметил Джек, — но это не совсем законно. Если дело дойдет до суда...

— Я надеюсь, что не дойдет, — так же мрачно ответил ему Джерри.

— Джерри, тот, кто нарушает закон...

— Тот нарушает присягу? Да?

— Да.

— Но я никогда не служил в полиции. И никогда не присягал вашему закону. А ты?

— Нет, — ответил Чик.

— А ты, Чикс?

— Нет.

— А ты, Чикли?

— Нет.

— А вы? — спросил он бобров.

— Видишь ли,— уклончиво ответил ему Учитель,— в этой жизни каждый живет в своем мире по законам этого мира. Но если тыходишь в чужой мир...

— Что ты финтишь? — рассмеялся Джерри.— Ты отвечай мне коротко и прямо.

— Хорошо... Я знаю, что ты не прав, но, может быть...

— Понятно. Значит, ты «за». А ты, Мышонок?

— Я как ты, Джерри.

— Я хочу тебе задать вопрос.

— Ну?

— Уж не считаешь ли ты, что с этого дня городу не нужна полиция?

— Нет, не считаю,— твердо ответил Джерри.— Конечно, полиция нужна для того, чтобы ловить преступников. Но было бы еще лучше, если бы полиция научила преступников ловить друг друга. Можешь передать это от нас своему шефу.

Все, кроме Джека, весело рассмеялись.

— Знаешь, Джерри, наш Шериф — честный малый. И храбрый. И умный. И знает свое дело. Но с юмором у него не совсем... не все в порядке... Он даже ходит на кинокомедии для того, чтобы там немного взгрустнуть. И если он узнает...

— Надеюсь, что не узнает. Ты ведь обещал нам, Джек.

— Да, обещал. Но, по-моему, ты совершаешь большую глупость. Ваше дело выследить их, а наше дело взять их с поличным. Суду нужны улики.

Джерри вспомнил тех двоих детей на кладбище, и в голосе его вдруг послышалось такое, от чего Джек даже вздрогнул:

— Я надеюсь, что до суда дело не дойдет.

— А если дойдет? — продолжал настаивать Джек.— Без улик эти бандюги будут снова гулять на свободе.

— Но чтобы не дать вам этих улик, они будут стрелять.

— Не исключено.

— И могут кого-нибудь ранить.

Джек был невозмутим:

— Это наша работа.

— Или даже убить.

— Что поделаешь? — вздохнул Джек. — Такая у нас профессия.

— Но я не хочу тебя хоронить! — крикнул Джерри. — Или Рони. Или Дональда. Или даже вашего Шерифа!.. Если ты не достанешь нам мел, мы достанем его сами. Ты и твой Шериф обещали нам не вмешиваться в это дело, пока мы его не закончим!

— Хорошо! — разозлился Джек. — Тогда я умываю руки!

— Пожалуйста! — не уступал Джерри. — Но только после того, как ты принесешь нам резиновый мешок и пакетик с мелом.

— Ладно. Но на всякий случай мы перекроем все лазейки вокруг этого причала.

— Это ваше право, — мирно согласился Джерри. — Только не спугните их. Советую вам тоже приехать на велосипедах.

Джек махнул рукой, вздохнул и укатил на своей машине. А Джерри достал веревку и начал учить бобров, как ее перегрызть и тут же привязать новый конец. Сначала на берегу, а потом в воде. На тренировки ушло четыре дня, и во вторник все было готово.

В ночь со вторника на среду все плохо спали.

Бобрам снились свежие весенние побеги, но когда они просыпались, рядом оказывались только старые задубевшие ветки.

Воробьям снилось несжатое овсяное поле. Но стоило им только на секунду проснуться, как поле тут же исчезало.

Мышонку снилось, будто его придавило огромным куском сыра. Сыр был ужасно тяжелым. Даже косточки у него затрещали. Но Мышонок во сне быстро сообразил, что надо сделать, проел сыр насквозь и, сытый и довольный, выбрался наружу. Потом Микки жалел, что сон этот повторился всего пять раз.

А Джерри всю ночь снилось утро. Как он просыпается от того, что чей-то голос громко говорит ему: «Вставайте, сударь, вас ждут великие дела!» Когда этот голос обратился к нему в третий раз, он встал и разбудил всех остальных.

— Сегодня — никаких тренировок. Всем занять свои места. И всем умереть. До девяти часов. Если кто-нибудь из нас шелохнется или издаст хоть какой-нибудь звук, он погубит и себя и нас.

Джерри посмотрел на солнце и тихо сказал:

— Пора.

Но прежде чем отправиться на тот берег, Учитель осторожно заметил:

— Джек — хороший человек. И если он говорит...

— То есть ты хочешь сказать, что Джерри плохой попугай, — как-то недобро засмеялся Джерри.

— Не надо мне приписывать того, чего я не говорил... Но если Джек считает, что тут что-то не так...

— Джек хочет, чтобы мы действовали по закону против тех, кто не признает никаких законов, — резко возразил ему Джерри.

— А что считает Джерри? — с иронией спросил Учитель.

— А Джерри считает, что тот, кто не признает закона, не может быть под защитой этого закона.

— Мы не в джунглях, Джерри.

— Ты в этом уверен? — усмехнулся Джерри. — Лично я — нет. Во всяком случае сейчас... Идет охота, Учитель. На диких зверей. Смертельная охота. Если кто-то из нас ошибется на долю секунды, он получит пулю в живот. Или в голову. Каждый был вправе отказаться. Еще вчера. Но не сегодня.

— Не говори глупостей, Джерри. Никто не отказывается... Поплыли, Ива...

— Не забудьте захватить мешок с мелом! — крикнул им вслед Джерри.

Уже под водой Ива сказала Учителю:

— Никогда не думала, что Джерри может говорить так резко. Он всегда вежливый, элегантный, остроумный... Ты думаешь, Джерри не прав?

— У людей с попугаями свои отношения. Их трудно понять. Некоторым попугаям нравится сидеть в клетках... Наверное, Джек хороший человек, но Джерри — наш друг.

У воробьев никаких сомнений не было, и они улетели на свои боевые посты.

— А мне никакого дела не найдется? — с робкой надеждой спросил Зеленый Мышонок.

— Будешь все время рядом, — утешил его Джерри. — Если со мной что случится, ты заменишь меня.

— Я?.. Ты уверен?..

— Уверен, — твердо сказал Джерри. — Просто ты еще не знаешь, какой ты храбрый.

Микки гордо пошевелил своими маленькими усиками и уселся рядом с Джерри.

Ровно в девять катер остановился напротив колышка, возле которого прятался Джерри. Он по колебанию воды почувствовал, как натянулась веревка. Катер развернулся, уплыл. Веревка начала медленно раскручиваться вправо. Значит, мешок с наркотиками движется поперек реки... Вот веревка замерла... Ага! Мешок с наркотиками меняют на мешок с мелом. Секунда, вторая, третья... Быстрее, быстрее, ребята! Бандиты на берегу засекают время... Ну!.. Вот так!.. Веревка еще больше отклонилась вправо... Молодцы бобры. Пока все идет по плану... Стоп. Веревка повисла вдоль берега. Значит, мешок сняли.

Чик был ближе всех к причалу. И к тому же он лучше всех умел сидеть не шевелясь. Еще перед началом операции он сказал своим друзьям:

— Если меня подстрелят, мое место займет Чикс. Если Чикса — то Чикли.

— А если меня? — спросила Чикли.

— Джерри услышит выстрелы и что-нибудь придумает.

Внизу бандиты подцепили багром веревку, вытащили мешок, распаковали, вынули из ящика пакетик и сказали Коту:

— Беги!

Они говорили шепотом. Тот, у которого на багажнике сидел Кот, сказал:

— Пересчитайте пакетики.

— Зачем? — откликнулся другой. — Всегда все было в порядке.

Через три минуты вернулся Кот. Под бантом у него торчал не белый, а черный пакетик.

Хозяин Кота торопливо развернул его и что-то прочел:

— Вместо товара нам всучили школьный мел.

— За кого они нас считают?

— За дураков, наверно.

— Деньги не давать. Приготовить пистолеты. Надеть глушители.

Снизу по течению послышался звук мотора. Подходил катер. С него сошли трое. Двое в куртках, один в тельняшке.

— Деньги приготовили? — весело спросил тот, что в тельняшке.

— Какие деньги? — удивился велосипедист.

— Как какие? Зелененькие.

— За что?

— За товар, — уже начинал злиться матрос.

— За какой товар? За школьный мел?

— Не валяй дурака. Мы проверили товар перед отправкой.

— А мы — при получении.

Трое с катера выхватили пистолеты, и раздались три выстрела. Точнее, шесть выстрелов. Но они прозвучали как три, одновременно. Четвертый из тех, кто был на берегу, кинулся к велосипеду, Кот прыгнул ему на багажник, и они умчались.

Когда Джек и Джерри прибыли на место перестрелки, они увидели шесть трупов, шесть пистолетов, три велосипеда и катер у причала. Потом на катере нашли два автомата и пулемет.

— Ну что? — спросил Джерри Джека, сидя на стволе пулемета.

— Пожалуй, ты был прав. Хорошо, что все живы.

— Кроме них, — добавил Джерри.

Джек промолчал. Он кое-что повидал в своей жизни, но даже он никогда не видел шесть трупов сразу.

— Они умерли без покаяния, — сказал Джерри, — но они и не были достойны этого покаяния.

«Ага, — подумал Учитель, — все-таки он не совсем уверен в своей правоте».

Вдруг совсем близко раздался такой страшный грохот, что от взрывной волны с головы Джека слетела фуражка.

Чик взмыл в небо и крикнул оттуда:

— Это взлетел на воздух тот дом, куда забегал Кот.

— Лаборатория... Они уничтожили все следы, — с сожалением сказал Джек.

— И друг друга,— добавил Джерри.

Когда вся компания вошла, прошмыгнула и влетела в кабинет Шерифа, у него на столе зазвонил красный телефон. Шериф поспешно схватил трубку:

— Да, сэр?

— Поздравляю вас!

— Спасибо, господин мэр...

— Кто проводил операцию?

— Сержант Джек.

— Один?

— Ну, не совсем... С ним были его друзья.

— Кто эти друзья?

— Сэр, я даже не знаю, как бы это поточнее выразиться...

— Ну а все-таки?

— Это они...

— Кто?

— Те самые...

— Какие те самые? Я с ними знаком?

— Не думаю, сэр.

— Ну а вы-то хоть с ними знакомы?

— Да, сэр.

— Кто же это? — Шериф вытер платком взмокший лоб.

— Сэр, нам не хотелось бы называть их имен.

— Понимаю вас. Не буду настаивать. Представьте сержанта к награде... А его друзьям выдайте премии. Из бюджета мэрии.

В трубке раздались гудки, и Шериф вздохнул с облегчением.

Когда Шериф ушел, Джек сказал:

— Не сердись, Джерри, шеф не мог представить вас мэру города. Мэр у нас веселый человек, и он наверняка тут же назначил бы Шерифа твоим заместителем.

Все засмеялись, а Джек сел за стол и взял карандаш:

— Диктуй, кому какие подарки.

— Ну, это очень просто... Килограмм орехов, килограмм сыра и три килограмма... чего?

— Гречки! — сказал Чик.

— Пшена, — добавил Чикс.

— И овса! — чирикнула Чикли.

— О'кей!.. Каждый из вас заслужил в тысячу раз больше.

Двадцать четыре черных монаха несли шесть черных гробов. Они шли через кладбище, мягко ступая по желтым опавшим листьям. Было восемь часов утра. Ночь уже кончилась, но день еще не наступил. Кроме Джека, Джерри, Зеленого Мышонка и трех воробьев в этот ранний час на кладбище никого не было.

— А почему их хоронят монахи? — спросил Джерри у Джека.

— Потому что все похоронные бюро города отказались хоронить этих мерзавцев.

— Посмотри в сторону ворот, Джек.

В воротах стоял велосипедист с Котом на багажнике.

— Он был с ними там, в порту. Надо его задержать.

— Уже задерживали. Тогда же. Почти на месте преступления.

— Ну и что?

— Ничего. Он сказал нам, что катал вдоль берега своего Кота. А когда услышал выстрелы, то решил поскорее убраться оттуда.

— Вы хоть обыскали его?

— Да.

— Ну и что?

— Ничего. Никаких улик.

— А Кот? Ты только посмотри на его мерзкие усы.

— Не думаю, что даже по самым мерзким усам Кота Судья возьмется определить вину его хозяина.

— Это моя вина, Джек.

— Не расстраивайся. Мы проследим за этим велосипедистом.

— А мы — за Котом,— чирикнул Чик.

Велосипедист тихо свистнул, Кот спрыгнул с забора прямо на багажник, они развернулись и смылись.

— А почему шесть гробов? — тоненько пискнул Микки.— Я слышал только три выстрела.

— Я говорил вам, что эти парни умеют хорошо стрелять. Ни один из них, как вы видите, не промахнулся.

— Да уж,— чирикнул Чик,— если бы они меня заметили...

— Чик был совсем рядом с ними. Ближе всех. И вообще, Джек, если честно признаться, то главный герой всей этой операции — Чик,— сказал Джерри. И весело добавил: — Спасибо тебе, Чик, за то, что ты такой храбрый и умный.

А Чик так же весело ответил:

— Не стоит благодарностей, Джерри. Все это я купил себе совершенно бесплатно.

Все засмеялись.

— Фи,— поморщился Джек.— Смеяться на кладбище — это дурной тон. Поехали, поехали...

— Вы не подбросите меня до моего подвала? — робко спросил Мышонок.

— А нас до нашего чердака? — весело чирикнули воробы.

— А тебя, Джерри?

— Я с тобой, Джек.

— Ну, значит, и я с тобой.

И Джек включил все мигалки, какие только были на его роскошной полицейской машине.

Глава семнадцатая ВСТАТЬ, СУД ИДЕТ!

Редкий случай — все завтракали вместе, дружно и почти весело. Каша — всем. Гренки с вареньем — Майклу и Анне. Орехи — Джерри.

— Моя популярность растет,— сказал Майкл.— Вчера мне звонил Главный Судья и просил разрешения прийти на мою проповедь.

— А разве, чтобы прийти на твою проповедь, надо спрашивать разрешение? — удивился Джерри.

— Конечно нет. Думаю, что это знак особого уважения.

— Вероятно, Судья хочет узнать, прав ли был Христос, когда говорил: «Не судите и не судимы будете».

Все засмеялись, а Майкл добавил:

— Это хорошая идея, Джерри. Если он придет, именно на эту тему я и прочту свою проповедь.

— Странное совпадение, Майкл,— задумчиво произнесла Анна.— Вчера к нам в госпиталь секретарь суда приводил на осмотр своего совершенно здорового ребенка.

Джерри насторожился. Он обожал счастливые совпадения, а в несчастные не очень-то верил. Он считал, что счастливые совпадения происходят как-то сами собой, а несчастные совпадения всегда кем-то организовываются.

— Он тебя о чем-нибудь спрашивал? — поинтересовался Джерри.

— Не помню... Ах да... Он, кажется, спросил меня о чем-то...

— О чем?

— Вот... Он спросил: если бы кто-нибудь из ваших близких совершил безнравственный поступок?.. Я сразу ответила ему, что в таком случае он тут же перестал бы числиться в списке моих близких... Джерри, интересно, а у попугаев есть свой суд?

— Нет, Анна... Нас судят наши ошибки. Зазевался на земле — пропал... Залетел в огонь — пропал... Не увидел натянутую сеть — пропал...

— Ну, один суд — это еще можно как-то вытерпеть,— уныло протянула Анна,— а у нас их целых два. Первый суд приговаривает тебя к наказанию законом. А второй — к мукам совести, к вечному рабству перед тем,

кого ты когда-то обидел... Ой, что это мы сегодня?... Начали так весело... Мне пора...

Майкл и Анна быстро оделись и удалились по своим делам.

На шкафу пискнул переговорник. Джерри нажал кнопку. Голос Джека приказал:

— Быстренько прилетай.

Джерри гордо выпятил грудь и важно произнес:

— Все-таки без моей помощи вам никак не обойтись.

— Боюсь, что на этот раз тебе будет нужна наша помощь.

— Хорошо,— засмеялся Джерри,— если я в чем-нибудь провинился, можешь мне врезать в лоб пару щелчков.

— Тут парой щелчков не отделаешься.

— А что случилось? — встревожился Джерри.

— Прилетай.

Джерри влетел в окно главного пульта управления и замер на первой же перекладине. Лица полицейских

были мрачнее самых мрачных туч перед самой мрачной грозой. Шериф приблизился к Джерри:

— Если у вас еще не отшибло память, надеюсь, вы не забыли ваш эксперимент с химическим заводом «Уорлд Кемикл»?

— Это была всего лишь остроумная шутка,— попытался улыбнуться Джерри.

— За эту шутку вам придется заплатить тремя миллионами или двумя годами за решеткой. Фирма обвиняет в нанесенном ущербе вас, вашу семью и ваших друзей. Очень сожалею, Джерри, что мы так долго были вашими друзьями.

— Вы ошибаетесь, сэр. Это я был вашим другом, а вы — всего лишь друзьями своей любимой работы.

— Суд не будет вдаваться в эти подробности. А тем более газетчики... Все! Этого разговора не было... Ты улетел, а мы не знаем куда. В конце концов, полиция не обязана разыскивать каких-то там... всяких...

— Сэр...

— Пусть даже самых умных попугаев... Джек вывезет тебя в закрытой машине за пределы города, а я сяду писать начальству объяснительную записку.

— Но вас еще пока никто ни в чем не обвиняет.

— Да? — Шериф посмотрел на Джерри как на неразумного ребенка.— Я располагаю секретными сведениями, что сегодня в вечерней газете появится статья под названием «Шериф — помощник попугая».

— Знаете, сэр,— покачал головой Джерри,— есть только один способ избавиться от дураков — это посмеяться над ними.

— Я не умею смеяться над дураками. Я отношусь к ним серьезнее, чем к умным. И ловить дураков гораздо труднее. Никогда нельзя понять, что он думал, думает или будет думать.

— В таком случае, сэр, было бы разумно, чтобы умные ловили умных, а дураки — дураков.

— Да, наверное, это было бы разумно, но мы на работу в полицию стараемся дураков не брать. И знаете

почему?.. Дураков очень трудно уволить. Дурак ведь не виноват в том, что он дурак. В этом, скорее, виноваты умные. Если бы не было умных, кто бы заметил глупость дураков? Увольнять надо того умника, который взял дурака на работу.

— Наверное, вы правы, сэр,— вздохнул Джерри.— Мой друг любит повторять, что если человек умер, то это надолго, а если он глуп, то это навсегда.

— Вот именно. Я еще не видел ни одного дурака, который поумнел бы даже на электрическом стуле... Закрытая машина будет готова через час. Надеюсь, что вы больше никогда не появитесь в нашем городе. Я рад, что мы нашли с вами общий язык.

Шериф двинулся к выходу. А Джерри негромко бросил вслед:

— Это не совсем так, сэр.

— В каком смысле? — резко обернулся Шериф.

— Я решил остаться, сэр. И у вас нет оснований...

— Да. Оснований нет. Кроме одного: они вас засудят.

— Я был бы рад этому, сэр. Если победитель когда-нибудь не становится жертвой своих побед, все его победы идут насмарку. Да, я честно признаю свою вину.

— Но тогда может быть задета честь ваших друзей, честь всей полиции.

— А если я улечу, может быть задета честь моей семьи. Побег будет для всех равносителен признанию вины.

— Но если вас не будет, суд не сможет это доказать.

— У нас виновен не тот, кто виноват, а тот, кого считают виновным.

— Проклятье! Я еще утром был уверен, что вы совершите эту глупость.

— Спасибо, сэр!

— За что?

— За то, что вы еще утром считали меня умным попугаем. Знаете, сэр, моя сестра Анна каждый раз в начале уик-энда совершенно серьезно предлагает: «Да-

вайте на два дня все умные поступки поручим дуракам, а сами будем делать одни сплошные глупости!»

Но Шерифа это ни капельки не насмешило. Он строго сказал Джеку:

— Подберите ему хорошего адвоката. За наш счет.

— Почему ты решил остаться? — спросил Джек.

— Однажды с театрального чердака я увидел, как на сцене один человек очень долго оскорблял другого. Он обзывал его и так, и сяк, и эдак. Он обвинял его во всех грехах на свете. И тогда тот, кого оскорбляли, неторопливо вынул из ножен шпагу, улыбнулся и негромко сказал: «Защищайтесь, сударь!» И как ты думаешь, что сделал тот, который его оскорблял?

— Что?

— Он сбежал, Джек. Он просто сбежал.

— У нас даже в магазинах туго со шпагами, — вдруг высказался Дональд, — но морду у нас таким мерзавцам тоже бьют.

— После спектакля я подлетел к актеру, которого оскорбляли, и спросил его: «Почему ты его не убил?» — «Я убил его!» — гордо ответил актер. «Когда?» — удивился я. «А разве ты не заметил, как весело смеялся зал?»

— Ох, Джерри, — вздохнул Джек, — как бы нам с тобой не заплакать. Лучший адвокат города уже согласился защищать Директора.

— А худшего нам не надо. Я буду защищать себя сам. Без адвоката.

— Ты так уверен в себе?

— Еще на школьной скамье я понял, что всегда прав тот, кто имеет право задавать вопросы.

Зал был набит битком! Радио, телевидение, пресса. Даже иностранные газеты прислали своих корреспондентов. Каких только заголовков не было в эти дни на первых полосах газет!

«Битва века! Кто кого? Мы их или они нас?», «Кто виноват, когда оба правы?», «Если попугай вернется в

клетку, Директор окажется за решеткой!», «Если попугай вылетит из зала, завод вылетит в трубу!»

Перед входом в суд стоял пикет с плакатом: «Если победит завод — победим мы, если победит попугай — победят наши дети».

Нелепость ситуации — лучшая основа всякого зрелища.

Зал гудел как растревоженный улей. Директор и Джерри сидели на отведенных местах.

Вошел Секретарь суда и объявил:

— Встать! Суд идет!

Все с грохотом встали, а Джерри взлетел и завис в воздухе.

— Можете садиться.

Джерри опустил на высокую спинку своего стула.

— Есть ли у сторон просьбы к суду?

— Да. Завод просит повесить на стенах суда портреты великих химиков — Лавуазье, Кюри, Менделеева. Мы всего лишь продолжаем дело этих гениев.

— Где они сейчас?

— Каждый на своем кладбище, — скорбно заметил Джерри.

— Поскольку покойники не могут быть вызваны в суд в качестве свидетелей, просьба отклоняется.

Зал засмеялся.

— А у вас?

— Только одна просьба, ваша честь: открыть одно из верхних окон.

— Просьба отклоняется. В зале работает кондиционер.

— Ваша честь, я не требую чистого воздуха, я требую возможности прилетать и улетать моим свидетелям.

В зале опять засмеялись. Судья поморщился и приказал Секретарю суда исполнить просьбу обвиняемого, при условии, что свидетели не будут проносить над их головами тяжелые предметы...

— Слово предоставляется истцу и его адвокату.

Усатая Бородавка стал рассказывать, как вода в маленькой речке, возле которой стоит завод, пошла вспять, как пена из очистных сооружений ринулась на завод, про взрывы котлов и затопленные подвалы. Адвокат назвал сумму ущерба: три миллиона.

— Вон там, в зале, сидят рабочие, потерявшие работу.

Тут же в самом конце зала, куда показал Директор, над головами сидящих появился плакат: «Наши дети плачут».

Но в другом конце зала возник другой плакат: «А наши будут рыдать».

Джерри понял, что у него тоже есть сторонники, и приободрился.

— Итак,— торжественно провозгласил Судья,— за разрушение завода «Уорлд Кемикл» и нанесение ущерба в три миллиона обвиняется попугай Джерри...

— Ваша честь, я хотел бы, чтобы в суде мой титул упоминался полностью!

— Какой титул? — изумился Судья.

— Полное мое имя: Джерри, попугай из приличной семьи.

Джерри сделал кульбит на триста шестьдесят градусов, что в попугайском этикете означало самый, какой только можно, глубокий поклон.

— Ходатайство отклоняется, ибо суду не были представлены доказательства вашего титула.

— Я сын проповедника Майкла и брат его дочери Анны, самого лучшего детского врача в нашем городе.

— Вот уж в семье не без уроды,— пробурчал Усатая Бородавка.

— От уроды слышу! — крикнул ему Джерри, на минуточку забыв, из какой он семьи.

Зал хихикнул, а Судья тут же отреагировал:

— Попугай Джерри, за оскорбление истца вы оштрафованы на один доллар.

Джерри вынул из сумки три больших спелых банана, перелетел через зал и положил их на стол Судье.

— Что это?

— Это бананы, ваша честь. Как раз на сумму в один доллар.

— Я не ем бананов! — возмущенно закричал Судья.— Я их не люблю.

— Тогда передайте мой штраф в пользу государства.

— Зачем государству ваши бананы?

— А вы спросите об этом у наших обезьян, которые голодают в наших зоопарках.

Судья повернулся к Секретарю суда:

— Вопрос о зоопарках прошу выделить в отдельное разбирательство и больше к нему не возвращаться. А вы, Джерри, в связи с недостойным поведением лишаетесь своего почетного титула.

Зал неодобрительно загудел.

— Увы, ваша честь, этого титула меня не может лишить ни Бог, ни Судья и никто на свете.

— Вы в этом так уверены? — И хотя Судья старался не позволять себе лишних эмоций, легкая насмешка проскользнула в его голосе.

— Да, сэр. Потому что это всего лишь выдумка, сэр. Та самая выдумка, которая... Я даже не решаюсь сказать, что из-за нее вышло...

В это время в проходе появился Человек в зеленом плаще, зеленой шляпе и в зеленых ботинках. В руках он держал огромную красную книгу.

— А это еще что за явление? — спросил Судья.

— Это... Эти... Ну, те... которые всюду лезут,— залепетал Секретарь.

— Вы кто? — строго спросил Судья.

— Я свидетель обвиняемого.

— Вас вызывали?

— Меня никто не вызывает, но я всюду прихожу сам.

— Ваша фамилия?

— Гринпис.

— Имя?

— Гринпис.

— Ваша профессия?

— Гринпис.

— Ваша должность?

— Присяжный заседатель суда истории.

— Ваша честь! — закричал Усатая Бородавка.— Он издевается над нами! Посмотрите на него. Если бы кто-нибудь из ваших судей явился в таком виде...

— Но он не мой судья. А наша история пока еще нам не принадлежит. И кого из нас она оправдает или осудит, мы никогда не узнаем... Защищайтесь, Джерри! Поскольку вы отказались от адвоката, вопросы будут задаваться непосредственно вам... Обвиняемый, вы признаете, что затопили водой завод фирмы «Уорлд Кемикл»?

— Ваша честь, этот завод затопили бобры, норки, нутрии, шуки, караси, окуни, тритоны, лягушки и даже головастики. Они построили плотину...

— Это мы уже знаем. Но идея была ваша?

— Да. И я горжусь этой идеей. Я всегда стараюсь быть на стороне тех, кому грозит смертельная опасность.

— Ваша честь! — крикнул Директор. — Он признался в своем преступлении! Более того, он гордится своим преступлением! Это чудовищный преступник, и его надо упрятать за решетку!

Джерри небрежно повернул голову в сторону Директора:

— Не надо пугать решеткой того, кто родился в клетке.

Зал веселым смехом одобрил хорошую шутку.

— Обвиняемый, делаю вам первое серьезное предупреждение. Здесь суд, а не площадка для эстрадных комиков.

Часы показывали двадцать минут десятого, когда Человек в зеленом достал из-под плаща маленький медный гонг и ударил маленьким деревянным молоточком. Секретарь суда, который в это время немного задремал, вскочил и объявил:

— Перерыв!

— Никакого перерыва! — крикнул Судья. — В этом зале никто, кроме меня, не имеет права ударять в гонг.

— А это не удар в гонг, — вступился за Человека в зеленом Джерри. — Это мольба о пощаде.

— О какой пощаде? Мы пока еще никого ни к чему не приговорили, — без тени юмора возмутился Судья.

— И еще это звон о погибших, — продолжал Джерри.

— О каких погибших? — взмолился Судья.

— Каждые двадцать минут, ваша честь, в мире гибнет по крайней мере один представитель какого-нибудь вымирающего вида животных.

— Какого дьявола? — взорвался Судья.

Усатая Бородавка вскочил.

— Нет, нет, не вас... Я его спрашиваю... этого... в зеленом... Откуда вы знаете, что каждые двадцать минут...

— От них, ваша честь, — грустно опустив голову, ответил Человек в зеленом.

— А они откуда знают?

— От него, — показал он глазами на небо.

Юмор все еще прятался где-то в дальнем углу, и поэтому Судья продолжал на полном серьезе:

— А он откуда знает?

— От меня, ваша честь...

Круг замкнулся. Судья схватился за голову.

— Я каждый день молюсь ему, — продолжал Зеленый, — и умоляю его спасти хотя бы последнюю пару в каждом исчезающем виде... Может быть... когда-нибудь... может быть...

Он замолчал. И все замолчали. Словно тень всемирного одиночества коснулась всех своим ледяным крылом.

И вдруг сверху, от окна, понеслись такие небесные звуки, что в зале словно летом запахло: теплой землей, душистым сеном и сытным запахом хлеба.

— Скажите, где мой старший брат? — дивным голосом прошептала маленькая птичка. — Его давно уже никто не видел.

— Как его звали? — спросил Джерри.

— Логеш. Его звали Логеш. Когда он пел, мирились даже смертельные враги, змеи переставали выискивать свою жертву, потому что их яд превращался в сладкий сироп, волки вели себя как ласковые котята, и даже ураганный ветер замирал от восторга, пролетая над этим лесом. Это им, логешам, природа поручила создать рай на земле, но... у них оказалось слишком вкусное мясо, и люди убивали их тысячами и жарили, парили, запекали... Люди сожрали свой собственный рай.

Какая-то дама в зале просто разрыдалась:

— Никогда... никогда в жизни я не буду есть птиц. Даже кур...

Директор вскочил с места:

— Обвиняемый пытается нас запугать!

Адвокат Директора крикнул:

— А рождественская индейка? Он хочет лишить нас праздника Рождества.

Кто-то из зала крикнул:

— Господу нашему Иисусу Христу на Рождество индейку не подавали.

— Я протестую! — поднял руку Директор. — К моему заводу это не имеет никакого отношения!

— Протест принят! А этого Шогеша... или как его... Логеша... прошу покинуть помещение.

Но Логеша в зале уже не было. Он улетел тихо и незаметно, как улетает от нас иногда наше счастье.

Только зал немного успокоился, как в то же окно с трудом протиснулся довольно зловещего вида Гриф. Он расправил под потолком свои пятиметровые крылья, и все с ужасом увидели, что в когтях он держит метровой величины утюг. Зал замер от ужаса.

И полной неожиданностью сверху поплыл жалобный хриплый голос Грифа:

— Когда ветер дует с вашей стороны в нашу сторону, фиолетовый дым ложится на снег в горах, снег тает, и начинается ужасная сырость... Мы спим в мокрых гнездах.

Гриф чихнул так, что даже лампы под потолком закачались.

— Извините...

— Чей это свидетель? — спросил Секретарь суда.

— Я — ничей. Я свидетель гор! — гордо прохрипел Гриф.

— Немедленно выбросите на свалку этот ужасный утюг!

— Не могу, ваша честь. За последние два года климат в горах так изменился, что у нас триста шестьдесят четыре дня в году идет дождь, и мы вынуждены все время сушить друг друга вот этими утюгами. Мы подключаем их к линиям высоковольтных передач...

Гриф чихнул два раза подряд.

— Ваша честь, если вы записали мои показания, я полечу сушить своих птенцов. — И он с трудом просунулся через окно в обратную сторону.

— Закройте окно, — приказал Судья, — иначе наш процесс не закончится никогда!.. Кстати, фиолетовый — это действительно ваш дым?

— Ну как вам сказать?..— залепетал Директор.— Дым одной из наших труб... может кому-то показаться...

В этот момент Воробей выпустил из своих коготков под самым потолком большое серое перо. Оно, раскачиваясь как маятник, медленно опускалось вниз, отражаясь матовым блеском под вспышками фотоаппаратов.

— Что это? — спросил Судья.

— Это последнее перо последнего Серого Гуся. Таким пером были написаны древние пергаменты, Библия, трагедии Эсхила, «Дон Кихот», сонеты Шекспира... и если бы человечеству повезло... Но ему не повезет. Потому что это перо последнего гуся... Все... Все, ваша честь. Человечество лишилось одного из самых прекрасных своих украшений... Прошу почтить вставанием память Серого Гуся...

Весь зал встал. Кто-то даже всхлипнул.

Судья, выдержав паузу, несколько смущенно произнес:

— Конечно... Вероятно, это был действительно замечательный гусь, но вставать и садиться в зале суда может приказывать только его Секретарь.

— Тем более,— саркастически захохотал Адвокат Директора,— что я сам лично прочел вчера в газетах сообщение о том, что на севере Аляски видели одного Серого Гуся.

Директор торжествующе зааплодировал своему защитнику.

По залу прокатился шелест недоверия к словам пугая.

— Одного? — тут же переспросил Джерри.

— Да, одного. Но это уже немало! — победоносно заявил Адвокат.

— Ваша честь, прошу задать господину Адвокату вопрос: может ли ребенок появиться на свет, если у него есть только отец и нет матери?

— Не задавайте глупых вопросов, Джерри! — нахмурил брови Судья.

— Согласен. Я задал глупый вопрос. Но только после того, как на него был дан глупый ответ.

В зале засмеялись, и Судья был вынужден постучать молоточком по столу.

— А синие перепелки? Если господин Адвокат так много читает, то, может быть, он знает, куда делись синие перепелки?

— Ваша честь, я протестую! Наш завод был построен через пять лет после того, как исчезли синие перепелки.

— Протест принят.

— Но первый завод компании «Уорлд Кемикл» был построен за пять лет до исчезновения перепелок. Прошу занести это в протокол.

— Не возражаю.

Джерри показалось, что Судья ему подмигнул, а это был хороший знак: значит, Судья на его стороне. Джерри осмелел и заявил:

— Я требую, чтобы мистер Усатая Бородавка признал свою вину.

Но Судья теперь уже моргнул двумя глазами и свирепо заявил:

— Господин попугай! Еще одно подобное выражение — и я прикажу вывести вас из зала!

— Но, господин Судья, я не могу выполнить ваш приказ: я не умею ходить.

— В таком случае я прикажу вам вылететь!

— Я бы с удовольствием, но только по вашему указанию закрыли последнее окно.

— Тогда я прикажу вас вынести! — стукнул Судья кулаком по столу.

Чик чирикнул:

— Джерри, немедленно принеси извинения, иначе мы проиграем процесс.

— Вы правы, господин Судья,— спохватился Джерри,— я был груб. И я готов принести извинения.— Он повернулся в сторону Директора и распушил свой хвост.— Сэр, я прошу у вас прощения за то, что обозвал

вас Усатой Бородавкой. Но это только из зависти. Если бы у меня на носу была такая усатая бородавка, я бы, наверное, тоже смог стать директором завода, а может быть, даже председателем комитета по загрязнению окружающей среды.

Директор только прошипел в ответ:

— Мерзавец.

Судья объявил:

— Извинения приняты.

А по залу прокатился сдержанный смех.

Джерри продолжал свое наступление:

— Знаете ли вы, ваша честь, что там, где мы живем, когда-то водились львы?

— Они и сейчас здесь водятся,— захохотал Усатая Бородавка,— вы можете полюбоваться ими в нашем зоопарке.

— Интересно, будут ли вас называть Директором завода, когда вы окажетесь за решеткой?

Директорский смех как отрезало. Усатая Бородавка злобно крикнул Джерри:

— Это таких, как ты, надо держать за решеткой!

— Прошу обе стороны не оказывать давления на суд!

— Вероятно, господин Директор не знает, что научный отдел зоопарка уже вынужден конструировать противогазы для львов, тигров, слонов и даже верблюдов.

— Может быть, вы обвините меня и в исчезновении древних мамонтов? — патетически воскликнул Директор.

— Да! — твердо ответил ему Джерри.— Когда мамонты узнали, до какой степени вы сумеете отравить все на Земле, они предпочли исчезнуть в допотопные времена, но не жить в потопах вашего зловония.

Зал грохнул от смеха.

Зеленый человек ударил в гонг и скорбно произнес:

— Господи, помяни невинно убиенных всех тварей твоих во все времена твои. Пошлешь ли ты нам времена, когда дела рук тебе подобных станут твоими делами? —

И он перекрестил зал поднятой над головой Красной книгой.

— Все! — взорвался Судья. — Все! Отныне разрешается давать показания только живущим и только находящимся в этом зале, зарегистрированным свидетелям.

— В таком случае, ваша честь, разрешите вам представить моего главного свидетеля, нашего городского Воробья. Это достойный Воробей. Он даже получил недавно специально для него сделанную медаль «За спасение на пожаре».

— Пусть он прилетит на этот стол и поклянется говорить правду, только правду и ничего кроме правды.

Воробей перелетел через зал и сел на спинку кресла Судьи.

— Я сказал: не на стул, а на стол, — строго заметил Судья.

Джерри что-то сказал Воробью, и тот перелетел на стол.

Серый Воробышек приподнял одно крыло и торжественно что-то прочирикал.

— Что он сказал?

— Он поклялся, ваша честь.

В этот момент Судья возмущенно вскрикнул и с брезгливым выражением лица стряхнул что-то с бумаги на столе.

— Объясните вашему свидетелю, — гневно сказал он, — что это судейский стол, а не общественный туалет!

— Извините его, ваша честь. Ведь он хотел вам сделать что-нибудь приятное. Знаете, многие люди считают, что если птичка опустит свою каплю на их шляпу — это хорошая примета. Это к богатству, ваша честь. Я трижды проверял эту примету на самом себе.

— Каким образом? — удивился Судья.

— Первый раз опустил свою каплю точно на шляпу идущего на работу моего знакомого аптекаря. А это не так просто. Надо рассчитать скорость идущего, скорость полета и учесть скорость ветра. Но я попал! А вечером узнал, что аптекарь выиграл в лотерею вполне прилич-

ную сумму... Второй раз я пролетел так же над беретом продавца бананов, и он в этот день продал их в пять раз больше, чем в любой другой день. А в третий раз...

— Прекратите вашу галиматью! — крикнул Судья. Но тут же взял себя в руки и спокойно спросил: — Ну-с, так что нам хочет сказать ваш свидетель?

— Разрешите задать ему несколько вопросов.

— Задавайте.

Джерри несколько раз щелкнул, а Воробей несколько раз чирикнул.

— Что он говорит? — спросил Судья.

— Он просит разрешения оплакать здесь, в суде, своих дальних родственников: Пио-пио, новозеландскую сову-хохотунью — и одного очень близкого родственника...

— Только близкого, и, если можно, покороче...

— Хорошо, — сказал Джерри, — я постараюсь... Не так давно на окраине нашего города за Последней улицей был маленький лес. Чахлый, почти засохший, но все-таки лес... Его решили вырубить, а к весне на этом месте построили целый город. И когда весной птичка, жившая в этом лесу, вернулась домой, она не нашла своего дома. Она долго кружилась в воздухе. Пока были силы. А потом упала и разбилась о камни городской

площади. Да, наш город стал еще больше, а мир, в котором мы живем, стал еще меньше. И самое печальное в том, что этого даже никто не заметил. Рано утром уборочная машина подмела площадь, и идущие на работу люди радовались ее чистоте. И никто из них не подумал, что в то утро человечество стало намного беднее и сделало еще шаг навстречу своей гибели... Это был Желтый Воробей, сэр. Последний Желтый Воробей.

— Желтый Воробей исчез семьдесят лет назад! — крикнул Директор.

— Его убили такие, как вы.

— Таких, как я, миллионы.

— Ваша честь! Прошу занести в протокол. Истец признается, что он является членом огромной шайки, которая поставила себе целью уничтожить все живое.

Усатая Бородавка вскочил с места и саркастически захохотал:

— Вы хотите, чтобы мукомольные фабрики мололи вам муку, чтобы кирпичные заводы давали вам возможность построить ваши дома, чтобы металлургические заводы давали вам крыши над головой, ваши машины, ваши вилки, ножи, ложки, и хотите при этом, чтобы они не дымили, не коптили и ничего не загрязняли? Чем больше людей, тем больше вокруг них грязи. А ткани? Откуда ткацкие фабрики берут нити для своих тканей? Мы делаем эти нити. Для вас. Вы все требуете, требуете, требуете, а мы все делаем, делаем, делаем. Мы! И вы же нас обвиняете. Нас! — Сарказм звучал в каждом его слове. — Уж не хотите ли, господа, — обратился он в зал, — ходить голыми по улицам, в театры и на дискотеки?

В этот патетический момент из зала выскочила девчонка в сверхкороткой сверхмини-юбке и в кофточке величиной в половину этой мини-юбки и весело крикнула:

— Хотим! Посмотрите на мою мини. Она в десять раз короче той юбки, которую носила моя бабушка, и в пять раз короче, чем носит моя мать. Если бы все носили такие мини-юбки, вашему заводу нечего было бы делать. Да здравствуют мини-юбки! Только они могут спасти все живое на нашей планете.

Публика взорвалась криками:

— Мини-юбки привели к падению нравов!

— Чем выше юбки, тем ниже мораль!

— Лучше всех танцует тот, кто танцует в мини-юбке!

Покупайте юбки фирмы «Левис»! — Девчонка нажала кнопку маленького магнитофона и стала танцевать, задирая ноги перед самым носом Судьи.

Судья ударил в гонг и приказал вывести ее из зала.

— Вот, ваша честь,— погрозил пальцем Усатая Бородавка.— Вот такие, как они, готовы разрушить все. На нашем заводе сотни людей остались без работы. Их дети плачут от голода. А все из-за чего? Из-за того, что бобрам в реке стало не очень уютно. А кому сейчас хорошо?.. Если бы вы видели, ваша честь, какой это был ужас, когда вода в реке, перегороженной плотиной, пошла вспять. Она прорвала снаружи очистные сооружения, и вся ядовитая пена хлынула в цехи завода. Они нанесли нам ущерб в три миллиона.

— Ага! Как раз эту сумму вы сэкономили на строительстве очистных сооружений.

— Это голословное обвинение!

— У меня есть доказательства!

— Какие?

— Учтите, Джерри,— напомнил Судья,— что статья за ложное обвинение...

— Но ведь есть же и статья за нарушение техники безопасности.

— Согласен. Где ваши доказательства?

Человек в зеленой шляпе и зеленых ботинках вынул из кармана зеленого плаща маленького Зеленого Мышонка и поднял его высоко над головой.

— Вот он! — торжественно объявил Джерри. — Вот он, отважный Зеленый Мышонок! Ночью он пробрался в бухгалтерию завода, перелистал, дрожа от страха, все бухгалтерские книги и наткнулся на записи об этой экономии.

— Ваша честь, — завопил Усатая Бородавка, — обвиняемый занимался промышленным шпионажем!

— Нет! Зеленый Мышонок не шпион. Он храбрый разведчик, который совершил свой подвиг во имя всего живого на Земле! После этого подвига он три дня дрожал от страха, и у него даже поседел кончик хвоста. Но он хоть остался жив... А где мой брат, гваделупский попугай?

— Не ищи его, Джерри. Он исчез навсегда. Он задохнулся в красном дыму такого же завода. — Человек в зеленом знал о всех погибших.

— Из ваших труб идет красный дым? — устало спросил Судья.

— Ну... смотря что считать красным... — замялся Директор.

— А где троюродный племянник моей двоюродной тетки, очаровательный, всегда и со всеми приветливый таитянский какарики?

— Его съели так, что от него даже косточек не осталось.

— А мартиникский попугай?

— Его перья раздали иностранным туристам.

— Почему я должен вам верить? — развел руками Судья.

Зеленый человек поднял над головой Красную книгу:

— Подлинность этих слов заверена вот здесь издательством «Золотой камень».

— Это солидное издательство,— уныло согласился Судья.— А теперь я приказываю вам сесть. Перестаньте торчать в центре зала! Вы не светофор.

— Он дал себе клятву, что не сядет и не ляжет до тех пор, пока люди не перестанут уничтожать животных,— объяснил Джерри.

— Боюсь, что в таком случае ему придется умереть стоя.

— Это будет героическая смерть! — скромно заметил Джерри.

— Я готова умереть вместе с ним! — крикнула девочка в мини-юбке и опять завертелась в вихре танца.

И снова полицейским пришлось выдворить ее из зала.

— А теперь,— торжественно объявил Джерри,— разрешите ввести сюда главного свидетеля, несчастную жертву железнодорожной катастрофы, знаменитого трехногого слона!

Где-то на лестнице послышался тяжелый топот... Его честь нервно задергался, трижды со всей силой ударил молотком в гонг и отчаянно завопил:

— Караул! Спасите! Помогите! Горю! Тону! Погибаю!

Бедный Судья! Нервы его не выдержали. Он выскочил из-за стола, упал на колени и воздел очи к небу:

— О богиня справедливости, Великая Фемида! В одной руке у тебя меч, в другой — чаша милости. Будь же справедлива и к судьям. Поднеси нам хотя бы глоточек из этой твоей чаши... Если к нам придет, прилетит или приползет хотя бы еще один свидетель, я сойду с ума! — Он наклонил голову и приставил руку к уху, как бы прислушиваясь к голосу сверху.— Так... так... хорошо... Спасибо тебе, о Великая Фемида!

Судья встал с колен и тут же объявил:

— Суд удаляется на совещание!

Затем Судья с ассистентами почти в панике умчался со сцены, и не успел Человек в зеленом еще раз ударить в

гонг, как они вернулись, неся перед собой огромную папку.

— Суд приговаривает завод «Уорлд Кемикл» к трем миллионам штрафа, а Джерри — к пяти часам тюремного заключения.

Зал встретил решение суда громом аплодисментов и возмущенными криками. Усатая Бородавка вскочил и закричал:

— Я бы тоже предпочел посидеть пять часов за решеткой!

— Вместо трех миллионов? — крикнул кто-то из зала.

Поскольку заседание уже было закончено, к Судье вернулось чувство юмора, оно всегда к нему возвращалось после окончания заседания.

— Извините, сэр, но эти три миллиона очень нужны городу как раз на ремонт тюрьмы. И в следующий раз, после ремонта, если вы захотите, конечно...

Джерри тут же на плече судебного исполнителя отправился в тюрьму. Исполненный гордой обиды и торжества, он не оказывал ни малейшего сопротивления. Перед ними по пути в тюрьму шла, сверкая огнями, машина Джека, а следом — свидетели и зрители. И стаи птиц над их головами. А к самой тюрьме со всех окрестных лесов и полей, по всем дорогам неслись олени, зайцы, волки, лисы, бурундуки, совы, вороны — и все они чирикали, каркали, выли, трубили, пищали. Даже ежи и черепахи ковыляли в сторону тюрьмы. Движение в городе остановилось: никто никуда не мог проехать.

Джерри уселся на решетку своей камеры в тот момент, когда свора собак с помойки, обгоняя бездомных котов, с оглушительным лаем ворвалась на площадь. И вся эта разношерстная толпа неистово выкрикивала:

— Да здравствует Джерри, попугай из приличной семьи!

В камеру ворвался начальник тюрьмы и закричал:

— Джерри, только что звонил Судья и сказал, что ты освобождаешься досрочно!

Стараясь перекрычать тысячи гудков нетерпеливых водителей и крики тысяч животных, Джерри воскликнул:

— Я был осужден письменно и не хочу освобождаться устно!

— Джерри, в городе такая автомобильная пробка, какой не было сто лет. Немедленно убирайся!

— И не подумаю!

Площадь на всех языках скандировала:

— Наш Джерри! Наш Джерри! Наш Джерри!

Наконец прибежал Судья и, запыхавшись, прочитал:

— Во изменение... номер такой-то... к одному часу... а ты уже просидел два... если бы я не был Судьей, я бы с радостью пожал твою благородную лапу... Ты свободен!

— А жаль!

— Что жаль?

— Вы отняли у меня три часа счастливой жизни.

А с площади все несло и несло:

— Джерри! Наш Джерри!..

Глава восемнадцатая ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОЛЕТ

Это была трудная ночь. Быть может, самая трудная ночь в его жизни. Всю ночь он думал, думал, думал... Еще вечером Майкл спросил Анну, далеко ли она собирается, и Анна ответила Майклу шутливой детской присказкой: «Пойду туда — не знаю куда, найду то — не знаю что». Поздним вечером Джерри приснился сон, от которого он сразу проснулся. В полной темноте чей-то голос жалобно сказал ему:

«Ты совсем забыл обо мне, Джерри?»

«А когда мы с тобой познакомились?»

«Никогда».

«А где?»

«Нигде».

«Тогда как же я мог забыть тебя?» — удивился Джерри.

«Вот и я удивляюсь: как же ты мог забыть меня?»

«А где ты сейчас?»

«Ах, Джерри, если бы я знал, разве бы я к тебе приставал?»

«Тогда хоть скажи, кто ты?»

Голос в ответ только вздохнул и замолчал.

Джерри понял, что такие сны зря не снятся. Кто-то где-то ждал его, и этого кого-то надо обязательно найти. Он понимал, что прощаться со старыми друзьями — это нелегкое дело. Но ничего не напишешь. Улетать всегда труднее, чем прилетать...

И Джерри помчался над городом, стараясь никого не забыть. Как бы вопреки календарю, тот день выдался удивительно теплым. Все жители города распахнули окна своих квартир. А те, кто мог ходить, ползать, блять, карабкаться или бежать, торопились на крыши, подоконники, в просторные дворы, скверы и стадионы, словно стараясь запастись на зиму дополнительным кусочком солнечного тепла.

Джерри заглянул в окно девочки, которую он когда-то спас:

— Привет!

— Привет! — обрадовалась девочка. — Чем тебя угостить?

— Чем хочешь. Только в другой раз.

— Ты куда-то летишь?

— Да. Я ищу себе друга.

— Я — твой друг, Джерри.

— Я знаю.

— Я могу для тебя что-нибудь сделать?

— Сыграй мне.

— Что? — Девочка открыла футляр, вынула из него маленькую скрипку и прижала к плечу.

— Сыграй мне концерт Брамса.

— Мы этого еще не проходили, — смутилась девочка.

— Тогда сыграй мне то, что ты играла тогда, в госпитале.

Девочка стояла у окна, играла и смотрела, как Джерри летит над улицей, поднимаясь все выше и выше. Трепетные звуки желали ему счастливого полета, удачи, желали ему ответить добром на добро. Что, в общем-то, и есть самая большая удача на свете. Эту мелодию вот уже двести двадцать четыре года все знали как «Опус

№ 87». И только сегодня она наконец нашла свое настоящее название. Оказывается, она всегда называлась «Пожелание другу»...

— Куда ты летишь, Джерри? — крикнул ему Чикс, уютно устроившись на телевизионной антенне.

— Я ищу себе друга.

— Давай я буду твоим другом.

— А что у тебя случилось?

— Ничего.

— Тогда подождем немного.

На соседней крыше Чикли доклевывала какие-то зерна.

— Угощайся, Джерри.

— Мне некогда.

— А куда ты летишь?

— Я ищу себе друга.

— Возьми меня в друзья.

— А что у тебя случилось?

— Я поссорилась с Чиксом.

— Попроси у него прощения.

— А если он не простит?

— Тогда позови меня. Но сначала попроси у него прощения.

Из-за угла дома вылетел Чик.

— Можно мне с тобой, Джерри?

— Да. Но когда я скажу тебе, что хочу остаться один...

— Так и будет, Джерри. Всю жизнь я был твоим солдатом, и я знаю, что такое приказ.

И в сопровождении Чика Джерри полетел дальше.

Снизу, от помойки, кто-то гавкнул ему:

— Куда ты летишь, Джерри?

— Я ищу себе друга.

— Дай нам пожрать, и мы все станем твоими друзьями!

Волна дружного хохота словно перебросила Джерри и Чика к берегу реки.

Учитель и Ива сидели на берегу, а перед ними из воды торчали внимательно-почтительные мордашки бобрят.

— А мы организовали новую школу,— похвасталась Ива.

— Посиди с нами,— попросил его Учитель.— Урок скоро закончится.

— Некогда. Я тороплюсь.

— Ты куда-то летишь?

— Я ищу себе друга.

— Хорошее дело, Джерри. Только не забывай старых. Кто забудет старых друзей, никогда не найдет себе новых. Минус на плюс дает минус, и только плюс на плюс дает плюс.

— Для меня это слишком сложно. Но я верю тебе, Учитель. Я никогда не забуду вас.— Джерри уже расправил свои крылья.

— Мы так много рассказывали им о тебе. Скажи им что-нибудь сам.

— Я всегда любил слушать вашего Учителя. Жаль, что я не бобренок. Я завидую вам!

Какой-то комок подступил к горлу.. И хотя Джерри знал, что попугаи не плачут, он поспешил поскорее удалиться от этого места.

Распрощавшись с бобрами, Джерри полетел над забором и заглянул в окно Директора.

— Добрый день, сэр,— сказал он подчеркнуто вежливо.

— Кто здесь? — оглянулся по сторонам Директор.

— Это я, Джерри, попугай из приличной семьи.

Усатая бородавка возле носа гневно задергалась.

— Какого черта вам здесь надо? — заорал Директор.

— Я хотел бы вас поздравить, сэр.

— Меня? — с подозрением переспросил Директор.

— Да.

— С чем же вы собираетесь меня поздравить? Опять приготовили какую-нибудь гадость?

— Нет, сэр. Я поздравляю вас с новыми очистными сооружениями! Сверху они выглядят так красиво, что их можно было бы выставить в национальной картинной галерее. Да, чуть не забыл... Все бобры и рыбы, особенно рыбы, приносят вам свою благодарность.

— Вы негодяй, Джерри! Умный негодяй, что может быть хуже. Если бы вы знали, во что нам обошлась эта красота,— вздохнул он.— Я надеюсь, что к нам ненадолго?

— Совершенно верно, сэр. Через минуту я улетаю.

— Куда же это, если не секрет?

— Я и сам пока не знаю. Я ищу себе друга.

— А это прекрасная мысль, Джерри,— воспрянул Директор.— Почему бы нам не подружиться? Я богат,

Джерри. А дружить с богатыми гораздо выгоднее, чем с бедняками.

— Знаете, что написали бобры на скале под струей Великого водопада?

— Наверное, что-нибудь веселое и остроумное.— Директор был просто сама любезность.

— Не совсем так, сэр. Там написано: «Если ты полюбишь врага дома твоего, то пусть ненависть спасет тебя от этой любви, а если ты возненавидишь ближнего своего, то пусть любовь твоя спасет тебя от этой ненависти».

— Все это глупости, Джерри. Плохой мир лучше хорошей ссоры.

— Наш мир стал таким плохим, что пора уже поссориться с теми, кто его таким сделал... Кстати, если сложить вместе дотацию правительства и штрафы, которые вы не будете теперь платить, эти сооружения достались вам совсем бесплатно.

— Джерри, мой бухгалтер скоро уходит на пенсию. Не хотите занять его место? Очень хороший оклад.

— С удовольствием. Но только после того, когда я решу, что сам я сижу не на своем месте... Желаю удачи, сэр.

— И вам, сэр.— Усатая Бородавка встал из-за стола и насмешливо поклонился.— Надеюсь, что мы с вами больше никогда не увидимся.

— Пути Господни неисповедимы, но я тоже на это надеюсь... Да, сэр, вам еще один привет.

— От кого?

— От того чудака в зеленом плаще, зеленой шляпе и зеленых ботинках.

И, не дожидаясь потока брани в свой адрес и в адрес Зеленого человека, Джерри покинул эту негостеприимную форточку.

— Здорово ты его! — восторженно чирикнул Чик.

— К сожалению, нам еще придется встретиться.

— С ним? — удивился Чик.

— Ну, не с ним, так с такими, как он. Кто ищет новых друзей, тот найдет и новых врагов... Тут рядом пансионат для стариков. Всего на минуту. Ты не против, Чик?

— Конечно нет, Джерри. Я рад, что у тебя хорошее настроение.

И через десять минут они уже были там.

— Как вы поживаете, мадам?

— Ах, это вы, Джерри? Вы к нам в гости?

— Нет. Мне предстоит дальняя дорога. Я ищу себе друга.

— А я уже нашла. Я нашла себе здесь много друзей. А в старости это не так просто. Ах, Джерри, я никогда не думала, что это так интересно — находить новых друзей. Спасибо вам, Джерри.

— Я рад, мадам. Счастливо вам оставаться.

И с легким сердцем он полетел обратно в город, где ему предстояли самые трудные расставания...

На перекрестке Кольцевой и Девятой магистрали Джерри увидел машину Рони.

— Привет, Рони,— сказал ему попугай.

— Привет, Джерри,— сказал ему полицейский.— Далеко собрался?

— Я ищу себе друга.

— А разве Джек тебе не друг?

— И Джек мне друг. И ты мне друг. Но я ищу себе нового друга.

— Говорят, старый друг лучше новых двух.

— Наверное, ты прав, Рони. Но в этом мире прав только тот, кто пока еще не знает, что и он не прав.

— Честно говоря, Джерри, у меня тут есть на примете один мальчик. Из него, я уверен, получится хороший друг. Он много читает, умен, прекрасно играет на скрипке, но, к сожалению, у него все в порядке.

— Привет, Рони,— махнул ему крылом попугай.

— Привет, Джерри,— махнул ему рукой полицейский.— Если найдешь новенького, сразу дай знать. Я сегодня дежурю до вечера... А хочешь, посиди со мной, поболтаем, посмотрим по сторонам...

— Нет, Рони, нет. Пока у меня есть душа и крылья, я буду всегда искать то, чего никогда не найду. Мне так легче жить. Другим трудней, а мне легче...

Во дворе, где жили Кот и Мышонок, все было как всегда. Кот сидел на багажнике велосипеда. Этот двухколесный вездеход сегодня почему-то выглядел особенно уныло и одиноко.

— Что-то твоего хозяина давно не видно? — съехидничал Джерри.

— Ничего,— вздыбился Кот,— тучи уйдут, и снова появится солнце... Уж не его ли ты ищешь?

— Нет, не его. Я ищу себе друга.

— Ну и дурак. Лучше ищи себе врага.

— Зачем?

— Врага хоть можно съесть. А что делать с другом? Он, того и гляди, у тебя еще что-нибудь прихватит.

— Если я отдам половину еды другу, а он свою половину — мне, оба будем сыты. А врага можно найти и такого, который не пощадит тебя, Кот.

— На мой век мышей хватит.

— Могу тебе дать один совет: ищи себе врагов поменьше и послабее... Но только помни, что у Зеленого Мышонка есть верный друг.

— Ты, что ли? — высокомерно вздернул он свои кошачьи усы.

— А у меня есть верный друг Джек.

— Полицейский, что ли?

— А у Джека тоже есть друг: большая собака.

— С тобой говорить — только аппетит портить, — прошипел Кот. — Лети, лети отсюда! Чтoб глаза мои тебя не видели! Могу тебе для такого случая велосипед свой одолжить.

— С твоим велосипедом скорее сядешь, чем взлетишь.

Злобное шипение осталось внизу, а Джерри взлетел на чердак.

— Я снова в полете, Микки! — весело крикнул Джерри.

— А куда ты летишь?

— Я ищу себе друга.

— А разве я тебе не друг?

— Друг, друг.

— Тогда почему же ты ищешь себе друга? Настоящего друга найти не так-то просто.

— Все так, Мышонок, всё так. Но ты ведь знаешь, что я очень люблю помогать своим друзьям. Это даже можно назвать моей основной работой. И всякий, кто попал в беду, сразу становится моим другом. Ты помнишь, как мы подружились с тобой?

— Помню, конечно, помню.

— Если что, я снова окажусь рядом.

— Я знаю это, Джерри. Но ты будешь далеко, а Кот так близко, — тихо сказал Мышонок. И еще тише добавил: — У меня никого нет, кроме тебя, Джерри.

— Сбегай к Джеку. Пусть он придет во двор и постоит. А ты посидишь у него на шляпе.

— Ты смеешься, Джерри? Если кто увидит полицейского с Мышонком на шляпе...

— Скажи ему, что это я просил... Будь здоров, Мышонок!

Джерри понимал, что труднее всего ему будет прощаться с Джеком, и он откладывал это прощание на последний момент. Они с Чиком еще пару часов полетали над городом, заглядывая во все уголки...

Но вот и время пришло. Пора.

— Все, Чик. Дальше я полечу один.

— Слушаюсь, Джерри! Если что — всегда помни: я твой солдат.

— Майкл рассказывал, что были случаи, когда солдаты восставали против своих командиров.

— Это были плохие случаи, — заметил Чик.

— Спасибо тебе за то, что ты был моим другом.

— И тебе спасибо...

Чик круто развернулся и улетел...

Джек в этот день дежурил на главном пульте.

— Я улетаю, Джек, — объявил Джерри, усевшись на подоконник.

— Все когда-нибудь улетают, — кивнул головой Джек. — В детстве, во сне, я часто летал. Это были хорошие сны.

— Я улетаю надолго.

— Надолго — это все-таки короче, чем навсегда.

— Почему ты меня не отговариваешь? — обиделся Джерри.

— Потому что я уверен, что мы когда-нибудь встретимся.

— Когда?

— Не знаю, — вздохнул Джек. — Лучшее место для встречи — это у вечности на краю. Хочешь, я назначу тебе там свидание?

— Для пули нет слова «вечность».

— Но и для вечности нет слова «пуля».

— Джек, объясни все Анне и Майклу.

— Хорошо.

— Жаль, что мы с тобой расстаемся.

— Это ты расстаешься.

— А ты?

— А я остаюсь.

— Ты знаешь, почему я улетаю?

— Да. Ко мне прибегал Зеленый Мышонок и все рассказал. Он плакал, когда рассказывал.

— А ты?

— Помнишь аэродром, Джерри? Он принимал тех, кто устал от полета, а провожал тех, кто стремился в этот полет. Я порадовался за тебя, Джерри.

— Чему же ты так радовался? — снова обиделся Джерри.

— Когда ты вернешься, тебе будет что рассказать. А нам будет что послушать. История никогда не кончается, Джерри. Каждый раз ее придумывает какой-нибудь новенький. Но это уже бывает другая история... Тебе пора, Джерри.

— Ты думаешь?

— Да. Кто слишком долго прощается, тот никогда не сможет улететь.

— До встречи, Джек! — крикнул ему Джерри уже на лету. — До встречи когда-нибудь где-нибудь на самом краю.

ОБ АВТОРЕ «ПОПУГАЯ ИЗ ПРИЛИЧНОЙ СЕМЬИ»

Мы с ним лично не знакомы, но я знаю об Устинове все. Даже больше, чем он обо мне.

Есть такая загадка: «Что труднее всего найти в Москве?» И ответ на нее почти смешной: «Коренного москвича».

Устинов родился в Москве, рос, учился, в сорок первом ушел из Москвы воевать. А мечтать, наверно, научился на войне, воображая себе неправдоподобную, фантастическую ситуацию о том, что будто бы кончилась война, а он живой и почти невредимый вернулся домой. Может, потому и вернулся, что его ангел-хранитель тоже любил фантазировать. Не берусь утверждать, но думаю, что ангелы-хранители чаще всего прилетают не к тем, кому они нужны, а к тем, кто нужен им.

А потом почти мир! И сказки, сказки, сказки: пьесы, повести и совсем короткие истории. Персонажи его сказок порадовали зрителей и читателей почти во всех городах Советского Союза, а теперь России, где смех детей — это и есть тот Великий Маленький Колокольчик надежды и веры в наше будущее.

Вместе с героями его фантазий горевали и смеялись дети Англии, Австрии, Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Югославии, Финляндии, Швеции, Греции, на Кипре, в Японии, США, Дании, Италии, Швейцарии. Только в одной Германии его сказки сыграли более сорока театров, поставили на телевидении, напечатали в издательствах.

Все приключения этой фантастической книги будто бы происходят не в нашей стране. Хотя, если честно сказать, таких книг не бывает. Все, что написано в этом мире,— все написано про нас.

И пусть тайный смысл откроется тому, кто умеет читать, а заодно и тому, кто умеет слушать.

Оглавление

<i>Глава первая.</i> Попугай из приличной семьи	5
<i>Глава вторая.</i> Госпиталь	22
<i>Глава третья.</i> Новые друзья	36
<i>Глава четвертая.</i> Одинокая ферма	46
<i>Глава пятая.</i> Концерт Брамса	62
<i>Глава шестая.</i> Пустая улица	71
<i>Глава седьмая.</i> Счастье актрисы	74
<i>Глава восьмая.</i> Ночной переход	83
<i>Глава девятая.</i> «Король Лир»	88
<i>Глава десятая.</i> Возмездие	92
<i>Глава одиннадцатая.</i> Две шляпы	100
<i>Глава двенадцатая.</i> Такой вкусный банан	104
<i>Глава тринадцатая.</i> Встретимся на Амазонке!	109
<i>Глава четырнадцатая.</i> Похищение Джека	137
<i>Глава пятнадцатая.</i> Под грохот водопада	154
<i>Глава шестнадцатая.</i> Большая перестрелка	169
<i>Глава семнадцатая.</i> Встать, суд идет!	195
<i>Глава восемнадцатая.</i> Прощальный полет	220
Об авторе «Попугая из приличной семьи»	231

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по серии «Замок чудес»
присылать по адресу:*

**125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376
Издательство АРМАДА**

Устинов Л.

У 80 Попугай из приличной семьи: Фантастический детектив для мальчишек и девчонок/ Худож. В. Коркин.— М.: АРМАДА, 1997.— 233 с.: ил.— (Замок чудес).
ISBN 5-7632-0527-8

Веселый попугай Джерри живет в семье священника и его дочери, детского врача. Они научили умного попугая делать добро и противостоять злу. К тому же попугай обзавелся другом из полиции по имени Джек, после чего жизнь без приключений кажется ему пресной.

**УДК 82-312.9(02.053.2)
ББК 84 (Рос=Рус)6-44я5**

Замок чудес

ЛЕВ ЕФИМОВИЧ УСТИНОВ
ПОПУТАЙ ИЗ ПРИЛИЧНОЙ СЕМЬИ

*Фантастический детектив
для мальчишек и девчонок*

Ответственный редактор
Л. В. Гостева

Художественный редактор
Л. П. Копачева

Технический редактор
П. Э. Кутепов

Изд. лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93. Формат 60х90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,00. Тираж 11000 экз.
Изд. № 2140. Заказ № 4715.

Издательство АРМАДА
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376

Отпечатано в типографии издательства «Самарский Дом печати»
443086, Самара, просп. Карла Маркса, 201

Шервуд Смит

Рена и армия чародеев

Фантастическая повесть Ш.Смит знакомит читателей с новыми приключениями героев книг «Рена и потерянная принцесса», «Рена и таинственный чародей».

В королевстве Мелдрит настали тяжелые времена. Неумелое правление герцога Фортиана привело к обнищанию простых людей. Родители Терессы, король и королева, убиты во время нападения на дворец полчищ злого волшебника Андреуса, а самой

принцессе чудом удалось уцелеть...

Рена, Тайрон и другие ученики Школы Волшебства понимают, что пришло время решающей схватки с войском Андреуса. Но чтобы победить могущественного и коварного противника, недостаточно собрать даже очень сильную армию. Друзья должны добыть и расшифровать древнюю магическую книгу — только с ее помощью им удастся одолеть злые чары короля страны Сенна Лирван и спасти родной Мелдрит...

УВАЖАЕМЫЕ РОДИТЕЛИ!

*У Вас есть прекрасная возможность совместить
увлекательное чтение забавной современной сказки
вашим детям с первыми уроками русского языка!
В этом Вам поможет новая книга*

Андрея Усачева

АсБуква,

Симпатичный старичок-пришелец с планеты Бук совершил вынужденную посадку в Аниной комнате: в его космической тарелке-леталке кончилось горючее. Пилот-Ас не умеет читать и поэтому не знает, как называется по-русски необходимое топливо. До отлета базового корабля на Бук остается тридцать дней, тридцать минут и тридцать секунд, и, чтобы попасть на родную планету, инопланетянин должен успеть выучить все буквы русского алфавита! Аня и ее новый знакомый смело берутся за дело. Не желаете присоединиться?

**или
Пособие
для
маленьких
детей
и
пожилых
инопланетян**

Книга превосходно, красочно иллюстрирована. Каждой букве алфавита посвящена отдельная главка, в текст сказки удачно вплетены упражнения по развитию речи у детей.

Ежемесячный иллюстрированный журнал
для мальчиков и девочек

МИША

“Миша” – веселый, увлекательный и познавательный журнал для ребят, которые любят приключения, комиксы, сказки, рассказы, загадки, кроссворды, головоломки, игры, поделки, шутки, анекдоты и многое другое.

Подписка принимается во всех почтовых отделениях с любого месяца.

Подписной индекс:
72847 – на полугодие, **72377** – на год.

**ДЛЯ ЮНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ
И ЛЮБИТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ЖИВОТНЫХ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО **ADMA**
ВЫПУСТИЛО И ГОТОВИТ К ИЗДАНИЮ КНИГИ СЛЕДУЮЩИХ СЕРИЙ:

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

Лучшие произведения
отечественных и зарубежных
авторов о животных

О ребятах и зверятах —
повести и рассказы
современных писателей
для детей

ЗАМОК ЧУДЕС

Сказочные повести
и детская фантастика

Все приключения Алисы
в фантастическом сериале
Кира Булычева

Новые приключения героев
Волшебной страны в сериале
Сергея Сухинова

Необычайные приключения,
увлекательная фантастика
и захватывающие детективы
для взрослых и юношества

Невероятные приключения
юных героев на борту
легендарного «Наутилуса»
в фантастическом сериале
Вольфганга Хольбайна

**ПОВЕСТИ
ВОЛШЕБНЫХ КЛЮЧЕЙ**

Цикл сказочных повестей
Софьи Прокофьевой

УВАЖАЕМЫЕ РОДИТЕЛИ!

**К вашим услугам книготорговые организации,
в которых можно приобрести книги издательства АРМАДА
мелким оптом и в розницу:**

АСТРАХАНЬ:	"Вариант"	ул. Чернышевского, д.12
ВОЛГОГРАД:	"Эзоп"	(8442) 37-25-19
КАЗАНЬ:	"Сериал"	(8432) 35-63-34
КАЛИНИНГРАД:	"Экслибрис"	(0112) 45-75-44
КАЛУГА:	"Аэлита"	(08422) 4-42-45
ТУЛА:	книжный магазин	просп. Ленина, д.20
УССУРИЙСК:	ИЧП "Матвеев"	(42341) 2-34-56

**Оптовые партии книг по ценам издательства
вам предлагают наши региональные представители:**

МОСКВА:	"Рест"	(095) 150-07-82
	"Колокол"	(095) 261-93-05
	"Стрела"	(095) 755-91-66
	"Тригон"	(095) 251-49-11
С.-ПЕТЕРБУРГ:	"Русский Север"	(812) 530-05-36
	"БИМ+"	(812) 262-44-87
ВОРОНЕЖ:	"Амитель"	(0732) 23-00-02
ЕКАТЕРИНБУРГ:	"Полибук"	(3432) 53-87-54
КИЕВ:	"Олса"	(044) 435-52-59
Н.НОВГОРОД:	"Логос"	(8312) 36-25-80
НОВОСИБИРСК:	"Топ-книга"	(3832) 39-63-63
ОМСК:	"Сибинформ"	(3812) 65-36-64
ПЕРМЬ:	"Тигр"	(3422) 44-73-54
РОСТОВ-на-ДОНУ:	"Эмис"	(8632) 32-87-71
САМАРА:	"Реал +"	(8462) 41-87-30
ЧЕЛЯБИНСК:	"Корвет"	(3512) 36-75-10
	"РИФ-2"	(3512) 61-25-80

«КНИГА – ПОЧТОЙ»!

Если вы хотите подписаться на интересующую вас серию или заказать отдельные книги, пришлите заявку по адресу:

**125499, Москва, Кронштадтский бул.,
д. 376, издательство АРМАДА, с пометкой "Книга – почтой" на конверте.**

Оформить подписку можно также по любому из адресов (г.Москва):
**ул. Красная Пресня, д.14, магазин «Пресня»;
 Дмитровское ш., д.25, библиотека №84;
 проспект Мира, д.41, строение1,
 помещение Художественного салона.**

www.elmob.ru

00560910

40-

ЗАМОК
ЧУДЕС

ЛЕВ УСТИНОВ

